

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ
СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

АЛТАЙСКИЙ ФИЛИАЛ

СТРАТЕГИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА: ОТ РАЗРАБОТКИ К РЕАЛИЗАЦИИ

**Материалы Всероссийской (национальной)
научно-практической конференции
(14 апреля 2022 года)**

Барнаул 2022

ББК 67.401
С 692

**Стратегия как инструмент социально-экономического
развития региона: от разработки к реализации**

Материалы Всероссийской (национальной) научно-практической конференции
(14 апреля 2022 года)

Редакционная коллегия:

И.А. Панарин – главный редактор
С.П. Воробьев
Н.П. Гончарова
Т.В. Кайгородова
Д.С. Леонтьева
Е.Ю. Пашкова
С.В. Шлегель

Стратегия как инструмент социально-экономического развития региона: от разработки к реализации: Материалы Всероссийской (национальной) научно-практической конференции (14 апреля 2022 года); Алтайский филиал РАНХиГС. – Барнаул: изд-во «Пять плюс», 2022. – 186 с.

Раздел 1

РАЗРАБОТКА И РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ И НОРМАТИВНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ, АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ, ПРОГНОЗИРОВАНИЯ, МОНИТОРИНГА

ЭВОЛЮЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО СТРАТЕГИРОВАНИЯ В РОССИИ И СИБИРИ: ОТВЕЧАЯ НА ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ¹

Селиверстов В.Е.

*Центр стратегического анализа и планирования
Института экономики и организации промышленного производства СО РАН
Международный научный центр СО РАН по проблемам
трансграничных взаимодействий
Россия, г. Новосибирск*

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы формирования стратегического планирования в Российской Федерации с акцентом на эволюцию регионального стратегирования в Сибири и в ее городах и регионах. На примере стратегических разработок, осуществленных в разные годы в Институте экономики и организации промышленного производства СО РАН показана роль науки в формировании стратегий и программ Сибири и ее регионов, в выработке конкретных рекомендаций по развитию отраслей и кластеров, социальной и инновационной политики, новых механизмов реализации стратегических целей и задач. В конечном итоге это выражалось в формировании и реализации различных моделей развития и управления субъектов Федерации, учитывающих их региональную специфику. На примере разработки и реализации Программы реиндустриализации экономики Новосибирской области обоснована целесообразность перехода на разработку проблемно-ориентированных документов регионального стратегического планирования. Выявлены проблемные точки и уроки, сложившиеся в современной системе национального, межрегионального и регионального стратегического планирования в России, и показаны направления их решения.

Ключевые слова: региональное стратегическое планирование; региональное и межрегиональное стратегирование; экономика и социальная сфера Сибири; сибирская научная школа стратегического планирования; проблемно-ориентированные документы стратегического планирования; программа реиндустриализации экономики Новосибирской области; проектно-программный подход; институты и институциональные условия регионального и муниципального развития; инновационные аспекты регионального развития.

В Институте экономики и организации промышленного производства СО РАН (ИЭОПП СО РАН) накоплен большой опыт стратегических разработок на уровне Сибири и ее регионов и городов. Из важнейших работ, выполненных в советское время, можно отметить программы развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, хозяйственного освоения зоны БАМ, развития Нижнего Приангарья, программу перспективного развития Срединного региона (широтная макрозона СССР, включающая территории Западной и Центральной Сибири, Казахстана и республик Средней Азии) как альтернативы проекта переброски части сибирских рек в среднеазиатские республики и в Казахстан.

¹ Публикация подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект «Региональное и муниципальное стратегическое планирование и управление в контексте модернизации государственной региональной политики и развития цифровой экономики».

В постсоветский период эти разработки обрели форму стратегий социально-экономического развития Сибири и субъектов федерации, расположенных на ее территории. Институт стал основным разработчиком Федеральной целевой программы экономического и социального развития Сибири на период 1997-2005 гг., стратегий социально-экономического развития Сибири, утвержденных в 2002 и 2010 г. Основным пилотным полигоном стратегирования стала Новосибирская область. Так, в Стратегии социально-экономического развития данного региона на период до 2020 г. (разработка 2006-2007 гг.) был практически по максимуму использован современный модельный инструментарий ИЭОПП СО РАН и стратегическое видение перспектив региона с позиций его основных конкурентных преимуществ. Это нашло отражение в конкретных рекомендациях по развитию отраслей и кластеров, социальной и инновационной политики, новых механизмов реализации стратегических целей и задач.

Логическим продолжением этой работы была разработка Стратегии социально-экономического развития г. Бердска, когда впервые был поставлен вопрос о необходимости тесной интеграции Бердска и Новосибирского Академгородка. В ней была обозначена инновационно-внедренческая ось «Наукоград Кольцово – Академгородок – Бердск». Т.е. фактически это было прообразом современной идеи мегапроекта «Академгородок 2.0» как территории с высокой концентрацией исследований и разработок.

Другой пример – это разработка в 2008-2009 гг. концепции среднесрочной программы развития Новосибирской области. Опираясь на приоритеты, отраженные в стратегии региона, был осуществлен переход на более конкретный и предметный уровень: реализации 11 комплексных задач социально-экономического развития региона, концепция каждой из них защищалась на заседаниях Совета Администрации области. Это был интересный опыт совместной деятельности профильных министерств Новосибирской области и рабочих групп ИЭОПП СО РАН, своеобразная школа поиска компромиссов власти, науки и бизнеса.

Все эти разработки опирались как на большой опыт исследования комплексных проблем развития Сибири и ее регионов, накопленный в Институте со дня его основания, так и на систему оригинальных межрегиональных и региональных экономико-математических моделей, которые являлись основой разработки сценариев перспективного развития Сибири и ее территорий в системе национальной экономики. Все это дает основание говорить о Сибирской научной школе стратегического планирования, ставшей одним из важнейших направлений научной деятельности данного Института. В наших монографиях [1, 2] мы подробно рассмотрели формирование этой научной школы и ее основные результаты.

Однако в новом тысячелетии в России сформировался своеобразный «кризис жанра» регионального стратегирования. Это проявилось в сильной монополизации рынка региональных стратегий со стороны узкого круга столичных консалтинговых компаний, на этом рынке стали доминировать демпинг, шаблонность и унификация. Разработка стратегий регионов и городов России превратилась в соревнование на лучшие презентации и на саморекламу разработчиков. Шаблонные схемы целеполагания, типовые стратегические задачи (повышение уровня жизни, рост эффективности региональной экономики и т.д.) фактически делали неразличимыми эти стратегические документы, в них не была видна региональная и муниципальная специфика, отсутствовали встроенные механизмы реализации. Ситуацию не улучшило принятие в 2014 г. Федерального закона о стратегическом планировании в Российской Федерации (№ 173 ФЗ), к которому мы относимся весьма критично.

Все это обозначило новые вызовы, угрозы и уроки и заставило искать неординарные пути эволюционирования стратегического планирования. Обозначим несколько новых направлений регионального стратегирования, которые были реализованы в конкретных разработках ИЭОПП.

В первую очередь следует отметить целесообразность перехода на разработку проблемно-ориентированных документов регионального стратегического планирования. Они основаны на активном использовании проектно-программного подхода, принципов государственно-частного партнерства и публичного управления. Здесь ярким примером может слу-

жить разработка Программы реиндустриализации экономики Новосибирской области на период до 2025 г. [3]. Эта Программа стала новым элементом системы стратегического планирования региона и может рассматриваться в качестве важного пилотного проекта федеральной и межрегиональной значимости. На этом примере могут отрабатываться элементы взаимодействия власти, бизнеса и науки в активизации инновационных направлений регионального развития. В данной Программе был использован проектно-программный подход, который выявил и предложил к реализации в рамках ее первой «пусковой» стадии флагманские комплексные проекты. Т.е. Программа реиндустриализации экономики Новосибирской области фактически сформировала элементы нового подхода к региональному стратегированию, а также выявила определенные уроки.

Урок первый. Главное в стратегировании – это не просто громкие лозунги, а поиск и инициирование новых конкретных инвестиционных и инновационных проектов, которые способны изменить экономику и деловую среду конкретного региона.

Урок второй. Необходимость перехода на принципы публичного управления. Так, интеграционный потенциал Программы реиндустриализации и ее участников был мобилизован благодаря публичному характеру ее разработки. Публичное управление только сейчас начинает постепенно зарождаться в России (т.е. когда граждане, общественные организации являются не только объектом управления, но и ее субъектом; управление обществом вместе с обществом). Очень важно выстроить систему партнерства в разработке и обсуждении стратегических направлений регионального и муниципального развития, и в ходе разработки Программы реиндустриализации это удалось в полной мере. ИЭОПП СО РАН стал сильной коммуникационной площадкой диалога власти, бизнеса и науки.

Урок третий. Важен переход от парадигмы стратегического планирования к парадигме стратегического управления. Работа над Программой реиндустриализации фактически стала направлением совершенствования системы стратегического управления в Новосибирской области. Не секрет, что судьба большинства стратегий и программ печальна – они разрабатываются, принимаются и потом кладутся на полку. Но в саму идеологию данной Программы мы заложили принцип динамичности и ее ежегодной перезагрузки. После ее принятия в течение последующих лет в Программу отбирались новые «флагманские» проекты. Здесь большую роль сыграла деятельность созданной на федеральном уровне Межведомственной правительственной рабочей группы по сопровождению Программы реиндустриализации под руководством вице-премьера А. Дворковича.

Урок четвертый. Необходимость усиления внимания к инновационным аспектам регионального развития. Это стало сильной спецификой стратегических разработок ИЭОПП СО РАН. Так, в Программе реиндустриализации впервые была обоснована необходимость реализации в регионе стратегической инициативы национального уровня – создания Национального центра интеграции науки, образования и высокотехнологичного бизнеса («Академгородок 2.0») [4].

Урок пятый. Целесообразность сочетания и взаимодействия регионального стратегического планирования и территориального планирования. Первое – это хорошо известные стратегии и программы социально-экономического развития регионов и муниципалитетов. Территориальное планирование – это особый жанр, связанный с разработкой градостроительных документов, схем районных планировок и т.д. Следует отметить, что в Новосибирской области имеется хороший опыт, когда в одном стратегическом документе фактически интегрируются традиционное стратегическое планирование, планирование научно-технологического развития и территориальное планирование. Мы имеем в виду Стратегию социально-экономического развития наукограда Кольцово [7], основным градообразующим предприятием которого является Государственный научный центр вирусологии и биотехнологии «Вектор», который приобрел особую известность в период борьбы с пандемией коронавируса.

Урок шестой. Наука должна занять активную позицию на рынке разработки национальных и региональных стратегий, она должна встроиться в современные научно-технологические и управленческие тренды, и при этом избавиться от излишнего «научообразия». Академическим институтам необходимо объективно оценить свои возможности, учесть уроки, войти в процессе стратегических разработок в активные взаимодействия как с органами власти, так и с бизнесом.

Также мы считаем, что в процессе модернизации регионального и муниципального стратегирования целесообразно ориентироваться на следующие научно-технологические и управленческие тренды.

- Формирование новых институтов и институциональных условий регионального и муниципального развития. Сейчас в субъектах федерации ведется большая работа по созданию проектных офисов. Такие же офисы должны быть практически в каждом городе и административном районе. Возможно, что один проектный офис может работать на несколько муниципальных образований.

- Встраивание в систему регионального стратегического планирования моделей, методик и практик разработки когнитивных региональных геоинформационных систем. Так, в этой области в Новосибирске на самом высоком уровне работает Сибирский государственный университет геотехнологий и информации.

- Встраивание в новые модели бизнеса и тенденции цифровой экономики. Здесь очень много интересных направлений для стратегических разработок, связанных с цифровым неравенством регионов, с новой системой трудовых отношений и т.д.

- Работа над конкретными проектами развития высокотехнологичных производств в Новосибирской области и их встраивания в систему регионального стратегического планирования и управления логично приводит к выводу о необходимости синтеза регионального и корпоративного (внутрифирменного) стратегического планирования и управления.

- Важно не только заниматься разработкой стратегий и программ, но и разрабатывать и реализовывать программы переподготовки и обучения сотрудников региональных администраций и муниципальных служащих в области регионального стратегирования. И здесь особая роль принадлежит пространственно-распределенной сети РАНХиГС (и ее Алтайского филиала).

В какой современной системе координат в области пространственного развития и регионального стратегирования мы сейчас находимся?

Национальный уровень. К сожалению, оказалась провальной разработка Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 г. (далее – СПР). Редко какой документ, выходящий из недр Правительства РФ и его министерств (за исключением, пожалуй, проекта пенсионной реформы) имел столь негативную реакцию в российском обществе и в профессиональной среде. В результате утвержденная СПР не имеет союзников: ни в бизнес-среде, ни в региональных элитах, ни, тем более, в экспертном сообществе. И хуже всего, что тем самым дискредитирована сама идея разработки и реализации действительно необходимой для нашей страны стратегии перспективного обустройства ее пространства. В публикации [5] мы подробно проанализировали дефекты этого документа.

Межрегиональный уровень. В 2021 г. Минэкономразвития РФ разработал Стратегию социально-экономического развития Ангаро-Енисейского макрорегиона (далее – АЕМ) на период до 2030 г. ИЭОПП подготовил экспертное заключение на этот документ, в котором мы указывали на его очень существенные недостатки [6]. Нет смысла их комментировать в настоящей публикации, укажем лишь на то, что данная Стратегия построена по устаревшим шаблонам госплановских документов, она оторвана от современных и перспективных тенденций, связанных с цифровой и «зелёной» экономикой, искусственным интеллектом, биотехнологиями, в ней отсутствует потенциал межрегиональных взаимодействий и т.д. Эти тенденции напрямую оказывают влияние на будущее этой уникальной территории Сибири. В существующем виде данный проект Стратегии

макрорегиона мог появиться и десять, и двадцать, и тридцать лет назад, и никто бы не обратил внимание на период его разработки и привязанности к существующим проблемам.

СПР России и Стратегию Ангаро-Енисейского макрорегиона объединяет одна общая и весьма показательная черта. Их первоначальный вариант в виде концепций этих стратегий был подготовлен на весьма достойном уровне (Концепция СПР РФ – группой квалифицированных экспертов и ученых-регионалистов; Концепция АЕМ – Фондом стратегических разработок совместно с компанией BCG – Boston Consulting Group). Но дальнейший процесс их переработки и корректировки в Министерстве экономического развития РФ путем их «втискивания» в рутинные и устаревшие форматы утверждаемых правительственных документов, межведомственные согласования, изъятие острых проблем и путей их решения привели к появлению безликих и никому не нужных документов стратегического планирования. Ровно такой же путь прошла в свое время и Стратегия социально-экономического развития Сибири на период до 2020 г., в которой «цензорскими» усилиями Минэкономразвития РФ ничего не осталось от первоначального варианта, представленного Сибирским отделением РАН.

Похоже, современную российскую власть больше устраивает аморфная и безликая региональная политика, использующая методологию и практику советского Госплана, причем не в самой лучшей ее интерпретации. К сожалению, представленный в мае 2022 г. проект Стратегии социально-экономического развития Сибирского федерального округа до 2035 г. явился дословной «калькой» Стратегии Ангаро-Енисейского макрорегиона со всеми ее «родовыми» дефектами.

Региональный уровень. На этом уровне стратегирования ситуация в прошедший период оказалась не столь удручающей, как на национальном и межрегиональном. В регионах и городах России появились новые квалифицированные научно-исследовательские и консалтинговых коллективы, успешно работающие в области разработки программных документов регионального и муниципального развития. В субъектах Федерации и в муниципалитетах постепенно начинает формироваться современная система стратегического управления, основой которой являются стратегии и программы социально-экономического развития. Тем не менее, слепое следование в субъектах Федерации методическим указаниям Минэкономразвития лишает эти стратегии оригинальности, в них зачастую теряется региональная специфика, не отражаются основные конкурентные преимущества региона и их особые проблемы.

Вопрос, связанный с качеством национального и регионального стратегирования – далеко не праздный. Ведь динамика и эффективность развития российских регионов определяется сочетанием как их ресурсных возможностей и наличного производственного потенциала, так и управленческих решений, принимаемых на федеральном, региональном и корпоративном уровнях. Следствием этих решений является реализация конкретных направлений инвестиционной, промышленной, социальной и других политик в данном субъекте Федерации. Очевидно, что стартовые условия и возможности развития регионов различные, равно как и их позиционирование в экономическом пространстве России, что объективно определяет потенциал их роста. Однако огромную роль играют и субъективные факторы, связанные с выбором той или иной модели социально-экономического развития конкретного субъекта Федерации и реализуемых на их основе систем управления. А они в существенной степени зависят от выбранных стратегических приоритетов, фиксируемых в основных программных документах регионального развития [6]. На примере сопоставления Новосибирской и Кемеровской областей в контексте разработки региональных стратегий и программ была проиллюстрирована взаимозависимость выбора стратегических направлений развития регионов, реализации основанных на них моделей управления и развития данных территорий, и результативность реализуемых управленческих политик.

Выбор этих регионов для сравнения не случаен. Доминантой развития Кемеровской области является эксплуатация уникальных угольных месторождений Кузбасса, и под это построено все развитие региона. Новосибирская область в силу отсутствия крупных месторождений природных ресурсов вынуждена использовать другие источники роста. И их удалось

мобилизовать в том числе за счет правильно выбранной модели инновационного развития и сильной системы стратегического планирования.

Анализ последствий выбранных моделей развития говорит о большей результативности, инновационной направленности и инвестиционной привлекательности Новосибирской области по сравнению с Кемеровской и о существенном динамизме позитивных изменений первого региона. Например, по данным Агентства стратегических инициатив, если в национальном рейтинге по состоянию инвестиционного климата Новосибирская область в 2015 г. была на 57 месте, то за пять лет переместилась сразу на 38 позиций и в 2020 г. позиционировалась уже на 19 месте. Кемеровская же область, наоборот, в эти годы потеряла 24 позиции; в рейтинге инвестиционной привлекательности регионов Эксперт РА фиксирует очень высокий ранг риска в этом регионе (60 место в стране). Все это – реальная цена выбранных стратегических ориентиров и приоритетов и основанных на них моделей регионального развития.

В последнее время усиливается актуальность научно-обоснованных экспертиз новых направлений пространственного развития России, которые иницируются на национальном уровне и это также является одним из важных направлений межрегионального и регионального стратегирования. Речь идет о предложениях Правительства РФ о переходе к развитию Сибири на основе формирования в ней восьми крупных кластеров, о формировании новых сибирских городов-миллионников (а в Восточной Сибири – новых крупных городов и центров роста). При всей внешней заманчивости таких предложений следует отметить их недостаточную проработанность, научную обоснованность и целесообразность.

Новое и большое поле для творчества – это стратегическое планирование и управление процессами усиления связности территорий Сибири. И здесь наука также должна сказать свое веское слово. Безусловно, в новых стратегических разработках должны найти отражение процессы диффузии социальной ценности, порожденной ресурсными проектами Сибири и, конечно, новые задачи стратегического планирования и управления в субъектах федерации в условиях сильнейшего санкционного давления, экономической и научно-технологической блокады страны со стороны «коллективного Запада», в условиях фактического перехода на реализацию мобилизационного сценария развития в городах и регионах России.

Библиографический список

1. Селиверстов В.Е. Региональное стратегическое планирование: от методологии к практике / отв. ред. В.В. Кулешов; ИЭОПП СО РАН. – Новосибирск, 2013. – 435 с.
2. Селиверстов В.Е. Сибирская школа стратегического планирования / под ред. В.В. Кулешова; ИЭОПП СО РАН. – Новосибирск, 2016. – 199 с.
3. Seliverstov V.E. Program for Reindustrialization of the Economy of Novosibirsk Oblast: Main Outcomes of Its Development // Regional Research of Russia. – 2017. – Vol. 7, № 1. – P. 53-61.
4. Seliverstov V.E. Akademgorodok 2.0 as a Regional Scientific and Innovation Ecosystem: Problems of Formation and Management// Regional Research of Russia. – 2020. – Vol. 10, № 4. – P. 454-466.
5. Seliverstov V.E., Melnikova L.V., Kolomak E.A., Kryukov V.A., Suslov V.I., Suslov N.I. Spatial Development Strategy of Russia: Expectations and Realities // Regional Research of Russia. – 2019. – Vol. 9, Is. 2. – P. 155-163.
6. Селиверстов В.Е. «Пятилетка» пространственного развития и региональной политики России: бег на месте или готовность к рывку? // Регион: экономика и социология. – 2021. – № 4. – С. 30-81.
7. Стратегия социально-экономического развития наукограда Кольцово до 2030 г.: утв. решением 19 сессии Совета депутатов р.п. Кольцово от 12.04.2017 № 10. – URL: https://kolcovo.ru/Documents/strategia_2017.pdf.

ПОПУЛИЗМ В СТРАТЕГИРОВАНИИ: ИСТОКИ, ФОРМЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ¹

Троцкий А.Я.

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН

Россия, г. Новосибирск

Алтайский государственный университет

Россия, г. Барнаул

Перекаренко Ю.А.

Алтайский государственный университет

Россия, г. Барнаул

Аннотация. Публикация посвящена мало изученному феномену – анализу истоков, форм и последствий популизма в стратегировании. Раскрыта двойственная природа Стратегии долгосрочного социально-экономического развития российских регионов, показана позитивная и негативная роль популизма в их формировании и реализации. Рассмотрены ранее реализованные и действующая Стратегия развития Алтайского края, выделены общие черты их формирования и реализации в контексте влияния популистских идей. Особое место в анализе уделено оценке реальности анализируемой Стратегии. Сделан вывод о необходимости большего внимания при разработке региональных Стратегий их регулятивной функции.

Ключевые слова: Алтайский край, социально-экономическое развитие региона, Стратегия долгосрочного регионального развития, методика и опыт разработки региональных Стратегий.

Региональное стратегирование как целенаправленная деятельность по долгосрочному прогнозированию и планированию социально-экономического развития территориальных социально-экономических систем не обделена вниманием ученых. В центре научных дискуссий – оценка эффективности стратегии как инструмента регионального управления. Достаточно детально раскрыты причины, снижающие эффективность стратегирования: сложность прогнозирования в быстро меняющейся внешней среде, излишняя заформализованность методики стратегирования, не позволяющая учесть местные особенности, отсутствие квалифицированных стратегов и т.п.

По убеждению авторов одним из ключевых факторов, деформирующих идею и результативность долгосрочного планирования и прогнозирования, является популизм. Вместе с тем, популизм играет в стратегировании и, безусловно, положительную роль.

В настоящей публикации под популизмом понимаются разнородные общественные течения и движения, общим для которых является вера в возможность простейшего решения сложных проблем. Что представляет собой популизм в стратегировании? Это нечто обособленное, инородное по отношению к Стратегии, к тому же деформирующее, искажающее суть и смысл стратегического планирования и управления? Или это необходимый, говоря научным языком, имманентно присущий стратегированию элемент? Чтобы разобраться в этом кажущемся противоречии, следует обратиться к содержанию основных функций процесса стратегирования: регулятивной и имиджевой.

Регулятивная функция по своей сути есть основа стратегирования, его смысл. Она призвана внести плановое начало в управление, «направлять» развитие региона в намеченное русло, определять возможные способы достижения планов, ожидаемые результаты и т.д.

¹ Публикация подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект «Движущие силы и механизмы развития кооперационных и интеграционных процессов в экономике Сибири», № 121040100279-5.

Цель имиджевой функции иная – целенаправленно сформировать позитивный образ Стратегии, оказывающий эмоционально-психологическое воздействие на широкие массы, показать в выгодном свете деятельность органов власти и т.д.

В названных функциях, проявляется двойственная природа Стратегии как инструмента управления. Они, на наш взгляд, «две стороны одной медали», которые невозможно разделить, либо рассматривать обособленно. С другой стороны, это разные аспекты стратегирования, с различными целями и задачами, способами их достижения, зачастую и разными исполнителями.

Ответ на, казалось бы, очевидный вопрос – какая из этих функций важнее неоднозначен и зависит от конкретики момента: чем меньше возможность «делать дело» и получить весомые результаты, тем большую значимость приобретает имиджевая функция, – показ того, что сделано (или хотелось сделать!).

Анализ тенденций стратегирования показывает рост значимости регулятивной функции, что проявляется в возрастании ожиданий и притязаний к действенности Стратегии как инструмента территориального управления. В научной литературе высказываются призывы к усилению ее реалистичности, резко критические взгляды на результативность Стратегии, вплоть до признания ее, в силу разных причин, неэффективным инструментом и отказа от ее использования в практике управления.

Каковы же истоки популизма в стратегировании, где его корни? На поверхности – стремление региональных властей представить общественности долгосрочную перспективу региона не как совокупность острых и нерешенных проблем, а как территорию благоденствия и благополучия, с «молочными реками и кисельными берегами».

Если следовать известному афоризму Козьмы Пруtkова «Зри в корень», то истоки популизма – в несовершенстве методики разработки региональных стратегий. Вот что пишут по этому поводу ведущие российские специалисты – региональщики: «Стратегическое планирование приобрело характер неумеренного и неквалифицированного увлечения. Произошло «скрещивание» доморощенного, советского в своей генетической основе планового мышления с механистически заимствованными западными образцами стратегического планирования. Гибридное нововведение противоречиво сочетает в себе черты обоих подходов, что лишает этот инструмент конструктивного начала и может быть чревато проблемами» [1, с. 48].

В целом в Алтайском крае были разработаны три стратегических плана развития с разными горизонтами: 1) на период 2002-2010 г.г.; 2) 2007-2025 г.г. и 3) 2019–2035 г.г. Стратегии имели примерно одну и ту же типовую структуру, различаясь по ряду других признаков – амбициозности, степени обоснованности, реальности запланированных результатов и т.д. Первые две стратегии не «дожили» до своего конца. Так, стратегия на период 2002-2010 г.г. была прервана в 2007 г.; стратегия развития края в 2007-2025 г.г. в начале была существенно скорректирована в 2011 г., а затем прервана в 2018 г.

Что же касается Стратегии 2035, то подробно рассматривать ее не будем, поскольку соответствующая рецензия была опубликована [2]. Отметим единственный момент: в глобальных вызовах долгосрочного развития не были упомянуты ни ковидный вызов, ни серьезные вызовы, обусловленные введением против России жестких санкций. С большей степенью вероятности она, также как и две предыдущие, будет пересмотрена (по принципу «прерванного полета».

Справедливости ради заметим, что отмеченная тенденция была характерна для стратегий многих регионов, как России в целом. Причины прерывания действий стратегий широко не декламировались и о них можно только догадываться...

О чем свидетельствует многолетний опыт формирования стратегий в Алтайском крае? Прежде всего в том, что в этой области Алтайский край идет «в ногу» со всей Россией.

Первые десять лет перестройки было не до Стратегий как в стране, так и в крае. Шел самый сложный период крайне болезненной адаптации экономики к рыночным реалиям. К началу 2000-х гг. ситуация более – менее нормализовалась и реформаторы решили вернуться к Стратегиям долгосрочного развития как инструменту регионального управления, связывая с ним определенные ожидания.

Как отмечалось ранее, широкое распространение получила практика слепого копирования западного опыта регионального планирования. В особой мере это касалось ключевого вопроса стратегирования – согласования противоречивых интересов власти, бизнеса и общества в условиях рыночной экономики. Отметим, что эта проблема до настоящего времени не нашла своего решения. Крупные корпорации, дислоцирующиеся на территории региона, безразличны к ее интересам, демонстрируя зачастую потребительский подход при использовании территориальных ресурсов. Трудно, а иногда практически невозможно, получить информацию о перспективах развития корпораций, поскольку представлены они на территории не имеющими права голоса менеджерами, а собственники, образно говоря, «проживают на Мальдивах».

Другим ярким примером популизма является попытка формирования стратегических планов муниципальных образований, в частности сельских поселений (в крае их более 640). Попытка оказалась безуспешной в силу отсутствия апробированных методик, необходимой социально-экономической информации, наконец, подготовленных квалифицированных специалистов. Они, как правило, слабо ориентировались в специфике регионального хозяйства края, менталитете населения. Работа осуществлялась зачастую по принципу «чеса», предполагающего формирование перспектив края «под копирку», но главное, с учетом доминирующих на тот момент модных тенденций в экономическом развитии. В 2007 г., к примеру, стратеги – легионеры из московской консалтинговой фирмы, опираясь на представление о постиндустриальной экономике и ее повсеместной сервисизации, предложили региону в качестве перспектив до 2025 г. рассматривать край как центр развлечений, отдыха и туризма. Надо отдать должное властям и общественности края, «приземливших» при обсуждении стратегии ее разработчиков и заставивших их заняться проблемами реального сектора экономики.

Главный вопрос стратегирования – в какой мере были достигнуты запланированные показатели, насколько верными были прогноз и выбор сценария социально-экономического развития края? Прежде чем ответить на него, следует дать ряд пояснений. Дело в том, что с учетом быстро меняющейся ситуации методикой стратегирования предусмотрена ежегодная корректировка запланированных изначально результатов, что фактически исключает возможность объективной оценки ее обоснованности и реальности.

Мы попытались сопоставить план и факт, опираясь с одной стороны, на изначально запланированные и не скорректированные плановые индикаторы, а с другой – на возможные показатели их достижения на конец официального действия стратегии. Картина, полученная для Стратегии на период 2002-2010 гг. однозначна. Производственные показатели (ВРП, объемы промышленной продукции, инвестиции в основной капитал) не достигнуты, а показатели уровня жизни населения, напротив, перевыполнены¹ (табл.1). Сказалась, по-видимому, характерная для этого периода серьезная бюджетная поддержка государством уровня жизни населения.

Иная картина выполнения показателей социального блока характерна для Стратегии 2025 г. Фактически все ожидаемые (расчетные)² социальные показатели на конец официально заявленного периода ее действия (за исключением обеспеченности жильем) будут существенно недо выполнены (табл. 2).

¹ Темпы роста основных показателей социально-экономического развития Алтайского края в 2002-2010 гг. (2010 г. к 2002 г.,%).

² Ожидаемое значение показателей в 2025 г. рассчитывалось, исходя из среднегодовых темпов их роста, сложившихся в 2007-2017 гг.

Таблица 1. – Выполнение целевых значений показателей социально-экономического развития Алтайского края, предусмотренных в Стратегии – 2010.

Наименование показателя	Плановые индикаторы стратегии		Фактическое значение
	Благоприятный вариант	Умеренный вариант	
ВРП	2010,0	210,0	148,3
Производство промышленной продукции	195,0	186,0	149,7
Продукция сельского хозяйства	171,0	160,0	127,3
Инвестиции в основной капитал	245,0	230,0	241,0
Оборот розничной торговли	205,0	193,0	234,2
Платные услуги населению	206,0	195,0	187,2
Реальные располагаемые денежные доходы	210,0	200,0	221,3
Реальная начисленная заработная плата	211,0	193,0	233,8
Индекс потребительских цен	163,0	179,0	269,5

Примечание: данные Росстата, расчеты автора.

Таблица 2. – Выполнение целевых значений социальных показателей, предусмотренных в Стратегии – 2025 Алтайского края (по варианту 2007 г.)

Показатели	Единица измерения	Целевые значения показателя	Ожидаемые (расчётные) значения показателя в 2025 г.	Отношение ожидаемого показателя к целевому значению, %
Среднедушевые денежные доходы населения	рублей (в базовых ценах 2006 г.)	32,0	11,6	36,2
Среднемесячная заработная плата одного работающего	рублей (в базовых ценах 2006 г.)	35,0	12,3	31,5
Прирост среднемесячной заработной платы	кол-во раз, к 2006 г.	5,7	2,0	35,0
Доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума	%	3-4	16,0	10,1
Обеспеченность жильём на 1 чел.	кв. м.	28,0	27,0	96,4
Отношение величины среднего денежного дохода в расчете на душу населения к величине прожиточного минимума	%	5,3	3,5	66,0

Примечание: данные Росстата, расчеты автора.

Сегодня страна «проверяется на прочность». Фактически мы вступили в новый этап экономического развития, характеризующийся переформатированием экономики, ее ориентацией на собственные силы. Естественно, что в этих условиях стратегирование отходит на второй план. На первом плане – оперативная работа по воссозданию разорванных в силу санкций производственных цепочек. Тем не менее, в новой экономике актуальность обоснованных

стратегических целей и приоритетов, реальных долгосрочных сценариев развития страны и ее регионов не только не снижается, но и растет. В силу разных причин (часть из них получила отражение в настоящих тезисах) получается не всегда хорошо, но двигаться и совершенствоваться в части проработки долгосрочных планов и перспектив жизненно необходимо.

Библиографический список

1. Швецов А.Н., Демьяненко А.Н., Украинский В.Н. Деструктивные стереотипы российского стратегического планирования и их возможные последствия для практики регионального стратегирования (ч. 1) // Регионалистика. – 2016. – Т. 3., № 3. – С. 48-60.
2. Троцкий А.Я., Родионова Л.В., Сергиенко А.М. Стратегия социально-экономического развития Алтайского края до 2035 г.: экспертная оценка и предложения по совершенствованию // Экономика. Профессия. Бизнес. – 2019. – № 2. – С. 79-85.

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: ВАЖНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗРАБОТКИ И РЕАЛИЗАЦИИ

Сабына Е.Н.

*Алтайский государственный университет
Россия, г. Барнаул*

Аннотация. Важность стратегического планирования понимается большинством представителей научного сообщества и органов государственной власти. Но многие ключевые аспекты разработки и реализации стратегии социально-экономического развития региона все еще не в полной мере позволяют получать положительные эффекты от данного инструмента регулирования. И это касается, прежде всего, целеполагания, описания сценариев, способов и методов управления рисками.

Ключевые слова: стратегия, стратегическое планирование, стратегия регионального развития, целеполагание, стратегические риски.

Долгое время в Российской Федерации на законодательном уровне отрицалось планирование. В соответствии с федеральным законом от 20.07.1995 № 115-ФЗ «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации» существовало государственное прогнозирование и целевые комплексные программы [1]. Это, безусловно, было не совсем правильно, указывало на явный «пробел» в нормативном плане, поскольку органы государственной и муниципальной власти наряду с прогнозами составляли и исполняли планы. Поэтому принятый в 2014 г. закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации», несмотря на критику, которой он подвергается, стоит оценить как положительный момент. В нем были определены категории, сформированы общие принципы, выстроена система стратегического планирования на всех уровнях, которая интегрирует различные документы, предусматривает механизм вовлечения граждан, хозяйствующих субъектов и иных заинтересованных субъектов в процесс планирования и т.д.

Особенную актуальность стратегическое планирование приобретает на уровне региона и это обусловлено тем, что именно на этом уровне реально принимаются согласованные решения непосредственно с представителями бизнес-сообщества, общественными объединениями и иными заинтересованными сторонами. Именно здесь мы можем говорить о всей совокупности конкретных объектов разрабатываемых планов, тех или иных инвестиционных проектов, мероприятий. Решения, принимаемые региональными органами власти, обладают большей гибкостью, здесь возможно принимать более оперативные решения на возникающие угрозы.

С нашей точки зрения, стратегия социально-экономического развития региона – это политический документ, поэтому в нем присутствует имиджевый элемент, хотя он не должен превалировать над реальностью и глубоким системным анализом. Более конкретным содержанием он наполняется при планировании по реализации стратегии.

Большое количество авторов в своих трудах рассматривали те или иные аспекты стратегического планирования: В.Е. Селиверстов, А.Н. Швецова, В.Г. Веденский, Р.И. Шнипер, А.Г. Гранберг, В.Н. Лексина, С.Ю. Зеленцова, З.В. Разилов и многие другие [3-5]. Одни авторы обращают внимания на положительный опыт советского планирования, другие развивают инструментарий, третьи рассматривают правовые, институциональные и организационные аспекты данного вида деятельности.

Мы готовы согласиться с теми авторами, которые утверждают, что сама постановка цели социально-экономического развития со стороны органов власти в конечном итоге одна – это повышение уровня и качества жизни населения. Важным является проработка путей достижения данной цели. Для этого необходимо добиваться реальных, релевантных, конкретных сценариев развития региона. К сожалению, приходится констатировать, что большинство сценариев развития регионов так или иначе составлены на основе экстраполяции сложившихся тенденций, что предполагает стабильность периодов текущих тенденций и переноса их на основе функциональных моделей с применением эконометрических методов прогнозирования. Но данная методология, как мы видим, сегодня себя не оправдывает, так как она не подходит для турбулентных этапов, ситуаций нелинейных, характеризующихся неравномерной динамикой. Особенно это показали последние события пандемия и санкции.

При определении путей регионального развития их стратегии практически не затрагивают вопросы циклического развития экономики и влияние на социально-экономического развития той или иной территории. Для описания существующего социально-экономического развития региона используется SWOT-анализ. Он применяется в большинстве случаев при разработке стратегий по причине его закрепления в нормативно-правовой базе и популярности. Но, к сожалению, в дальнейшем не видно на основе данного анализа проработки стратегических альтернатив и соответственно многие стратегии насыщены просто перечислением «сил», «слабостей», «возможностей» и «угроз».

Для понятия «цели» особенно верно будет выделение тех показателей, на основе которых будут проверяться результаты ее достижения. Иногда, на момент принятия документов о стратегическом планировании, не существует однозначных методик их статистического измерения. Это отражается на измеряемости целей и на их обоснованность и реализуемость. Соответственно, это коснется задач и мероприятий по их достижению. Целевые показатели должны быть адекватны сформулированным ключевым ориентирам, предусмотренным мероприятиям, должны обеспечивать полное достижение поставленных задач. Если цели социально-экономического развития в стратегиях чаще всего указываются четко, то в целой совокупности различных документов необходимая четкость их изложения, как правило, отсутствует. Также стоит отметить, возможность использования индикаторов как ключевой элемент достижения цели, так как сегодня развивается именно индикативное планирование.

При этом надо также обратить внимание на то, что целевые индикаторы не всегда взаимоувязаны друг с другом, а если быть точнее, иногда и входят в противоречие друг с другом, как и некоторые цели, и пути развития. Причем эта взаимоувязка целей и задач должна происходить не только между уровнями власти, но и с документами стратегического планирования в различных сферах жизнедеятельности регионов. В этой архитектуре различных документов также стоит делать весомые обоснования для выделения необходимых бюджетных средств именно в увязке с достижением целевых показателей. Но, как указывают многие авторы, взаимоувязанность документов стратегического планирования, хотя все они и сформированы на базе действующего законодательства, очень мала. Так, число документов стратеги-

ческого планирования, по мнению экспертов, разработанных на муниципальном и региональном уровнях превышает 54 тыс.

Стратегическое планирование имеет важное значение для стратегического управления, именно на нем оно основывается: формирование стратегии является «ключевым, определяющим звеном управления социально-экономическим развитием региона». Но само по себе понятие «стратегическое управление» имеет гораздо более широкий смысл. Стратегическое управление развитием региона в современных условиях состоит в целенаправленной деятельности всех заинтересованных субъектов управления и хозяйствования под руководством органов власти региона по достижению намеченных рубежей развития на основе эффективной адаптации к изменяющимся параметрам внешней среды. Как бы правильно не была организована деятельность по разработке и реализации стратегии социально-экономического управления, эффективность заключается в том, как она включается во всю цепочку управления регионом. В этой связи стоит отметить, что это довольно сложно по нескольким причинам.

Во-первых, сам цикл стратегического управления и организационный цикл формирования и функционирования органов власти не связаны. Соответствующее разъяснение мы видим в Указе Президента РФ от 08.11.2021 № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации» [2]. Согласно ему, в целях обеспечения принципа преемственности и непрерывности стратегического планирования социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности, устанавливаются циклы стратегического планирования. Цикл стратегического планирования определяется сроком полномочий Президента Российской Федерации, является единым для всех участников стратегического планирования. Мы считаем, что данные нововведения не совсем верны, т.к. система стратегического планирования не должна подвергаться изменениям каждые пять лет, особенно система целеполагания и выделения системы приоритетов.

Во-вторых, сама система управления регионом в последнее время из-за различных турбулентных моментов представляет из себя не упреждающую, а реактивную. Она больше построена как ответы на те вызовы, которые постоянно приходят извне и, соответственно, те приоритеты, которые были ранее обозначены, не всегда учитываются в рамках оперативного реагирования. Текущие проблемы заставляют уходить от средне- и долгосрочных приоритетов. Мероприятия, намеченные в стратегиях, все чаще расходятся с текущими программами, преимущества стратегического развития нивелируются. Органы государственной власти в основном ориентируются на краткосрочные цели и на сглаживание социальной напряженности, ориентируясь на поддержку доходов населения, обеспечение занятости, развития отдельных секторов. Так, по мнению, президента Вольного экономического сообщества С. Бодрунова: «Они все время дорабатываются, и чаще всего – под какие-нибудь краткосрочные, сиюминутные и не особо предвиденные при исходной разработке цели» [6]. Тем самым упускается самое важное, на что должна быть ориентирована любая стратегия – это создание условий для социально-экономического развития территории.

В-третьих, стратегическое управление регионом не предусматривает отдельно управление изменениями, что обусловлено появлением новых обстоятельств и необходимостью корректировки действий. К сожалению, в большинстве стратегий и риски прописываются весьма номинально. Даже те авторы, которые применяли контент-анализ для выяснения правильности использования технологии оценки риска, отмечают отождествление понятия «риск» и «угроза», а также обращают внимание на отсутствие инструментов по управлению возможными рисками, по минимизации их числа и т.д.

Библиографический список

1. О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ // Доступ из Справ.-прав. системы Консультант Плюс.

2. Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 08.11.2021 № 633 // Доступ из Справ.-прав. системы Консультант Плюс.
3. Лексин В.Н., Швецов А.Н. Общегосударственная система стратегического планирования территориального развития // Труды ИСА РАН. – 2006. – Т. 22. – С. 192-212.
4. Стратегия пространственного развития: ожидания и реалии / Е.А. Коломак, В.А. Крюков, Л.В. Мельникова, В.Е. Селиверстов, В.И. Сулов, Н.И. Сулов // Регион: экономика и социология. – 2018. – № 2. – С. 264-287.
5. Швецов А.Н. Стратегическое планирование по-российски: торжество централизованного бюрократического выбора // ЭКО. – 2017. – № 8. – С. 114-127.
6. Экономисты раскритиковали новую стратегию социально-экономического развития // Ведомости. – 2021. – 13 мая. – URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2021/05/13/869660-ekonomisti-raskritikovali>.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ: ПОРОГИ НА ПУТИ ОТ РАЗРАБОТКИ ДО РЕАЛИЗАЦИИ¹

Малов В.Ю.

*Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН
Россия, г. Новосибирск*

Аннотация. Не всегда у регионов получается реализовать стратегию своего развития, разработка которой осуществляется с использованием теоретической базы, не соответствующей условиям экономики России. Участие государства должно быть более активным и направленным на координацию народнохозяйственных и региональных целей.

Ключевые слова: периферийная экономика, государственное участие, согласование интересов.

Не вызывает возражений необходимость (целесообразность, полезность) разработок стратегий регионального развития. Однако при переходе к этапу ее реализации обнаруживаются многочисленные пороги, заставляющие либо откладывать сроки, либо вообще разрабатывать их новые варианты. Логично задаться вопросом о причинах возникновения таких «порогов». Нет ли упущений в рекомендуемых теоретических и методических основах и подходах к начальным этапам разработок региональных стратегий? Ранее нами отмечались некоторые из причин возникновения таких порогов [1-3]. Отметим только три из них.

Во-первых, (порог 1) это теоретическая несостоятельность отнесения экономики России к категории рыночной. Для России скорее следует употреблять определение периферийной экономики, что требует принципиально других моделей для оценки ее состояния и перспектив развития.

Во-вторых, (порог 2) это потеря наработанных за годы существования Госплана СССР приемов составления народнохозяйственных стратегий (долгосрочных планов), где каждый регион имел свое место в территориальном разделении труда.

В-третьих, (порог 3) это стремление регионов к конкуренции за федеральные (и/или корпоративные) средства исключительно для своего «родного» региона. Естественно, что при этом зачастую игнорируются (забываются, не замечаются) свойства многих проектов, особенно инфраструктурных, работать на группу регионов или даже на всю страну.

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта Министерства науки и высшего образования Российской Федерации № 075-15-2020-804 (№ 13.1902.21.0016).

Экономические теории для региональных стратегий: что взять за основу? При отказе от централизованной экономической политики в начале 90-х годов прошлого века Россия, как часть единой большой страны, могла оказаться только в зоне периферийной экономики. Законы последней существенно отличаются от «экономического мейнстрима» – законов, соответствующих «центральной» (развитой) рыночной экономике. Неоклассические экономические теории не только не пригодны для его анализа, но не пригодны (и просто вредны) для использования в практической деятельности. «Специфика периферии, проявляется во всем — в сфере техники и потребления, в производственной структуре, в уровне развития и демократизации, в системе землевладения и формирования излишка, в демографическом росте». И далее: «...рушится миф о том, что мы могли бы развиваться по образу и подобию центров» [4, с. 21]. Но капиталистический мир не может существовать вне дихотомии «центр – периферия», т.е. стран, успевших войти в «топ-лист» мирового капитализма и стран, по выражению Р. Пребиша, «навечно проигравших»¹.

В целях противодействия опасности остаться на периферии мирового развития, необходимо вмешательство государства. Причем именно как экономического агента, способного противостоять давлению чисто коммерческих интересов, не только чужих корпораций, но и отечественных. Особенно, если интересы их акционеров лежат за пределами границ государства. Неумное желание отечественных реформаторов в начале 90-х гг. прошлого века как можно скорее попасть в список передовых рыночных экономик предопределило и забвение о предупреждении из начала XIX века: «Поймите же и то, что никогда Россия никогда ничего не имела общего с остальной Европою, что история ее требует другой мысли, другой формулы...» (А.С. Пушкин). Аналогичные предупреждения о необходимости учета специфики России можно найти и у ряда русских классиков, высказанных пусть и не в научных статьях². Именно это несоответствие теоретических западных конструкций и российской действительности ярко и образно показано в статье В.Н. Лифшица с соавторами. Обосновывается мысль о том, почему пора признать «короля голым» и надо ли было при выборе путей экономических реформ примерять к нашей экономике западные «экономические одежды». Важно, что авторы, основываясь на мнении нобелевского лауреата по экономике Дж. Стиглица (и не только). Дж. Стиглиц показывает усиление разрыва между бедными и богатыми практически в любой капиталистической стране, а авторы указанной выше статьи считают, что эти выводы «...вполне переносимы на проблемы нестационарной экономики России...», где скопированное платье фактически голого короля вызвало еще более «чудовищные социально-экономические гримасы» [5, с. 214]. Анализируя различные теории социально-экономического устройства общества, В.А. Волконский также выделяет и показывает, что экономический прогресс прежде всего направлен на возможность богатых стать еще богаче. В свою очередь это приводит к росту неравенства и потере духовного начала в человеческой цивилизации. Соглашаясь с тем, что Россия скорее находится в стадии периферийного капитализма, В.А. Волконский предупреждает: «Опыт послевоенных десятилетий свидетельствует, что «списывание» чужой экономической системы, как домашнего задания у соседа-отличника редко ведет к успеху. Разобраться в огромном разнообразии образцов экономического устройства можно, очевидно, только опираясь на ту или иную теорию» [6, с. 200]. Он предлагает внимательно отнестись к использованию «цивилизационной» теории.

1 Следует возразить Р. Пребишу, что есть пример стран, сумевших «подправить» эту тенденцию: Китай, Сингапур, Тайвань и др. Как и за счет чего им это удалось – тема отдельного исследования.

2 Ф.М. Достоевский подчеркивал, что «Промышленность и капитал действуют развратительно, отторгнувшись от земли, стало быть от родины и от своих» (Достоевский Ф.М. Записи литературно-критического и публицистического характера из записных тетрадей 1872-1875 гг.); Ф. Тютчев: «Умом Россию не понять...»; Вторая глава книги Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» называется «Почему Европа враждебна России», а заголовок третьей – «Европа ли Россия?», и ответ однозначно отрицательный (Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М.: Книга, 1991. – 576 с); И. Ильин в статье «Мировая политика русских государей» отметил «Европе не нужна правда о России; ей нужна удобная для нее неправда...».

О необходимости использования инструментов рынка еще до начала так называемых «рыночных» реформ 90-х гг. прошлого века указывал и В.Н. Богачев, рекомендуя найти сочетание плана и рынка: «Ценностные измерители продуктов порождаются не только конкурентным взаимодействием разобщенных товаропроизводителей, но и правильно составленным централизованным планом» [7, с. 70]. Представляется, что преодоление этого «первого порога» заключается в использовании тех теорий (сегодня еще не сформулированных), которые сочетают элементы и плана, и рынка, и специфики России. Сам по себе «рынок» не может быть самоцелью. Да, у него есть свойства, которые необходимо использовать, но только как средство достижения более важных для государства целей. Например, стоит задуматься «О размножении и сохранении российского народа» как целевой установке, что рекомендовал еще М.В. Ломоносов. И здесь уже полезно обратить внимание на критическую необходимость участия государства в определении направлений развития экономики страны.

Госплан «№ 2» или новое – это хорошо забытое старое. Споры о пределах участия государства в решении экономических вопросов не прекращаются до сих пор. Но, например, трудно признать, что при разработке региональных стратегий можно обойтись без учета стратегии всей страны. Известно, что не решив общих вопросов, мы никогда не решим и частных. Поскольку любой регион – это часть страны, то, как минимум, полезно иметь в виду как в стратегии всей страны определяется место данного региона, какие именно проекты наилучшим образом соответствуют условиям данного региона, где место региона в территориальном разделении труда. Цели, поставленные в региональной стратегии не должны противоречить целям всей страны, что не всегда удается выполнить, особенно в случае, если цели носят денежную (стоимостную) оценку¹.

История знает много примеров, когда именно постановка не денежной цели позволяла преодолеть кризисные явления. Достаточно напомнить ситуацию с преодолением последствий Великой депрессии США (30-гг. XX в.), что удалось осуществить посредством финансовых вливаний и организационных усилий Правительства. Государство взяло на себя издержки по строительству дорожной инфраструктуры в масштабе, позволившем создать действительно транспортную сеть страны, прежде всего автодорожную, но связанную и со всеми другими видами транспорта. Не лишним будет вспомнить и опыт программы освоения долины реки Теннесси в тот же период (1933 г). В ней также в качестве основной цели было поставлено решение проблемы повышения уровня жизни миллионов людей, населяющих слаборазвитые штаты южной части США. А средством решения этой задачи – создание крупных производственных комплексов на основе электроэнергии системы ГЭС на реке Теннесси и ее притоках. Первоначальный капитал был найден в государственном бюджете, а контролировала расходы специально созданная Администрация Долины Теннесси (АДТ), ответственная лично перед президентом Ф. Рузвельтом. Восстановление экономики Франции после Второй мировой войны осуществлялось в рамках государственной политики Де Голля. Но, вероятно, особое место занимает пример возрождения экономики Германии. В качестве цели была поставлена задача обеспечить всем немцам достойный уровень жизни. Рынок, конечно, никуда не делся и его законы никто не отменял. Но рынок на определенное время стал регулируемым и, главное, был востребован только как средство решения поставленной задачи. Пример Китая приводить, наверное, излишне: ни диктатура одной партии, ни жесткие средства подавления нежелательных выступлений оппонентов, не помешали использовать все сильные стороны рыночных отношений. К сожалению, в современной России, где рынок все еще многими счита-

¹ Так, например, то, что выгодно ГАЗПРОМУ далеко не всегда выгодно тем регионам, где этот газ добывается и/или через которые он направляется на экспорт. Тот же пример с «Силой Сибири», трасса которая обошла и Иркутскую область, и Республику Бурятия, и Забайкальский край. Большинство населенных пунктов как имели уголь в качестве котельно-печного топлива, так и остались такими же экологически неблагополучными. И только (возможно) «Сила Сибири 2» хотя бы частично поможет решить эту проблему, так как предполагается быть направленной в Китай через южные районы Восточной Сибири и Монголию.

ется целью, действительно произошел скачкообразный рост благосостояния, но только для очень узкого круга т.н. «новых русских». Вероятно, в России, где все еще среди ряда экономистов остаются надежды на всецелое «свободного» рынка, не были известны предупреждения Аристотеля об опасности смешения понятий экономика и хрематистика¹.

Выйти из разряда «периферийных» стран Россия может только усилив если не прямое участие государства в экономике, то, по крайней мере, активизацией своей деятельности в разработке долгосрочных планов и стратегий. В том числе, стратегий пространственного развития, которые, почему-то, крайне редко обсуждаются во властных структурах экономического профиля (ВШЭ, Минэкономразвития, Минфин). А без этих общих ориентиров каждая отдельно взятая региональная стратегия вряд ли получится сбалансированной и вряд ли реализуемой [3]. Правда, в последнее время все чаще стали вспоминать полезность и действенность такой организации, как Госплан СССР. «Для достижения в кратчайшие сроки нужных социально-экономических и геополитических результатов нам критически необходимо задействовать советский опыт государственного планирования и управления, который позволит концентрировать на указанные цели бюджетные, административные и прочие ресурсы, а главное, обеспечить их целевое использование...»². Подобные реформы, позволяющие России «подняться с колен», сильно раздражают наших западных «партнеров». И это было понято уже давно. Так, например, в ноябре 1991 г., выступая в Американском нефтяном институте, М. Тэтчер заявляла: «Советский Союз представляет серьезную угрозу для западного мира и не только военную, но экономическую, и все это благодаря плановой политике и сочетанию моральных и материальных стимулов». Понимание важности, скорее необходимости проводить сбалансированную экономическую политику – это не просто желание какой-то партии, а суровая реальность современного мира. «Суровость», серьезность этой нашей реальности в том, что сегодня значительной частью собственности (причем наиболее эффективной) владеют частные корпорации, причем зачастую с иностранным участием. И подойти к планам долгосрочного развития (тем более их реализации) требуется в согласии с их интересами, не всегда лежащими в пределах России. Поэтому и такой, казалось бы, частный вопрос о методологии разработки региональных стратегий не может рассматриваться в отрыве от задач всей страны и проблем согласования интересов разных участников: государства, населения, корпораций, регионов.

Конкуренция между регионами: за и против. Вряд ли есть необходимость доказывать, что конкуренция между отдельными парикмахерскими или ночными клубами за посетителей – это далеко не то же самое, что конкуренция между регионами за потенциальных инвесторов. Конечно, губернаторы (как и секретари обкомов в СССР) просто обязаны ради своих «родных» регионов искать проекты для опережающего развития. Аналогичные задачи соседей уходят на пятый или десятый план. Действительно, трудно заставить губернаторов южных регионов Европейской части страны проникнуться задачами сохранения и роста численности населения в регионах Сибири и Дальнего Востока. Тем более, если это влечет необходимость отказа от инвестиционных ресурсов в «свой» регион, поскольку они направляются в «чужие» регионы, да еще к тому же с меньшей коммерческой эффективностью, с меньшей добавленной стоимостью.

Далеко не все губернаторы смогут проникнуться «имперской» идеологией: «Густое население на восточных окраинах Империи закрепит их за Россией более, чем трехсоттысячная армия и дорогостоящие крепости» (Князь А.Г. Щербатов, 1910 г.). И еще одна мысль: «Если эта дальняя окраина должна принадлежать России, то ее следует заселять русскими, хотя бы это

¹ Аристотель: «Так как хрематистика расположена рядом с экономикой, люди принимают её за саму экономику; но она не экономика. ... На неё работает ростовщичество, которое по понятным причинам ненавидится, так как оно черпает свою прибыль из самих денег, а не из вещей, к распространению которых были введены деньги. ... Поэтому этот вид обогащения самый извращённый».

² Выступление Е. Паниной, д.э.н., депутата Госдумы (17 апреля 2021 г., Институт РУССТРАТ, г. Москва).

стоило Правительству немалых затрат: если же нет, то лучше теперь уступить ее Китаю» (Первый генерал-губернатор Приамурья князь А.Н. Корф, 1887 г.). Здесь важно выделить постановку вопроса¹: стоит ли тратить деньги на заселение территорий, которые пока еще не приносят ощутимой прибыли в государственную казну? Как оценивать значимость социального контроля над территорией, требующей организации там постоянного населения, состоящего из граждан данного государства. Никакие дроны, видеокамеры и космические снимки не заменят личного человеческого участия в этом деле. Коль скоро такая цель является важнейшей для государства, то именно возможности удовлетворения потребностей населения должны быть определяющими тот или иной вариант развития. Если цель только в получении максимально возможной добавленной стоимости, то, конечно, можно обойтись несколькими крупными городами в теплых регионах Сибири (а может и России?) и организовывать вахты ради добычи и последующего экспорта ресурсов. Здесь, вероятно, добавленной стоимости (как цели) будет больше.

В качестве иллюстрации этого противоречия (территория / деньги) приведем пример попытки сформировать транспортную стратегию для регионов Азиатской части России. Просто так создавать условия для развития полноценной, всеохватывающей транспортной системы, не имея в виду местного, постоянного населения, нет смысла. Транспортная доступность для населения – это одно, а транспортная доступность для производств (скорее для вывоза малообработанного сырья) – это другое. Последнее предполагает совершенно иную, более примитивную транспортную сеть. Более того, совершенно не обязательно именно сеть, а достаточно только иметь магистраль как «ствол дерева» и от нее несколько веток к ресурсным районам. Людей (трудовые ресурсы) – вахтовиков – можно доставлять самыми разными видами транспорта и для них понятие транспортной доступности имеет другой смысл. С этим вполне справится транспортный цех ресурсодобывающей компании.

Не секрет, что решить проблему транспортной дискриминации проще всего просто переселив (не обязательно принудительно) жителей «медвежьих углов» в крупные города, где этой проблемы не существует. Транспортная доступность (как антипод транспортной дискриминации) имеет смысл только тогда, когда есть более важная задача сохранения населения в тех городах, селах, деревнях, где они (жители) предпочитали бы жить и дальше. При этом предполагается, что эти жители все-таки надеются на существенный рост уровня жизни, понимая под этим рост заработной платы, объема и качества услуг здравоохранения, образования, культуры и пр. элементов жизнеобеспечения.

Конечно, трудно представить ожидать роста численности населения без учета эффективности хозяйственной деятельности, без роста доходов населения, численности высокодоходных рабочих мест и т.п. Но эти последние показатели должны рассматриваться только как необходимые средства и условия для роста народонаселения, причем желательно во всех регионах, городах и населенных пунктах.

Таким образом, в стратегии Азиатской России транспортные проекты должны объединять экономики ее восточных регионов, повышать связанность с Уралом, Северо-Западным регионом, Поволжьем и другими регионами Европейской части России. Транспортные пути Азиатской России – это больше вложения в будущее, далеко не всегда вписывающееся в сиюминутную коммерческую эффективность, приверженность которой характерна многим нашим транспортным ведомствам, не говоря уже о частных корпорациях. Без политической воли, вероятно, дело с места не сдвинется.

¹ В январе этого года высшее должностное лицо нашего государства дало поручение Правительству активизировать работу по порту Индига и участку железной дороги Индига – Ухта с возможностью дальнейшего перехода через Урал до Сургута. Здесь уместно напомнить резолюцию императора Александра III «Уже сколько отчетов генерал-губернаторов Сибири я читал и должен с грустью и стыдом сознаться, что правительство до сих пор почти ничего не сделало для удовлетворения потребностей этого богатого, но запущенного края. А пора, давно пора». История действительно имеет свойство повторяться.

Библиографический список

1. Малов В.Ю. Теоретические обоснования региональных стратегий: нужны ли они? // Мир новой экономики. – 2016. – № 1. – С. 55-68.
2. Ершов Ю.С., Ионова В.Д., Малов В.Ю. Анализ причин «полураспада» некоторых стратегий регионального развития // Ситуационная комната как элемент организации экспертного сообщества: задачи планирования и прогнозирования / под ред. Г.А. Унтуры. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2018. – С. 136-149.
3. Малов В.Ю. Оценка опыта истории и теоретических основ региональных стратегий. – Beau Bassin: LAP Lambert Academic Pub, 2019. – 46 с.
4. Пребиш Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? /Перевод изд.: Capitalismo periferico. Crisis y transformacion. – Mexico, Fondo de Cultura Economica, 1981; М.: ИЛА, 1992. – 337с.
5. Лифшиц В.Н., Тищенко Т.И., Фролова Н.П. Надо ли копировать платье голого короля? // Анализ, Моделирование, Управление, Развитие. Сборник научных трудов IX Международной школы-симпозиума. – Севастополь, 2015. – С. 208-214.
6. Волконский В.А. Драма духовной истории: внеэкономические основания экономического кризиса. – М.: Наука, 2002. – 267 с.
7. Богачев В.Н. О концепциях оптимизации // Экономические науки. – 1991. – № 9. – С. 65-75.

ПЕРЕХОД К ОЦЕНКАМ ПРОГНОЗОВ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ ОТДЕЛЬНЫХ РЕГИОНОВ С УЧЁТОМ ВНЕШНИХ СВЯЗЕЙ НА ОСНОВЕ СИСТЕМЫ МЕЖОТРАСЛЕВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ

Мелентьев Б.В.

*Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН
Россия, г. Новосибирск*

Аннотация. Выбор удобных для экономистов инструментов построения прогнозов развития экономики по будущим моментам времени плана экономико-математические модели в виде их взаимосвязанных систем с моделями отдельных отраслей и регионов. Значительную их часть образуют группы межотраслевых моделей, обеспечивающие сбалансированность их блоков по экономическим частям хозяйства страны в целом и по отдельным территориям. Достоинством инструментов, созданных в последнее время является возможность построения для каждого варианта материально-вещественного прогноза его финансового обеспечения в текущих расчётных ценах прогноза.

Ключевые слова: расчетные прогнозы экономического развития на основе межотраслевой межрегиональной модели, межотраслевая модель отдельного района.

Межотраслевые экономико-математические модели, как инструменты прогнозирования экономики [1-4], не нашли еще достойного применения по региональной тематике вне научных организаций в силу различных не простых причин, хотя работы здесь не прерываются. Среди причин серьёзной остаётся информационное обеспечение (межотраслевые балансы разрабатываются не по всем субъектам РФ и не так оперативно с запаздыванием от отчетных дат); по общим вопросам согласования тематических задач реального управления; связанных с ними подготовительными этапами прогнозирования с требованиями взаимодействия решений по задачам смежных частей экономики, и т.д.

В докладе, опираясь на накопленный опыт, мы «прикасаемся лишь» к очень большой тематике автономных региональных прогнозов в части согласования их с внешними условиями. Последние берутся по решениям сводных межрегиональных моделей [1-3]. Независимо от этапов степени научной формализации экономики указанные задачи строятся для ее реального управления. Они всегда формировались и решались независимо от политического устройства и принимаемых механизмов хозяйственного регулирования. Упомянутые экономико-математические инструменты помогают строить аналоги действующей экономики, получая ее расчетные характеристики, нужные аналитикам. Действительность такова, что не всё может моделироваться, но данные области будут оставаться в сфере реального управления.

Мы упомянем лишь прикладные схемы взаимодействия, не касаясь строгих математических подходов, которые наверняка могут быть здесь применены. Реальность такова, что, не смотря на обычно присутствующие трудности, межотраслевые инструменты в виде систем моделей используются на всех этапах комплексных расчетов прогнозирования экономики. Последние существуют при заданиях на внешние связи, по которым имеется информация. Как упоминалось, мы акцентируем связи для обозначенного направления – отдельные регионы. В качестве них естественно брать субъекты РФ, как действующие единицы управления. В рамках работающих инструментов построения прогнозов [3] объектом упомянутых внешних связей являются преимущественно поставки продукции и потоки услуг.

Особенности постановок. Построение региональной модели осуществляется выделением из межрегионального соответствующего блока с детализацией условий искомого района [5]. Как и сводная межрегиональная задача, с реализуемой динамикой в виде серии статических задач, региональная схема ей аналогична. Расширение ее до различных постановок на отдельных этапах тоже проводится аналогично сводной добавлением по типу обычных балансовых условий (например, как по приведённым ниже капвложениям).

Фрагмент статической межотраслевой оптимизационной динамической модели (МОДИМ) для района r на один год:

.....

Балансы ежегодных капитальных вложений:

$$-k_r * x_r + y_r \geq K_r$$

Где: i, j – виды деятельности, продукции, продукт, в разрезе которых представлены хозяйства регионов; r – номер района;

$k_r = (k_{ijr})$ – коэффициенты ежегодных капитальных вложений в части амортизации i -го вида в районе r на единицу выпуска отрасли j ;

$K_r = (K_{ir})$ – объем незавершенных вложений, а также другие вложения данного года, осуществляемые сверх сумм возмещения основных фондов;

$y_r = (y_{ir})$ – капитальные вложения (инвестиции в основной капитал) i -го вида в районе r в данном году.

Расширение региональной модели осуществляется обычно по условиям, которым уделяется особое внимание на данном этапе. Этими условиями могут быть виды транспорта, виды машиностроительной продукции, финансов в виде доходов населения, потоков бюджетных и кредитных средств и т.д.

Пример долгосрочного прогноза развития восточной части России. Упомянутый инструмент предполагает реализацию различных вариантов будущего экономического развития. По соответствующим им задачам дается сравнительная количественная экономическая оценка изменений расчетных тенденций. Наиболее распространёнными являются, например, сохранение в перспективе отчетной динамики роста, влияние конкретных неблагоприятных условий производства, благоприятное альтернативное сочетание факторов и т.д. Отмеченная количественная оценка отражает изменение конечного потребления в целом по стране в сравнимых по годам ценах. Данный показатель более точно отражает итоговые оценки, т.к., например, связанный с ним более цитируемый произведенный ВВП, отражает его через денежные доходы, которые в

действительности нужно еще реализовать в реальной торговой сфере при ожидаемых ценах. В качестве примера расчетов, мы приведем умеренный вариант развития (табл. 1) с выборкой из 50 видов деятельности и 20-ти районов с выделением субъектов Сибирского ФО (вкл. Новосибирскую область). Выделенные классификации учитываются в последних вариантах задач, реализуемых в ИЭОПП [3]. Исходным является вариант без санкций – оптимистический.

Условием умеренного варианта является введение санкций в виде ограничения импорта. Характеристикой получаемых решений является сохранение традиционной специализации восточных районов по добыче природных ресурсов и развитие отраслей, непосредственно обслуживающих добывающий комплекс. С учетом истощения ресурсов, переходу к разработкам более дорогих месторождений, условий неустойчивости спроса внешнего рынка особенно в современных условиях резких американско-европейских санкций против России, с ростом общих инфраструктурных издержек и т.д. подтверждается напряженность ожиданий перехода к возможным негативным гипотезам роста. В умеренном варианте решения, используя возможности азиатского рынка, и рассматривается вариант (табл. 1), в котором темпы роста в восточных районах к 2035 г. по большинству отраслей приняты выше соответствующих производств европейских районов в среднем на 2-3 п.п. ежегодных темпов прироста продукции. В Новосибирской области приоритеты роста отданы обрабатывающим и фондосоздающим отраслям. В варианте предполагается также соответствие инвестиционных предложений расширению пропускной способности инфраструктуры по авто- и железнодорожному транспорту в восточных районах, которые являлись сдерживающими условиями в альтернативном варианте, учитывающим определенное сохранение отчетных тенденций.

Таблица 1. – Среднегодовой рост выпуска продукции по умеренному варианту (в % прироста по последним годам пятилеток, выборка)

Регион	Виды деятельности	Годы		
		2025	2030	2035
Новосибирская область	Растениеводство	1.5	3.1	1.6
	Химия, резина, пластмассы	0.1	4.1	2.1
	Машиностроение	11.0	8.4	7.3
	Электроэнергия	0.3	2.9	3.7
	Строительство	7.0	7.2	5.1
	Железнодорожный транспорт	7.8	7.6	8.2
	Авиационный транспорт	10.5	10.3	6.0
	Погрузочно-разгрузочные работы	9.8	10.2	9.2
	Валовый выпуск	4.5	5.1	4.3
	Вывоз	2.2	13.1	1.9
Сибирь	Валовый выпуск	5.4	6.8	4.6
Россия	Растениеводство	8.0	4.2	3.6
	Химия, резина, пластмассы	0.5	1.5	1.4
	Машиностроение	4.5	4.3	12.9
	Электроэнергия	1.5	3.3	2.5
	Строительство	2.9	6.0	2.3
	Железнодорожный транспорт	2.3	6.2	3.5
	Авиационный транспорт	2.6	4.8	2.6
	Погрузочно-разгрузочные работы	4.0	5.3	4.6
	Валовый выпуск	3.1	4.2	4.7
	Вывоз	5.0	4.5	7.7
	Ввоз	1.6	1.5	4.2

Осуществимость и новых технических возможностей увеличения по названным видам транспорта должны дать для этого дополнительные резервы уже к 2030 г. Косвенными признаками для оптимизма продолжения такой политики является информация по количественно большим значениям на 9-10% по восточным районам степени дефицитности ограничений на рост отраслей авто- и железнодорожного транспорта (с более преобладающими значениями по автотранспорту). Нельзя не отметить, что при этом по приросту конечного потребления в целом по России наблюдаются потери в сравнении с исходным вариантом развития как следствие новой экономической политики. Это цена за дополнительные издержки по обеспечению стабильного и относительно безопасного развития в будущем периоде.

Прогнозные расчеты по финансовому обеспечению текущего варианта стратегии развития. Данный заключительный этап расчетов является естественным отражением реального процесса организации экономической деятельности, предполагающего в качестве одной из главных оценок локальной работы предприятий и хозяйственных структур по результирующей прибыли, т.е. с учетом текущих издержек и цен реализации продукции (табл. 2).

Следует акцентировать внимание еще на положениях, используемых нами и отличающихся от традиционных технологий расчетов по классическим межрегиональным инструментам [1]. Получаемые нами расчетные цены по видам деятельности и продуктам в исходной классификации являются укрупненными аналогами цен.

Таблица 2. – Среднегодовые темпы роста финансовых показателей по умеренному варианту прогноза (в % по последним годам пятилеток, выборка, в текущих ценах прогноза)

Регион	Доходы	Годы		
		2025	2030	2035
Россия	Доходы населения	112.0	107.9	106.9
	Региональные бюджеты	108.9	106.0	107.7
	Региональные кредиты	106.5	105.8	107.4
	Доходы Федерального бюджета	109.7	104.3	103.1
	Центробанк (эмиссия)	105.3	105.9	107.1
Сибирь	Доходы населения	118.5	118.7	112.1
Новосибирская область	Доходы населения	114.2	105.5	99.9
	Региональный бюджет	120.9	96.5	72.3
	Региональные кредиты	101.9	101.7	107.5
	Общий индекс расчётных цен производителей	106.7	105.4	103.7

Они, как и цены в реальной действительности покрывают все издержки и движение финансовых компонентов производства. Они отражают больше итоговые процессы экономического обмена, конечного потребления и политики регулирования и принимаются как допустимые ориентиры с возможно более широким интервалом реального существования.

Данный условно заключительный этап расчетов является естественным отражением реального процесса организации экономической деятельности, предполагающего в качестве одной из главных оценок текущей работы предприятий по результирующей прибыли, т.е. с учетом издержек и цен реализации продукции.

Особенности учета условий для автономных задач отдельных регионов. Данные условия связаны с не строгими эвристическими принципами взаимодействия разноуровневых задач в системе моделей. Как отмечалось, целью последних является получение прогнозов в нужной детализации. Чем она выше, тем лучше для формирования и подготовки аналитических решений и предложений по управлению. Пока в современных расчётах отмечен-

ная детализация остаётся достаточно агрегированной (в пределах примерно 100 видов). В соответствии с выше изложенными замечками конечными выходными показателями являются решения по задачам районов (уровень 2 задач Схемы). В задачах отраслевого уровня 3 тоже выделяются детализированные объекты, но на уровне 2 они сводятся все вместе, т.е. сбалансированы на территории района по производителям и потребителям. С этих позиций межрегиональная задача тоже является промежуточной для получения промежуточных решений, влияя на расчётные показатели уровня 2 через фиксацию заданий на выпуски продукции, т.е. через структурные доли состава совокупных отраслевых заданий. Отмеченные задания формируются и по оценкам отчетной статистики, на уровне

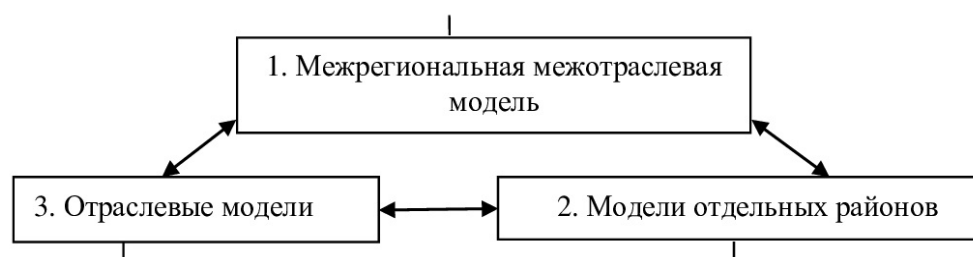

Схема ожидаемых отраслевых проектов и других материалов разрабатываемых стратегий развития регионов. Алгоритмически уменьшающиеся колебания этих значений корректируются до пределов приемлемых практических расхождений по итерациям расчётов.

Похожие процедуры взаимодействия проводятся и для других уровней расчетов, например, с общим межотраслевым уровнем без прямого учета региональных объектов (условно нулевым). Количество видов деятельности здесь может превышать показатели задач уровня 1. Основные показатели взаимодействия – тоже дополнительные ограничения на выпуски продукции, корректируемая правка агрегированных затрат по решениям более детализированных задач текущих итераций расчётов, транспортные затраты, зависящие от уровня поставок и т.д. Для финансовых расчетов используются преобразования, аналогичные для задач уровня (1) только для данного регионального блока.

В заключении следует сказать, что, не смотря на определенный эвристический характер применяемых процедур, по накопленному в существующих условиях опыту они являются приближением к рабочим и базовым направлениям по совершенствованию инструментальных технологий прогнозирования экономического развития, Они полезны аналитикам и управленцам оценками прогнозных данных по комплексным народно-хозяйственным критериям.

Библиографический список

1. Гранберг А.Г. Динамические модели народного хозяйства. – М.: Экономика, 1985. – 240 с.
2. Сулов В.И., Костин В.С. и др. Модельно-программный комплекс прогнозирования укрупненных финансовых потоков по отраслям и регионам страны. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2011617654. – М.: Федеральная служба по интеллектуальной собственности / Зарегистрировано в реестре программ для ЭВМ 30.09.2011.
3. Мелентьев Б.В. Системный подход к оценкам региональных прогнозов экономического развития (на примере восточных районов России) // Труды 2-ой Гранберговской конференции. Новосибирск, 11-15 октября 2021 г.: сборник докладов Всероссийской конференции с международным участием, посвященной памяти академика А.Г. Гранберга «Пространственный анализ социально-экономических систем: история и современность» / под ред.: В.И. Сулова, Л.В. Мельниковой. – Новосибирск: СО РАН, 2021. – С. 398-409.

4. Анализ и оценка процессов создания и развития транспортной магистральной сети различного назначения и разработка концепции стратегии комплексного освоения и развития территорий Азиатской России (отчет о научно-исследовательской работе) / Руководство проектом А.А. Широ, Б.Н. Порфирьев и др. ФГБУН ИНП РАН, 2020. – 135 с.

5. Татаркин Д.А. и др. Теория построения и перспективы использования балансовой модели финансовых потоков // Журнал экономической теории. – 2015. – № 3. – С. 62-75.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ ПО ФОРМИРОВАНИЮ КОМПЛЕКСНЫХ ПРОЕКТОВ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

Еремина И.А.

*Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС
Россия, г. Орел*

Аннотация. В статье проведен анализ существующих методологических подходов по формированию комплексных проектов развития территории. На основе детального анализа и обобщения основных теоретических положений методологии предложенной в абстрактно-математических подходах размещения производства, математико-географических подходах пространственного размещения производительных сил, подходах к организации экономики регионов на основе абсолютных и сравнительных преимуществ, подходов с точки зрения состояния экономического равновесия регионов и экономического районирования был предложен авторский подход комплексного проектирования развития регионов, отличительной особенностью является выделение влияния некоммерческих организаций на экономику региона.

Ключевые слова: регион, проект, некоммерческая сфера, комплексный проект развития территории.

Дуальность комплексных проектов развития регионов определяется тем, что с одной стороны мы говорим о системе управления региона в виде иерархической структуры, базирующейся на принципах линейного менеджмента, а с другой стороны необходимо применять проектный менеджмент, основанный на принципах гибкости и комплексности. В своем исследовании мы считаем, что возможно взаимодополняющее перекрестное соединение двух противоположных с управленческой точки зрения начал, в одно общее сложное экономическое явление в его диалектическом единстве развития региона посредством формирования и реализации комплексных проектов с определенной экономической доминантой. Однако, несмотря на все представленные преимущества, многолетний опыт проектной деятельности в нашей стране дает возможность определить проблемные стороны, снижающие результативность их применения. Полагаем, что можно выделить такие проблемы, как отсутствие системного подхода при рассмотрении территориальной специфики, слабое целеполагание, дублирование информации на различных уровнях публичного и регионального управления, неэффективное расходование бюджетных средств и особенности организации контрактных отношений. В целом, научная мысль в исследованиях выявления закономерностей и особенностей региональной экономики в течение многих лет была преимущественно направлена на изучение отраслевых особенностей экономического развития регионов. Первоначально научное изучение доминант регионального развития носило абстрактный характер, здесь следует отметить исследование Иоганна Тюнена, где доминантой выступает сельскохозяйственное производство [12], последующее научное исследование Вильгельма Лаунхардта с использованием

«диаграммы модели Тюнена» и авторским локационным треугольником [9], а также исследование Альфреда Вебера, где предыдущие две концепции были интерпретированы по отношению к промышленному производству [3] с учетом агломерационной, рабочей и транспортной ориентацией. Эти по своей сути абстрактные математические модели заложили базис всех научных исследований в региональной экономике, где системообразующим служит отраслевой признак. Все методологические подходы (рис. 1) рассматривают коммерческую деятельность и затрагивают только сферы материального и нематериального производства, сфера деятельности некоммерческих организаций как отдельной доминанты регионального развития в работах по региональной экономике отдельно не позиционируется.

Если первый методологический подход мы обозначим как абстрактно-математический, то последующий подход целесообразно назвать математико-географическим. Сюда следует отнести теоретические изыскания Оскара Энглендера по объединению различных видов производств с точки зрения минимизации издержек транспортных операций на уровне территории. Также следует отметить Гарольда Хотеллинга, который в своих научных разработках отошел от затратного подхода в определенных отраслях и акцентирует свое внимание на географическом расположении экономических объектов с точки зрения неценовой конкуренции и географического местоположения. Более расширенную трактовку мы видим в исследованиях Торда Паландера, который также предлагает перейти от минимизации затрат к максимизации доходов на основе отраслевого размещения предприятий в регионе. Обобщенно такие научные исследования мы классифицируем как математико-географический подход с учетом отраслевых особенностей конкурирующих предприятий на определенной территории.

Третий методологический подход носит более теоретический характер, но в тоже время с практической точки зрения очень важен, так как затрагивает общие особенности рыночных отношений, которые проецируются на развитие любого региона. Все представленные в данном методологическом подходе теории берут за основу ведущую отрасль экономики, определяют ее преимущество. Организации, принадлежащие ведущей отрасли, формируют центр притяжения производственных ресурсов и мощностей и на этой основе являются наиболее эффективными с коммерческой точки зрения. Полюса или магниты притяжения размещения производственных сил формируются посредством активизации отраслевой деятельности и на определенной территории трансформируются уже в региональные полюса роста, по сути описание всех этих теорий сводится к получению агломерационного эффекта.

Концепцию полюсов роста на основе отраслевого признака предложил Франсуа Перру, дальнейшее развитие эта концепция нашла отражение в работах Жака Будвиля и получила региональную интерпретацию в трудах Хосе Ласуэна. По сути это направление научной экономической мысли дает характеристику развивающимся отраслям с последующей урбанизацией определенной территории, при этом все нерыночные характеристики региона не рассматриваются. В этой теории просматривается движение в сторону комплексного развития территорий, но без учета всей структуры региона, в ней не учитываются многие виды региональных структур и факторов регионального развития. С теорией полюсов сопряжена теория осей развития, предложенная Пьером Потье, основанная на связи полюсов развития транспортными осями для получения дополнительного развития. Ранее транспортный принцип построения отраслевой экономики на определенной территории предложил в своих исследованиях Вальтер Кристаллер, его теорию можно рассматривать как образец идеального стандарта расселения населения на определенной территории.

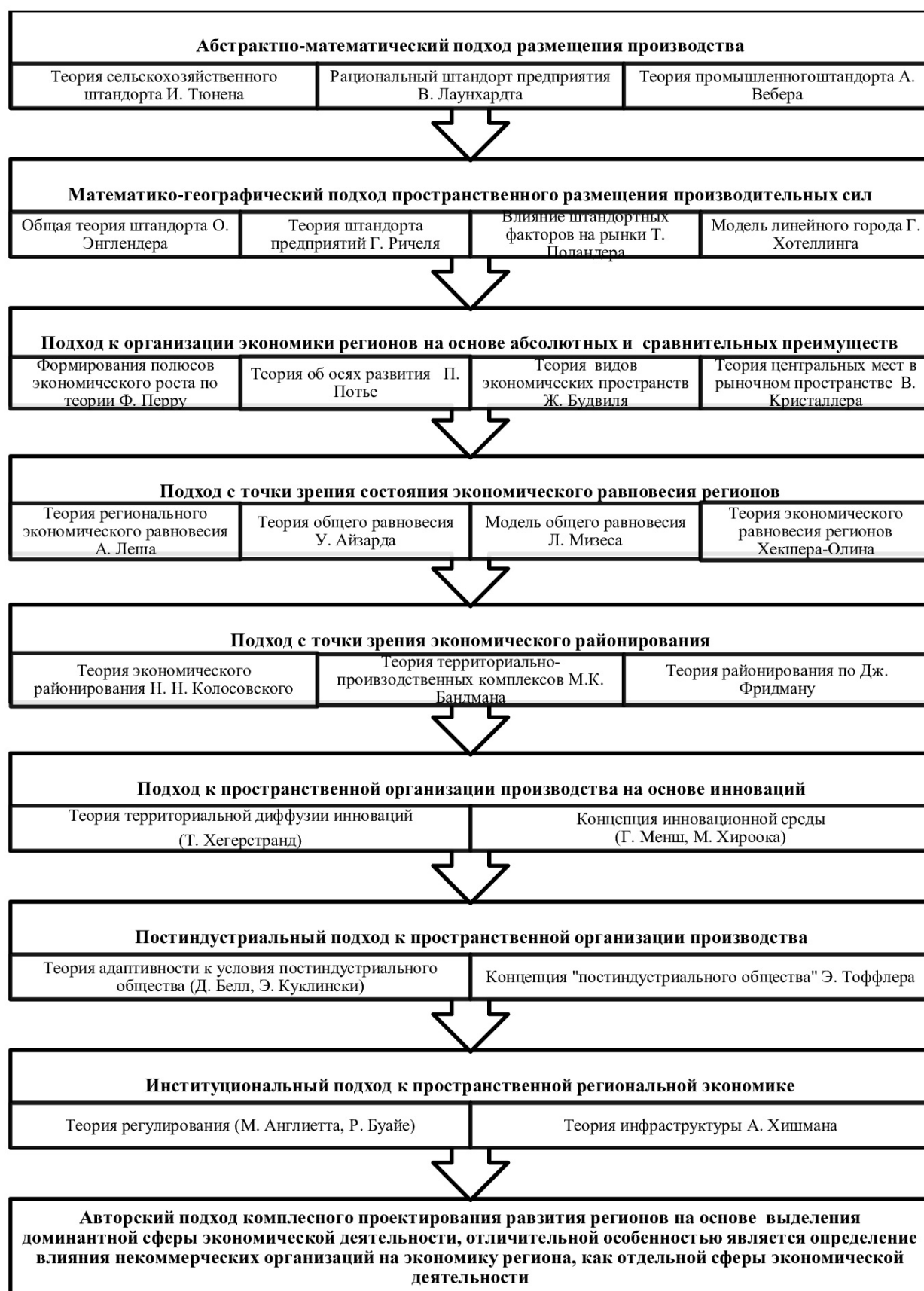

Рисунок 1. – Методологические подходы развития регионов [6]

Следующий рассматриваемый нами методологический подход с точки зрения состояния экономического равновесия регионов имеет своим базисом математическую и логическую структуру классической теории Леона Вальраса [4] общего экономического равновесия. Все

теоретические изыскания в этой области были математически выверены, в тоже время все рыночные условия и факторы были идеализированы, но в отличие от теорий изложенных выше методологических подходов все исследования имели пространственный аспект. Первым переход от плоскостного рассмотрения к пространственному изучению в региональной экономике совершил Август Леш [8], он рассматривает каждый математический элемент, отражающий экономический экономическую переменную во взаимосвязи с его пространственным отображением. При этом границы регионов формируются под воздействием межрегиональной конкуренции. Безусловно, следует отметить четкое математическое описание функционирования рыночной системы в границах региона, но в тоже время нельзя согласиться с допущением о том, что существует равенство издержек и цен в целом на определенной территории. В тоже время, несмотря на большое количество спорных допущений и переменных, Августу Лешу путем логики и абстрактных математических моделей удалось сформировать основные положения пространственного равновесия на основе анализа конкурирующих предприятий в определенной рыночной среде с элементами регулирования со стороны государства.

Многие ученые выделяют как ведущего ученого в рамках данного методологического подхода Уолтера Айзерда [1], как создателя теории общего равновесия и внесшего наибольший вклад в этот научный подход. На наш взгляд это спорно, так как по нашему мнению У. Айзард лишь дополнил некоторые математические переменные, предложенные А. Леша, причем используя практически всегда только линейные производственные функции. При этом главной отправной точкой в учении У. Айзарда были транспортные и другие издержки связанные только со сферой материального производства. С точки зрения современной цифровой экономики зависимость размещения предприятий и формирование комплекса по развитию региона от постоянного снижения транспортных издержек в общих затратах по меньшей мере нелогична. На наш взгляд абстрактно-теоретический анализ экономического равновесия по А. Лешу более точно описывает точку равновесия так как учитывает баланс всех экономических субъектов в лице государства и конкретной организации стремящейся получить максимальный экономический эффект размещаясь на определенной территории среди таких же экономических субъектов.

Большой теоретико-методологический вклад в развитие экономического равновесия внесли учения Людвиг фон Мизеса [10] и школы Эли Хекшера [13] и Бертиля Олина [11] которые за основу развития регионального пространства и размещения материального производства были приняты принципы свободной международной торговли. В обеих концепциях за основу принимались географическая структура поставок товаров, а на ее основе развитие структуры территориального производства, как регионального, так и межрегионального уровня. При этом утверждается, что экономическое равновесие достигается во всех странах и регионах участвующих в процессе свободной торговли, а территориальная структура будет формироваться под воздействием распределения ввозимой и вывозимой продукции.

Рассмотрение отдельных субъектов экономической деятельности и их объективно-субъективной связи с выявлением причинно-следственных связей в динамичной среде связанных как с внешней средой, так и между собой в условиях определенной территории, что подразумевает именно понятие комплексности и системности территориального экономического пространства, свойственно теоретико-методологическим положениям представителям школ «экономического районирования». Сочетание отраслей с целью создания территориального комплекса на основе энерго-производственного цикла предложил Николай Николаевич Колосовский [7]. В своих исследованиях он предложил типологию территориальных комплексов построенных на основе горизонтальных и вертикальных связей производственных процессов для энергетически затратных отраслей промышленности. В своих исследованиях он обосновал взаимосвязанность предприятий на основе их экономической взаимопривязки, включив в состав комплекса на одной территории с общей инфраструктурой. В последующем, концептуальные положения этой теории получили логическое продолжение в ис-

следованиях группы ученых под руководством Марка Константиновича Бандмана [2], в виде комплексированных производств и инфраструктуры путем концентрации их в пределах ограниченной территории с выделением отраслей специализации. Большой объем исследований был проведен с точки зрения планирования места региона в территориальном разделении отраслевой специализации и кооперирования производственной деятельности на основе интеграции ресурсов. В целом основоположники теорий экономического равновесия и районирования заложили базис дальнейших исследований и теоретико-прикладных изысканий связанных с комплексным развитием территорий и системным приложением ресурсов в структуре размещения производительных сил в региональном аспекте. Данные методологические подходы выявили тенденции превращения конкурентных преимуществ отраслей на основе их интеграции в комплексы посредством кооперирования, специализации и сосредоточения в привязке к определенной территории.

В результате филогенеза общих теоретических концепций постиндустриального общества сформировались научные теории регулирования и теории инфраструктуры. Эти два научных направления на наш взгляд являются базисом институционального подхода в пространственной региональной экономике, которые определили направления дальнейших научных исследований в этой области. В целом представители современных научных школ в рамках институционального подхода рассматривают изменения социально-экономических отношений посредством изменения специфики способов производства, создания благ и методов накопления капитала. На основе детального анализа и обобщения основных теоретических положений методологии предложенной в абстрактно-математических подходах размещения производства, математико-географических подходах пространственного размещения производительных сил, подходах к организации экономики регионов на основе абсолютных и сравнительных преимуществ, подходов с точки зрения состояния экономического равновесия регионов и экономического районирования, подходов постиндустриального развития социально-общественных отношений был предложен авторский подход комплексного проектирования развития регионов на основе выделения доминантной сферы экономической деятельности, отличительной особенностью является выделение влияния некоммерческих организаций на экономику региона, как отдельной сферы экономической деятельности.

Библиографический список

1. Айзард У. Методы регионального анализа : введение в науку о регионах // *Methods of Regional Analysis: an Introduction to Regional Science: 1960* / Пер. с англ. В. М. Гохмана. – М.: Прогресс, 1966. – 660 с.
2. Бандман М.К. Территориально-производственные комплексы: теория и практика предплановых исследований. – Новосибирск: Наука, 1980. – 256 с.
3. Блауг М. Экономическая теория использования пространства и классическая теория размещения производства // *Экономическая мысль в ретроспективе*. – М.: Дело, 1994. – С. 568-585.
4. Вальрас Л. Элементы чистой политической экономии. – М.: Изограф, 2000. – 448 с.
5. Гулари Е. Теория штандорта по О. Энглендеру. – М.: Гос. изд., 1928. – 28 с.
6. Еремина И.А. Доминанты специализации комплексных публичных проектов развития территории в условиях пространственно-экономических трансформаций: дис. ... д-ра эконом. наук. СПб., 2021. – 888 с.
7. Колосовский Н.Н. Теория экономического районирования. – М.: Мысль, 1969. – 335 с.
8. Леш А. Пространственная организация хозяйства. – М.: Наука, 2007. – 664 с.
9. Лимонов Л.Э. Региональная экономика и пространственное развитие. Т. 1. – М.: Юрайт, 2015. – С. 71-73.

10. Мизес Л. Индивид, рынок и правовое государство // Антология / под ред. Д. Антисери и М. Балдини. – СПб.: Пневма, 1999. – 196 с.
11. Олин Б. Межрегиональная и международная торговля. – М.: Дело, 2004. – 542 с.
12. Тюнен И. Изолированное государство / Под ред. проф. А.А. Рыбникова. – М.: Экономическая жизнь, 1926. – 323 с.
13. Хекшер Э.Ф. Влияние внешней торговли на распределение дохода // Вехи экономической мысли. Т. 6. Международная экономика. – М.: ТЕИС, 2006. – С. 154-173.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Кириловский Р.В.

Калужский филиал РАНХиГС
Россия, г. Калуга

Научный руководитель – Круглов В.Н.
Калужский филиал РАНХиГС
Россия, г. Калуга

Аннотация. Стратегическое планирование в государственном управлении – один из самых актуальных и хорошо зарекомендовавших себя способов совершенствования или реформирования какой-либо сферы, который отвечает вызовам современности и обладает всеми теми чертами, которые требуются для решения сложившихся проблем. Стратегическое долгосрочное планирование обычно осуществляется путем принятия программных актов, где закреплены цели и задачи программы, а также ряд мероприятий, которые требуют уточнения и развернутого продолжения в отраслевых актах. Разработка целевых программ для решения вопросов государственного значения приобрела большие масштабы за последние годы, это связано как с прогрессом методик управления, так и с преимуществами стратегического метода планирования. Актуальность данного исследования обусловлена приоритетом метода стратегического планирования развития в государственном управлении, инструменты которого активно применяются в настоящее время. Объектом исследования является стратегическое планирование развития региона РФ, а предметом – нормативное обеспечение планирования стратегического развития Калужской области. Цель данного исследования состоит в определении основных практических проблем реализации долгосрочных актов стратегического планирования по развитию региона и разработка рекомендаций по их предупреждению и устранению. Конечным результатом данного исследования будут являться сформулированные предложения по совершенствованию нормативного обеспечения стратегического планирования социально-экономического развития региона.

Ключевые слова: стратегическое планирование, концепция социально-экономического развития, региональное развитие, долгосрочное планирование, Калужская область

Метод стратегического планирования перерос в специализированную отрасль профессиональной управленческой деятельности. Основой эффективной практической реализации целевых программ – это комплексный характер, согласованность по уровням и ветвям власти, а также долгосрочность прогнозов и научность обоснованных целей государственного развития, которые должны быть разработаны в соответствии с принципами объективности, экономической оправданности и достоверности.

Стратегический подход гарантирует высокую эффективность и соответствующую результативность управленческой деятельности; позволяет рационально и экономно расходовать

бюджет; придает прозрачность и повышает открытость государственного сектора, расширяя контрольные возможности общества. Программно-целевые методы такого типа планирования в государственном управлении рассчитаны на длительный срок реализации, на множественность мероприятий, проведенных во исполнение цели программы и, собственно, на постановку самой этой глобальной цели [3].

Стратегический подход реализуется и в отношении разработки системных решений определённых проблем. Его сущность заключается в выработке и обосновании основных целей социального, экономического и прочего развития, а также разработке системы мероприятий по достижению цели при обеспечении необходимыми ресурсами. Программно-целевой метод применяется как для решения народнохозяйственных, так и локальных проблем. Необходимость планирования при таком методе обусловлена усложнением межотраслевых связей и выходом проблем в одной отрасли за ее рамки. Межотраслевой и широкомасштабный характер таких проблем требует соответствующего подхода, который, в свою очередь, должен быть комплексным, целенаправленным и обоснованным.

Самое главное в программно-целевом подходе – это обеспечение мероприятий, направленных на достижение какой-либо цели соответствующими ресурсами. То есть при данном методе управления одним из главных предварительных действий является планирование, в том числе и финансовое. Говоря о методах стратегического планирования в государственном управлении, нельзя забывать, что именно в этой сфере вопросы финансирования стоят наиболее остро, так как финансирование производится из бюджета, где средства ограничены. Также нужно помнить о фактической обоснованности проблем, на решение которых направляются ресурсы и последовательности мероприятий, которые планируется проводить во исполнение цели программы [4].

Стратегическое долгосрочное планирование обычно осуществляется путем принятия программных актов, где закреплены цели и задачи программы, а также ряд мероприятий, которые требуют уточнения и развернутого продолжения в отраслевых актах. Разработка целевых программ для решения вопросов государственного значения приобрела большие масштабы за последние годы, это связано как с прогрессом методик управления, так и с преимуществами стратегического метода планирования [5, с. 147].

Вопросы нормативного обеспечения стратегического планирования в государственном управлении являются одними из наиболее важных аспектов эффективного достижения установленных целевых показателей. Под нормативным обеспечением стратегического планирования понимается система нормативно-правовых актов, регулирующих программно-целевую деятельность по достижению запланированных показателей. Система нормативных актов по вопросам стратегического планирования является пусковым механизмом любых программных мероприятий и основным механизмом координационного воздействия на субъекты реализации программы. Нормативно-правовая составляющая целевых программ и их реализации относится к ряду основополагающих факторам конечного успеха.

В России стратегическое планирование получило распространение в сфере государственного управления еще в советские годы в ходе последовательного развития плановой экономики и централизации управленческих структур. Пресловутые «пятилетки» – планы социально-экономического развития государства на краткосрочный период являлись в России одним из первых примеров нормативного обеспечения стратегического планирования.

В 2014 г. в РФ с целью установления правовых основ стратегического планирования и координации бюджетной политики и политики различных уровней управления в рамках конкретных вопросов был принят Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Федеральным законом регулируются отношения, которые возникают между участниками стратегического планирования на каждом из упомянутых

выше его этапов Стратегическое планирование осуществляется в РФ на федеральном, региональном и местном уровне в виде целеполагания, прогнозирования, планирования и программирования социально-экономического развития территорий [1].

Стратегическое планирование социально-экономического развития субъектов РФ, в условиях необходимости обеспечения конкурентоспособности территории, имеет исключительное значение. Законом о стратегическом планировании устанавливается, что комплексное развитие регионов РФ осуществляется на основании положений стратегии социально-экономического развития, которая разрабатывается органами власти субъекта РФ на долгосрочный период. Стратегия развития региона устанавливает приоритеты, цели и задачи социально-экономического развития, ожидаемые результаты реализации, показатели достижения поставленных целей и оценку достигнутых результатов. Стратегия социально-экономического развития субъекта РФ является основополагающим актом регионального стратегического планирования: на ее основе принимаются государственные программы, схемы территориального планирования и иные нормативные акты.

Соответственно, стратегия социально-экономического развития является основой нормативного обеспечения стратегического планирования развития территорий в РФ, от сути и содержания которой напрямую зависит эффективность реализации отраслевой и межотраслевой региональной политики.

В 2009 г. Правительством Калужской области была принята долгосрочная Стратегия социально-экономического развития региона. Стратегия была рассчитана на срок до 2030 г., и ее положения и целевые показатели являются актуальными в настоящее время. Стратегия была разработана с учетом множества положений федеральных программных актов в области социального, инновационного, экономического, инфраструктурного и иного развития – таким образом, обеспечивается единство государственной политики на всей территории РФ. Стратегия социально-экономического развития Калужской области реализуется в три последовательных этапа:

- 2009-2013 гг. – модернизация инфраструктурных элементов, преодоление технологических ограничений для развития;
- 2014-2019 гг. – концентрация человеческих ресурсов на территории региона;
- 2020-2030 гг. – синергия инновационных, кадровых и инфраструктурных элементов территории для осуществления прорывного социально-экономического развития [2].

На данный момент, исходя из сроков реализации Стратегии социально-экономического развития Калужской области, регион вступает в третий этап реализации долгосрочной программы (2020-2030 гг.). По итогам реализации первого этапа (2009-2013 гг.) в регионе действительно была сформирована сильная инфраструктура, которая позволила региону совершить технологический и экономический прорыв.

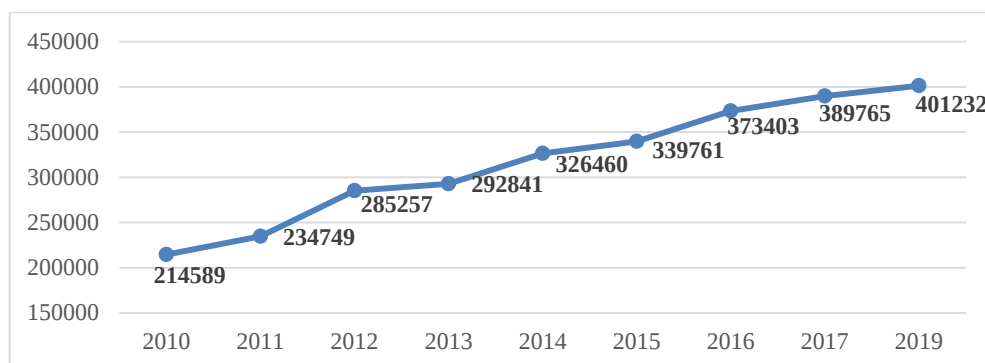

Рисунок 1. – Объем валового регионального продукта Калужской области, в период с 2010 по 2019 г. (в млн руб.)

На рисунке 1 представлены темпы роста валового регионального продукта Калужской области, в период с 2010 по 2019 г. [6, с. 121]. Исходя из рисунка, можно сделать вывод о том, что в течение всего рассматриваемого периода объем валового регионального продукта Калужской области возрастал благодаря активной реализации этапов Стратегии.

Уже в 2010-2013 гг. в ходе исполнения целей Стратегии в Калужской области были сформированы индустриальные и технологические парки, являющиеся площадками для территориального сосредоточения промышленных производств и привлечения инвестиций. В период с 2010 по 2013 гг. наблюдалась тенденция активного прироста объемов кластеризованного промышленного сектора Калужской области, которые составляли в среднем в течение указанного периода до 47% от совокупного валового продукта области [7, с. 461].

Во второй период (2014-2019 гг.) реализации Стратегии социально – экономического развития региона вошел в состоянии технологического и экономического подъема, характеризующегося наращиванием темпов промышленного производства, кластеризованных отраслей экономики, объема валового регионального продукта и индексом промышленного производства. Однако реализация основной цели второго этапа – привлечение кадрового потенциала на территорию региона – удалась не настолько успешно, как формирование инновационной инфраструктуры. Темп прироста населения в Калужской области остается отрицательным даже с учетом положительного значения миграционного прироста, значения которого остаются весьма скромными; также по-прежнему наблюдается отток рабочей силы из региона. Данная статистика является неблагоприятной, учитывая, что период до 2030 г. региону предстоит создание инновационной сети с ядрами расселения, характеризующимися высоким качеством среды [8, с. 81].

Стратегия, имеющая весьма декларативный характер, несмотря на разработанные сценарии развития, подкреплена множеством региональных программных актов социально-экономического развития. На первом этапе реализации стратегии их было принято 47, на втором – 124. Стоит отметить, что каждый из этапов Стратегии социально-экономического развития является более длительным, нежели предыдущий, что создает определенные риски не достижения установленных целевых показателей. С увеличением длительности этапов Стратегии, увеличивается и количество основанных на ее положениях программных актов регионального значения, направленных на достижение конкретных целевых показателей в конкретных отраслях.

Основным недостатком нормативного обеспечения стратегического планирования долгосрочного развития Калужской области является их разобщенность по срокам реализации. Стратегия социально-экономического развития была разработана сроком на 20 лет, притом что прогнозы социально-экономического развития региона разрабатываются ежегодно и являются краткосрочными (на трехлетних срок). Также, стоит отметить несогласованность по срокам и целям региональных программных актов, реализуемых в смежных отраслях [9].

Таким образом, в качестве основного недостатка стратегического долгосрочного планирования развития субъектов РФ можно отметить несогласованность реализации Стратегии социально-экономического развития и программных актов регионального значения, а также многократное превышение сроков основного программно-целевого акта по развитию региона над сроками периодического социально-экономического прогнозирования.

В целях совершенствования нормативного обеспечения стратегического долгосрочного планирования развития Калужской области можно предложить следующие меры корректирующего воздействия:

- дробление Стратегии социально – экономического развития на несколько целостных программных актов в соответствии с количеством периодов реализации Стратегии, что позволит сократить избыточность ведомственных программных актов и обобщить и систематизировать конкретные цели на указанных период;

– увеличение сроков периодического социально – экономического прогнозирования развития региона (до среднесрочных периодов – 5-6 лет).

Указанные меры позволят повысить степень согласованности системы нормативных актов, составляющих нормативное обеспечение стратегического планирования развития Калужской области, которое имеет в вопросах долгосрочного планирования первостепенное значение как организационная и целевая основа.

Библиографический список

1. О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Доступ из Справ.-прав. системы Консультант Плюс.
2. О Стратегии социально-экономического развития Калужской области до 2030 г.: Постановление Правительства Калужской области от 29 июня 2009 г. № 250 // Доступ из Справ.-прав. системы Консультант Плюс.
3. Ильясова А.М. Социально-экономическое развитие региона: особенности и факторы, влияющие на социально-экономическое развитие // Актуальные проблемы социэкономии в XXI веке. – 2020. – № 5. – С. 34-38.
4. Исачкова Л.Н. Моделирование развития региона в формировании региональных программ социально-экономического развития // Актуальные вопросы экономики и экономической безопасности. – 2019. – № 3. – С. 67-72.
5. Круглов В.Н., Тютин Д.В. Качество жизни как императив современного экономического развития // Modern Economy Success. – 2020. – № 2. – С. 145-151.
6. Круглов В.Н., Тютин Д.В. Модель взаимодействия федерального центра и региона при осуществлении программы борьбы с бедностью // Modern Economy Success. – 2020. – № 3. – С. 119-125.
7. Круглов В.Н., Тютин Д.В. Региональный опыт борьбы с бедностью: поиски и находки // Управленческий учёт. – 2021. – № 3. – С. 462-471.
8. Одинцова А.В. Концепция устойчивого развития и стратегическое планирование развития территорий // Вестник Владимирского государственного университета имени Столетовых. – 2018. – № 2. – С. 78-82.
9. Официальный сайт органов власти Калужской области. – URL: <http://admoblkaluga.ru/main>.

СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ СТРАТЕГИИ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Чаленко А.В., Казиева Б.А.

*Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики
Россия, г. Санкт-Петербург*

Аннотация. В статье поднимаются такие исследовательские вопросы, как место социальной проблематики в стратегиях регионального уровня, формы ее отражения в стратегических документах, степень соответствия перспективных целей, задач, направлений реальным социальным проблемам территорий. Выполненный анализ Стратегии социально-экономического развития Ленинградской области на период до 2030 г. показал, что актуальные социальные проблемы региона в долгосрочной перспективе учитываются не в полной мере. Это подтвердили результаты исследования общественного мнения жителей региона и оценки экспертного сообщества, включающие в число важнейших проблем для региона – плохое медицинское обслуживание, безработицу и трудности в поиске работы, низкий уровень жизни населения, плохую экологию и т.д.

Ключевые слова: регион, социально-экономическое развитие, стратегия, социальность.

Социально-экономическое развитие территорий должно осуществляться в соответствии со стратегическими целями, с пониманием не только ближайшей, но и более отдаленной перспективы. В настоящее время документы стратегического характера принимаются на всех уровнях управления – государственном, региональном, муниципальном. Стратегии социально-экономического развития регионов представляют особый интерес, поскольку они занимают промежуточное положение в стратегическом менеджменте [1, с. 65]. Они должны учитывать, с одной стороны, государственные приоритеты и ресурсы, а с другой – местные возможности и перспективы, обеспечивая преемственность всех уровней стратегии. В региональных социально-экономических стратегиях есть две плоскости – социальная и экономическая. Они тесно взаимосвязаны и взаимозависимы, иногда четко разведены в стратегических документах, а иногда тесно переплетены. Но, в любом случае, социальная составляющая в стратегических планах есть, хотя ее роль, место, механизмы и условия реализации формулируются по-разному.

Об этом свидетельствуют публикации зарубежных и российских специалистов, изучающих специфику регионального стратегического планирования, социального развития и формирования социальной политики территорий. Прежде всего, исследователи отмечают, что стратегическая социальная политика регионов зависит от уровня развития страны в целом и остроты конкретных проблем. В частности, в странах с формирующейся рыночной экономикой (Бразилия, Индия, Китай, Южная Африка) разработаны и реализуются стратегии и программы по выплате трансфертов, сокращению внутрирегионального неравенства доходов и защите рабочих мест и занятости. Эта политика очень важна, поскольку экономический рост не гарантирует улучшения качества жизни всего населения с минимальным временным лагом.

В работе [2] авторы обсуждают примеры региональной социальной политики в Бразилии и Индии, подчеркивая, что усложнение конфигурации структуры государственного управления может негативно повлиять на достижение национальных стратегических целей, например, построение «государства всеобщего благоденствия» из-за удлинения процесса принятия решений, политической конкуренции за ресурсы. В Бразилии и Индии с начала 2000-х гг. процесс передачи ответственности за социальную политику местностям (штатам) шел по-разному. В Бразилии центр тяжести социальной политики постепенно централизовался, в то время как в Индии, напротив, субнациональные правительства получили больше полномочий, в т.ч. в области своего стратегического развития. Сегодня неравномерность социальной политики от штата к штату в Индии очень высока, регионы остаются «штатами в штате». В другом исследовании [3] подчеркивается, что серьезная региональная дифференциация социальной политики неизбежна даже в унитарных государствах, хотя каждому гражданину должен быть обеспечен определенный уровень социальной защиты и социальных льгот. Федеральные земли Германии обладают широкими полномочиями в социальной сфере. Так, Берлин и Бавария существенно различаются по построению образовательных систем и подходов к культурной политике, что обусловлено их историческим опытом, ценностными и политическими ориентациями жителей [4]. В развивающихся странах, наоборот, региональные полномочия ограничены и они не проводят самостоятельную социальную политику [5].

Таким образом, проблемы региональной социальной политики в мировой научной повестке дня не игнорируются, но изучены неравномерно. Чаще всего социальная политика рассматривается через призму политических отношений между центром и регионами, как результат определенного взаимодействия между уровнями власти и попыток повышения политической популярности. Обсуждается влияние различных национальных и региональных факторов на подходы к субнациональной социальной политике. Однако мало внимания уделяется административно-экономическим проблемам социальной политики территорий. Ресурсный потенциал, затраты, цели и результаты, достигнутые

различными регионами, до конца не изучены. Кроме того, в зарубежной литературе социальная политика регионов мало связана с проблемами стратегии; она недостаточно изучена как часть долгосрочной политики развития.

Российские исследователи активно анализируют вопросы региональной социальной политики, социального развития территорий, социально-экономических стратегий [6-10], однако работ, посвященных изучению социальных аспектов стратегических региональных документов, немного. Как правило, социальная политика региона рассматривается вне стратегического контекста. В последние годы пришло понимание того, что региональные стратегии должны уравнивать экономические, социальные и экологические цели, однако «социальность» документов долгосрочного развития практически не изучена, что определяет проблемное поле для его изучения.

Под социальностью программ стратегического развития следует понимать уровень внимания в них к актуальным проблемам социального характера, направлениям совершенствования функционирования социальных секторов, мерам, связанным с социальной политикой [11, с. 208]. В первую очередь, необходимо определить какие стороны жизни регионального сообщества являются социальными, поскольку помимо традиционных сфер и видов деятельности (образование, здравоохранение, культура, спорт, досуг, социальная защита) понятие «социальный» иногда включает экологию, жилищно-коммунальное хозяйство, дорожную инфраструктуру, связь и информационное обеспечение, правоохранительную деятельность, социально-трудовую сферу, бытовое обслуживание. На наш взгляд, все перечисленные компоненты следует считать социальными, так как они направлены на удовлетворение различных потребностей людей и непосредственно влияют на качество их жизни. В основном стратегическом документе региона необходимо оценить, прежде всего, основные приоритеты, цели, задачи и направления. Если они имеют преимущественно социальную окраску, то стратегию следует характеризовать как социально ориентированную. Если другие установки (экономические, экологические, производственные и др.) стратегически сбалансированы с социальными, то ее можно признать стратегией со средним уровнем социальности. Если в стратегии преобладают не социальные, а другие проблемы, ее следует отнести к документам с низким уровнем социальности. Это деление условно и не означает, что какой-то вариант стратегии лучше, а какой-то хуже; он лишь констатирует уровень отражения социальной проблематики в перспективном документе. Важно подчеркнуть, что социальные стратегические задачи являются надстройкой, их реализация, безусловно, зависит от экономической базы. Однако экономическое развитие не должно быть самоцелью, это инструмент достижения социальных перспектив. Поэтому необходимо обеспечить максимальную сбалансированность, гармонию экономических и социальных проектов.

В качестве примера рассмотрим Стратегию социально-экономического развития Ленинградской области на период до 2030 г. (далее – Стратегия) [12]. Ее миссия направлена на обеспечение полноценного и достойного качества жизни жителей и гостей области, эффективную реализацию национальных интересов и приоритетов России, локализованных в регионе. Видение в стратегическом документе представлено преследуемыми интересами, принципами Стратегии и ее приоритетами. Принципы Стратегии имеют, как правило, смешанную социально-экономическую форму: безопасность и надежность; качество жизни, товары и услуги; цифровизация и умная специализация; открытость обществу и рынкам; лидерство в основных сферах экономики, науки, культуры, спорта, туризма. Два принципа можно отнести преимущественно к социальным: ответственность,

экологичность и здоровье населения; к преимущественно экономическим – один: финансовая стабильность и безопасность.

Кроме того, в Стратегии изложены приоритеты: регион с достойной жизнью для людей; стратегическая безопасность; стратегическая диверсификация экономики; стратегическое развитие систем жизнеобеспечения (водоснабжение и канализация); разработка стратегии внешнеэкономических, научных, образовательных, культурных, спортивных связей и международного сотрудничества; разработка стратегии научно-технического потенциала и цифровизация региональной экономики; разработка стратегии финансовой системы региона. На основании анализа обозначенных приоритетов, отметим, что второй, четвертый и пятый контуры можно отнести к варианту смешанной направленности; к преимущественно экономическим – третий, шестой и седьмой; и к преимущественно социальным – только первый. Таким образом, при детализации Стратегии ее содержание переориентируется в экономико-производственную плоскость.

Основные цели и приоритеты региональной стратегии в ходе анализа показали, что миссия, интересы и принципы стратегии имеют социальную направленность, а ее направления (приоритеты) в большей степени затрагивают экономическую сферу. Такое положение нельзя считать аномальным по существу, поскольку, как уже отмечалось, для решения социальных задач необходима экономическая база. Анализ стратегического документа на региональном уровне можно углубить, рассмотрев другие официальные материалы, в первую очередь план реализации региональной стратегии. Однако важно также понимать, насколько та или иная региональная стратегия направлена на решение актуальных для территории социальных проблем, поскольку, будучи преимущественно социальной по своему содержанию, она может упускать из виду некоторые серьезные и острые вопросы.

Для решения соответствующей задачи оптимальным вариантом является проведение социологического исследования и определение отношения, с одной стороны, экспертов, а с другой, населения к общей социально-экономической ситуации в регионе и ее отдельным аспектам, в том числе управленческим. Эти вопросы целесообразно отслеживать в динамике, фиксировать тенденции изменений, изучать ожидания и мнения о перспективах развития региона. Так, опросы жителей региона в 2021 г. показали, что 59% населения региона полностью или скорее удовлетворены своей жизнью, а 34% полностью или скорее не удовлетворены. Около четверти жителей региона высоко оценили социально-экономическую ситуацию в регионе, а две трети горожан – низко. Чуть менее трети населения (30%) настроены оптимистично в отношении трехлетнего будущего родного региона, пессимистов – 22%, а 36% взрослых считают, что социально-экономическая ситуация в Ленинградской области не изменится в ближайшие годы.

Что касается мнений жителей области о конкретных социальных проблемах, то в качестве наиболее актуальных были выделены: низкий уровень жизни населения (отметили 47% опрошенных); безработица, проблемы с трудоустройством (43%), плохое медицинское обслуживание (39%); высокий уровень наркомании и алкоголизма (33%); плохая работа пассажирского транспорта (28%); плохая экологическая ситуация (28%); плохая работа ЖКХ (27%); низкий уровень экономического развития (23%); нарушение досуга детей и подростков (20%); проблемы со сбором мусора (17%).

Таким образом, в ТОП-10 проблем, наиболее волнующих население, входят 9 социальных, что свидетельствует о высоком уровне остроты трудностей данного вида проблем. Помимо общественного мнения, осенью 2020 года в Ленинградской области изучались экспертные оценки социально-экономического состояния региона в целом и положения дел в различных сферах и отраслях. Общую ситуацию в регионе эксперты оценили несколько вы-

ше, чем население: высокие оценки дали почти треть опрошенных, низкие – почти две трети. Оценивая состояние отраслей экономики и сфер жизни области, эксперты наиболее критически относились к окружающей среде, здравоохранению, занятости, малому бизнесу и предпринимательству, уровню жизни населения, заработной плате, экономике в целом, средствам массовой информации, промышленному производству и социальной сфере в целом. Таким образом, 7 из 10 наиболее проблемных секторов являются социальными, что также свидетельствует о приоритете социальной повестки дня. Следует отметить, что эксперты, оценивая изменения, произошедшие в регионе за два года, в большинстве случаев давали негативные отзывы о развитии системы здравоохранения, уровне жизни населения, обеспечении занятости, экологической безопасности и развитии предпринимательства. В других сферах деятельности положительных оценок было больше, чем отрицательных.

Актуальность и содержание различных социальных проблем на региональном уровне, в частности, в Ленинградской области анализируют многие ученые [13-18], в том числе и авторы данной статьи, подчеркивая тесную взаимосвязь между экономическими и социальными факторами развития территории. Однако немногие авторы обосновывают необходимость и целесообразность отражения объективных социальных противоречий и острых проблем в региональных стратегических документах. Рассматривая вопросы социального развития региона, следует отметить ограниченность экономического детерминизма, когда в центре стратегии становится экономическое развитие, а как неизбежное следствие постулируется социальное развитие и повышение качества жизни [19, с. 17]. В современных условиях экономический рост не определяет автоматически социальный прогресс, поэтому социальное развитие региона необходимо разрабатывать отдельно.

Обобщая вышеизложенное сконцентрируем внимание на следующих выводах. Во-первых, в теории и практике регионального социально-экономического стратегирования стоит задача адекватного баланса социально-экономических приоритетов и направлений развития территорий. Однако до сих пор отсутствуют приемлемые подходы к определению гармонии соответствующих векторов перспективных изменений. Авторы предприняли попытку подойти к решению этой проблемы, проанализировав Стратегию социально-экономического развития Ленинградской области на предмет ее социальной. Миссия региона, преследуемые интересы и принципы Стратегии носят преимущественно социальный характер, чего нельзя сказать о контурах приоритетов. Только один из семи контуров можно отнести к социальному, три – к экономическому, три – к смешанному, т.е. при детализации долгосрочных целей проявляется экономическая направленность стратегического документа. Во-вторых, при формировании стратегии важно учитывать насущные социальные проблемы, оценку которых целесообразно проводить путем изучения мнений населения и экспертов. В Ленинградской области большая часть населения довольна своей жизнью, но оценивает социально-экономическую ситуацию в регионе преимущественно негативно, а среди острых проблем чаще всего называет социальные: низкий уровень жизни населения, проблемы с трудоустройством, плохое медицинское обслуживание и т.д. Эксперты оценивали социально-экономическую ситуацию в регионе несколько выше, чем рядовые жители, но и среди них преобладают негативные оценки. В качестве наиболее проблемных отраслей и сфер в регионе они назвали экологию, здравоохранение, занятость и др.

Таким образом, несмотря на социальный характер формулировок целевых установок региональной стратегии, ее содержание, раскрываемое через приоритеты развития, не в полной мере учитывает актуальные социальные проблемы региона.

Библиографический список

1. Голикова Т.А. Управление инвестиционной деятельностью в регионе: учебное пособие. – СПб.: СПбГИЭУ, 2006. – 94 с.
2. Tillin L., Duckett J. The politics of social policy: welfare expansion in Brazil, China, India and South Africa in comparative perspective // *Commonwealth & Comparative Politics*. – 2017. – V. 55 (3). – pp. 253-277.
3. Pino E., Ramos H. Is welfare retrenchment inevitable? Scope and drivers of healthcare reforms in five Spanish regions during the crisis // *Journal of Social Policy*. – 2018. – V. 47 (4). – pp. 701-720.
4. Schultz C., Kolb H. Managing cultural diversity in Federal Germany: Bavaria and Berlin as Classic antagonists // *Fédéralisme Régionalisme*. – 2015. – V. 15. – pp. 53-59.
5. Mares I., Carnes M. Social policy in developing countries // *Annual Review of Political Science*. – 2009. – V. 12. – pp. 93-103.
6. Селютина Л.Г. Подходы к реализации программ реконструкции градостроительных комплексов в российской практике // *Управление городом и городским хозяйством: Сб. научных трудов*. – СПб.: СПбГЭУ, 2014. – С. 46-50.
7. Егорова М.А. Управление инвестициями: учебное пособие. – СПб.: СПбГУТ, 2012. – 96 с.
8. Селютина Л.Г. Факторы и условия, оказывающие влияние на развитие инновационной активности предприятий в России // *Социально-экономическое и правовое управление как фактор устойчивого развития бизнеса и образования в будущем: сб. научн. тр. Всерос. научно-практ. конф. (с межд. уч.)*. – Саранск: МГУ им. Н.П. Огарева, 2018. – С. 344-349.
9. Egorova M.A. et al Modelling of investment processes in the sphere of social house building // *Innovations in science and education. International Conference Proceedings*. – Central Bohemia University, 2017. – pp. 67-72.
10. Евсеева Е.И. Социальное жилищное строительство в России: реалии и перспективы развития // *Научное обозрение*. – 2015. – № 21. – С. 218-220.
11. Песоцкая Е.В. Развитие методологических основ предпринимательской деятельности как эффективного инструмента решения социально-экономических проблем регионов // *Региональная экономика: технологии, экономика, экология и инфраструктура: материалы межд. научно-практ. конф.* – Кызыл: ТуВИКОПР СО РАН, 2019. – С. 205-211.
12. Стратегия социально-экономического развития Ленинградской области до 2030 г. – URL: <http://econ.lenobl.ru/ru/budget/planning/concept2030>.
13. Бессонов М.С. Социальное жилье – стратегическое направление развития строительства в регионах России // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. – 2016. – № 6-1. – С. 142-144.
14. Булгакова К.О. Развитие некоммерческого жилищного фонда как способ формирования доступного и комфортного жилья в Санкт-Петербурге // *Теория и практика общественного развития*. – 2014. – № 1. – С. 374-376.
15. Maleeva T. et al Analysis and evaluation of financial resources of social housing construction in city // *Materials Science Forum*. – 2018. – V. 931. – pp. 1118-1121.
16. Чаленко А.В. Участие государства в решении жилищной проблемы граждан в современных условиях // *Фундаментальные исследования*. – 2015. – № 12-4. – С. 823-827.
17. Trushkovskaya E. Analysis of approaches to the implementation of programs for the urban complexes reconstruction in Russia // *IOP Conf. Series: MSE*. – 2020. – V. 753. – pp. 032044.

18. Методология развития экономики, промышленности и сферы услуг в условиях цифровизации / под ред. А.В. Бабкина. – СПб.: Политех-Пресс, 2018. – 756 с.

19. Bulgakova K. et al Basics of investment projects selection for the implementation of regional investment programs in the sphere of social house building // Espacios. – 2018. – № 26, V. 39. – pp. 17.

ФОРСАЙТ-ПРОЕКТИРОВАНИЕ – СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП ЭВОЛЮЦИИ ТЕХНОЛОГИЙ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫМ РАЗВИТИЕМ

Ретивых И.В.

Алтайский филиал РАНХиГС
Россия, г. Барнаул

Аннотация. В статье предложено включить форсайт-проектирование в систему эволюции технологий управления, разработанную И. Ансоффом, как современный этап развития технологий стратегического управления, и закрепить использование методов и технологий форсайта в вопросах стратегического планирования территориального развития.

Ключевые слова: эволюция технологий стратегического управления, управление на основе конструирования будущего, форсайт-проектирование, территориальное развитие.

Обеспечение устойчивого развития социально-экономических систем различного ранга уже давно является важной задачей теории и практики управления. Технологии стратегического управления как раз призваны ее решать, но для получения требуемых результатов необходимо использование эффективных технологий, адекватных современным условиям.

И. Ансофф, конструируя эволюцию систем управления корпорациями, отметил, что изменение внешних условий их функционирования и развития ставит новые управленческие задачи, и соответственно, системы, актуальные ранее становятся неэффективными. Тем самым он обосновал необходимость применения технологий стратегического управления и их развитие, обусловленное усилением нестабильности внешней среды (табл. 1).

Эволюция систем управления, предложенная И. Ансоффом, заканчивается на рубеже, примерно, 1990-х гг., но процессы перемен во всех сферах жизнедеятельности общества продолжают, задачи модифицируются и усложняются, а также появляются новые. Следовательно, для обеспечения устойчивого развития социально-экономических систем возникает потребность в новой технологии стратегического управления, соответствующей динамике окружающего мира. По нашему мнению, этой технологией является «управление на основе конструирования будущего», в основе которой форсайт-проектирование [4], позволяющее не только предвидеть и прогнозировать будущее с учетом текущих возможностей и угроз внешней среды, но и проектировать желаемое будущее в соответствии с долгосрочными трендами развития в различных сферах общественной жизни.

Таблица 1. – Эволюция систем управления

Время		Этапы развития систем управления	Технологии управления
1900	Уси-	Управление на основе контроля за исполнением (постфактум)	Управление в соответствии с должностными обязанностями Финансовый контроль

1930-1950		Управление на основе экстраполяции (когда темп изменений ускорился, но будущее еще можно предсказывать путем экстраполяции прошлого)	Составление текущих бюджетов Составление бюджетов капиталовложений Целевое управление Долгосрочное планирование
1950-1970		Управление на основе предвидения изменений (когда начали возникать неожиданные явления и темп изменений ускорился, однако не настолько, чтобы нельзя было вовремя предусмотреть будущие тенденции и определить реакцию на них)	Стратегическое планирование по периодам Выбор стратегических позиций
1970-1990		Управление на основе гибких экстренных решений (когда многие важные задачи возникают настолько стремительно, что их невозможно заблаговременно предусмотреть)	Управление на основе ранжирования стратегических задач Управление по слабым сигналам Управление в условиях неожиданных событий
1990 – по настоящее время		<i>Управление на основе преактивных решений</i>	Управление на основе конструирования будущего (форсайт-проектирование)

Примечание: курсивом выделены элементы, добавленные автором

Источник: составлено и дополнено автором на основе источника [1].

При этом, как отмечает В.Е. Селиверстов, при переходе от одного этапа развития систем управления к другому ряд функций не отмирает полностью, просто меняется их значимость в функциональной иерархии (например, функция финансового контроля, являющаяся основной на первом этапе управления на основе контроля, будет использоваться и воспроизводиться во всех управленческих системах) [5]. Следовательно, мы можем утверждать, что все методы стратегического планирования, такие как SWOT-анализ, в адаптированном варианте [3], формирование видения и миссии и другие используются в системе конструирования будущего.

Технологии и методы управления, разработанные для корпораций, трансформируются под особенности территории [3] и встраиваются в систему территориального управления, а поскольку внешняя нестабильность характерна и для территорий, то и технологии территориального стратегирования подвержены тем же процессам трансформации.

Территориальный форсайт имеет дело с управляемыми процессами и событиями [2], позволяет управлять неопределенностью посредством интенсивного взаимодействия между заинтересованными сторонами, а также управлять сценариями в процессе стратегической деятельности [6]. Надо сказать, что технологии форсайта успешно используются для целей территориального развития в странах Европейского Союза и странах Азиатско-Тихоокеанского региона с 1990-х гг. В 2000 г. Лиссабонской стратегией рекомендовано всем странам ЕС шире использовать форсайт для целей территориального развития [4]. В России первые, единичные региональные форсайты стали разрабатываться с 2005 г., а более широкое распространение технология получила с 2012 г.

Результатами форсайт-проектирования территории являются [4]:

1. Логические представления о будущем и конкретизация видения будущего территории.
2. Жизнеспособные, инновационные приоритеты развития, согласованные с широким кругом стейкхолдеров.

3. Практические проекты для территории.

4. Механизмы реализации конкретных приоритетов.

5. Развитие доверия и взаимодействия между основными стейкхолдерами территории, установление социального партнерства между властью и бизнесом.

6. Рост возможностей реализации проектов, направленных на развитие территории в условиях ограниченности финансовых ресурсов, реализуемых на основе государственно-частного партнерства.

На сегодняшний день в России для целей территориального стратегирования форсайт используется в единичных случаях, что на наш взгляд существенно снижает качество стратегических планов. Считаем необходимым законодательно закрепить использование методов и технологий форсайта в вопросах стратегического планирования, для чего необходимо внести соответствующие дополнения в следующие нормативно-правовые акты [4]:

– Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»;

– Методические рекомендации по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и плана мероприятий по ее реализации, утвержденные Приказом Министерства экономического развития РФ от 23 марта 2017 г. № 132 «Об утверждении Методических рекомендаций по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и плана мероприятий по ее реализации»;

– Методические рекомендации по организации проектной деятельности в федеральных органах исполнительной власти, утвержденные Правительством РФ 12 марта 2018 г. № 1937п-П6).

Институализация форсайт-проектирования позволит вывести принятие решений в процессе территориального стратегического планирования на современный методологический и соответственно более высокий качественный уровень для всех территориально-административных образований Российской Федерации.

Библиографический список

1. Ансофф И. Стратегическое управление / науч. ред. и авт. предисл. Л.И. Евенко. – М.: Экономика, 1989. – 519 с.
2. Воронов Ю.П. Форсайт как инструмент / под ред. В.И. Суслова. – Новосибирск: ИЭОП СО РАН, 2010. – 210 с.
3. Князева И.В., Ретивых И. В. SWOT-анализ в системе территориального стратегического планирования (на примере г. Барнаула) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. – 2019. – № 4. – С. 634–669.
4. Ретивых И.В. Совершенствование научно-методического инструментария форсайт-проектирования социально-экономического развития города (на примере г. Барнаула): дис. ... канд. экон. наук. – Барнаул, 2021. – 283 с.
5. Селиверстов В.Е. Региональное стратегическое планирование: от методологии к практике / отв. ред. В.В. Кулешов. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2013. – 434.
6. Cuhls K. From forecasting to foresight processes – new participative foresight activities in Germany // Journal of Forecasting. – 2003. – Vol. 22. – P. 93-111.

ЭКОНОМИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Ступникова Е.А.

Российский университет транспорта (МИИТ)

Аннотация. В данной статье приводится обзор анализа концепции устойчивого развития региона, которое, в свою очередь, является неотъемлемой частью развития национальной экономики. Раскрыты аспекты адаптации различных процессов эффективного управления региона в сложных экономических реалиях, которые зависят от множества внутренних и внешних факторов. На основании статистических данных и разработанной авторской экономико-математической модели оценки зависимости социально-экономического развития региона от ряда факторов: ВРП, инфляции, фактора спроса на продажи, объема инвестиций, сделаны выводы, что самыми главными факторами снижения уровня ВРП являются: а) повышение уровня инфляции ($R=0,6485$), б) изменение количества инвестиций ($R=0,1384$) в регионе. Предложены пять принципов управления социально-экономическим развитием региона в целях повышения эффективности управления.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, регион, инвестиции, инфляция, спрос.

Социально-экономическое развитие региона – это эффективное использование ресурсов региона – природных, человеческих, финансовых, инфраструктурных и др. И оценивается оно изменением значения валового регионального продукта на душу населения. Сам регион, в котором сосредоточены производственные, социальные и торговые предприятия, существует своя логистическая структура, является частью социально-экономической системы страны и находится во взаимоотношениях с другими регионами [2]. Таким образом, регион, образуя определённую целостность, сохраняет единство системы [3].

За последние годы можно отметить, что как Россия в целом, так и любой российский регион стали участниками нестабильных и сложных мировых изменений. Российская экономика медленно восстанавливалась после глобальных финансовых кризисов 2007-2008 гг. и 2014 г., пандемии 2020-2022 гг. [4]. Сегодняшняя ситуация, связанная с проведением специальной операции в Украине, настолько непростая, что сложно с точностью прогнозировать экономические последствия. Таким образом, на каждый российский регион действуют не только события, происходящие внутри страны, но и мировые события, происходящие на международных финансовых и валютных рынках. Торговый протекционизм и стратегическая конкуренция между крупными странами и партнерами становятся все более жесткими. Если посмотреть на прошедшее десятилетие, то можно отметить, что наука и техника быстро развивались вместе с четвертой промышленной революцией, которая оказала глубокое влияние на многие страны мира. Кроме того, вспышка COVID-19, начавшаяся в 2019-2020 гг., серьезно затронула все сферы регионального развития [5].

В таком контексте, перед лицом внутренних ограничений и трудностей, каждый российский регион видит свое быстрое и эффективное развитие на построении эффективного руководства, на ситуативном управлении, с высокой решимостью стремясь достичь самых высоких результатов в поставленных задачах.

Как нам представляется, с учетом лучшей мировой практики, в основу будущих региональных изменений необходимо заложить следующие принципы:

- контроль эффективности любых нововведений, проектов (управления, строительства и др.) на этапе реализации;
- особый контроль, в отношении проектов с существенным бюджетным участием;
- определение критериев, порядка и выработка принципов оценки региональной системы, которые должны быть закреплены законодательно, а методика использования утверждена в виде рекомендаций (руководства);
- мониторинг элементов региональной системы в реальном времени с помощью цифровизации операций.

Не смотря на санкции, введенные по отношению к России до 2022 г., макроэкономические показатели российских регионов стабилизировались, инфляция контролировалась на низком уровне, был достигнут экономический рост, улучшилось качество роста и основные балансы региональной экономики [6].

Если проанализировать динамику изменения валового регионального продукта, являющегося основным показателем уровня экономического развития региона (рис. 1), то можно отметить, что в последние годы наиболее активно развивались Уральский, Южный, Центральный, Северо-Западный федеральные округа [1].

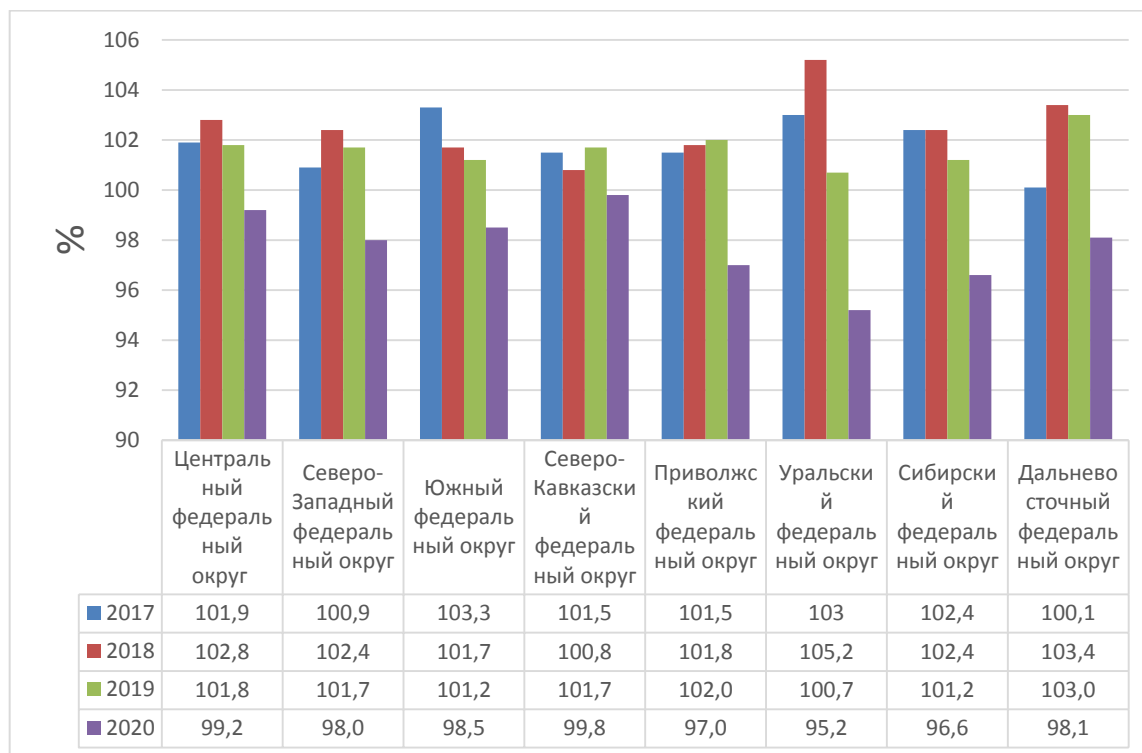

Рисунок 1. – Изменение ВРП по регионам (2017–2020 гг.) [1].

До настоящего времени реструктуризация региональной экономики шла активно. Хотя COVID-19 и стал некоторой помехой, но регионы быстро перестроились в своем развитии, используя инновационные модели и стратегии, и сохранялись принципы устойчивого роста [7]. По данным Банка России [8] в декабре 2021 г. – январе 2022 г. экономическая активность регионов России продолжила расти высокими темпами. В большинстве макрорегионов это происходило за счет как внутреннего, так и внешнего спроса. Компании во многих секторах продолжали инвестировать в расширение производства, используя заемные средства и прибыль, полученную за прошлый год. Многие регионы отмечали уверенный рост потребительских расходов, поддерживаемый как ростом зарплат, так и розничным кредитованием. Влияние штамма «омикрон» на потребительское поведение оказалось минимальным. Вместе с тем, ряд региональных администраций обращали внимание на более выраженное ужесточение денежно-кредитных условий в январе 2022 г. Почти во всех регионах и рост потребительских цен, и ценовые ожидания предприятий в декабре 2021 г. – январе 2022 г. оставались высокими, а в отдельных случаях (в начале 2022 г.) даже возросли. Высокие инфляционные ожидания начали тормозить переход к сберегательной модели поведения. Рост занятости все больше осложняется поиском дополнительных работников требуемой квалификации. Сохраняются ограничения со стороны логистики и поставок комплектующих.

Развитие любого региона можно считать эффективным, если регион может концентрировать и привлекать достаточные объемы инвестиций. Поэтому методологию прогнозирования

инвестиционной составляющей в социально-экономическом развитии регионов считаем краеугольной задачей в устойчивом развитии. Построение прогнозной модели, в таком случае, лучше строить на базе экономико-математического прогнозирования с использованием регрессионной модели временных рядов данных. Представляем модель социально-экономического развития региона, основанную на прогнозной оценке достаточности инвестиций в региональном развитии.

Экономико-математическая модель прогнозирования социально-экономического развития региона. Обоснование инвестиционной модели прогнозирования регионального развития заключается в том, что продолжающиеся процессы динамичной интеграции и технологических вызовов, а также децентрализация государственного управления значительно повысили значение отдельных российских регионов, которые, как следствие, приобрели новые качества. Данные качества можно охарактеризовать следующим образом: 1) статус субъектов, задающих собственное развитие стратегии; 2) усиление конкуренции за лидерство в социально-экономическом развитии, где основой является эффективное привлечение и использование различных видов капитала, в частности, инвестиционного капитала.

Поэтому, конкурентоспособность регионов требует четкого определения государственных приоритетов в инвестиционной политике регионов, а это означает, что развитие регионов путем улучшения инвестиционного климата, определения перспективных секторов экономики, согласования региональных интересов, является наиболее значимой задачей. То есть, регион вплотную связан с государственными интересами, финансовыми институтами и хозяйствующими субъектами в отношении направлений и способов преобразования инвестиционные ресурсы регионального развития.

На наш взгляд, экономический анализ процессов привлечения и оценки инвестиций в социально-экономическое развитие регионов предполагает, что присутствует долгосрочная связь между факторами (переменными), которые влияют на приход инвестиций в регион. В результате можно заключить, что свойства долгосрочных отношений между переменными остаются неизменными и исследуются с помощью регрессионного анализа данных. Благодаря чему, средние значения и отклонения в переменных, которые влияют на объем региональных инвестиций постоянны и не зависят от времени. И мы можем заключить, что можно оценивать эти переменные и их корреляцию. Но, как показывают эмпирические данные, при анализе переменных постоянство средних значений и дисперсии видоизменяется. Поэтому в таких случаях в корреляционном анализе мы будем использовать временные ряды данных.

Определим переменные, которые, на наш взгляд, будут отвечать поставленной задаче: прогнозированию социально-экономического развития региона через влияние переменных на объем инвестиций. Определим зависимую и независимые переменные. Возьмем для сравнения данные по 7-ми федеральным округам за 2017 г. и 2020 г.

1. – Определяющая (зависимая) переменная – *GRP* - Индекс изменения ВРП

Независимые переменные:

1. *IN* – Индекс инфляции
2. *SL* – Индекс динамики спроса
3. *RT* – Индекс изменения курса рубля
4. *PI* – Доля инвестиций в основной капитал к ВРП.

Таблица 1. – Параметры модели¹

Федеральные округа	GRP	IN	SL	RT	PI
2017					

¹ составлено автором на основании данных Федеральной службы государственной статистики РФ. Пояснение Росстата: переменная (RT) показывает, что при увеличении инвестиций на 1 рубль отдача от инвестиций возрастает на X процентов.

ЦО	101,9	54	21	41	15,2
С-ЗО	100,9	52	26	42	21,4
ЮО	103,3	44	17	33	24,7
С-КО	101,5	43	22	22	24,3
ПО	101,5	53	26	47	20,5
УО	103	55	23	43	25,8
СО	102,4	57	21	48	18,9
ДО	100,1	55	20	45	27,5
2020					
ЦО	99,2	64	20	53	19,6
С-ЗО	98,0	63	25	53	20,3
ЮО	98,5	60	19	48	21,4
С-КО	99,8	71	24	32	29,3
ПО	97,0	63	19	58	20,5
УО	95,2	55	17	49	26,3
СО	96,6	65	24	51	21,1
ДО	98,1	58	22	45	27,3

Тогда формула модели прогнозирования социально-экономического развития региона будет выглядеть следующим образом (1):

$$\Delta GRP_t = c + \beta_1 GRP_{t-1} + \beta_2 IN_{t-1} + \beta_3 SL_{t-1} + \beta_4 RT_{t-1} + \beta_5 PI_{t-1} + \sum_{i=1}^p a_{1i} \Delta GRP_{t-i} + \sum_{i=1}^p a_{2i} \Delta SL_{t-i} + \sum_{i=1}^p a_{3i} \Delta RT_{t-i} + \sum_{i=1}^p a_{4i} \Delta PI_{t-i} + \varepsilon_t \dots \alpha_q x_{t-q} + \varepsilon_t.$$

(1)

где:

ΔGRP_t – индекс изменения ВРП за время t ;
 IN – индекс влияние инфляции;
 SL – индекс динамики спроса;
 RT – индекс изменения курса рубля;
 PI – доля инвестиций в основной капитал к ВРП;
 c – константа;
 ε_t – лаг;
 p – оптимальная длина лага;
 t – период.

Проведя расчеты с использование 2-х лагов, получим:

Таблица 2. – Полученные данные на основе МНК¹.

	Коэффициент	Ст. ошибка	t-статистика	P-значение	
IN_2	-0.245329	0.518066	-0.4735	0.6485	

¹ Все тесты подтвердили гомоскедастичность остатков ($p > 0,05$). Остатки имеют нормальное распределение ($p > 0,05$). Использовано наблюдений – 12, длина временного ряда = 6, зависимая переменная: GRP.

SL_2	2.09749	0.826743	2.537	0.0349	**
RT_2	0.646552	0.392808	1.646	0.1384	
PI_2	1.76442	0.755168	2.336	0.0477	**

По данным таблицы 2 следует, что больше всего на социально-экономическое развитие региона влияет изменение уровня инфляции (0,6485) и изменение количества инвестиций (0,1384) в регионе.

Как мы показали, инфляция и инвестиции являются основными факторами снижения социально-экономического положения региона. Отметим также, что промышленные кластеры формируют основу региональной экономики. Различные отрасли концентрируются в определенных городских районах, чтобы получить доступ к специализированным региональным активам – инновациям и предпринимательству, другим предприятиям в торговых секторах, квалифицированной рабочей силе, инфраструктуре и управлению, – которые позволяют им быть продуктивными и получать доход от продажи своих продуктов и услуг. Поэтому для региона приоритетом экономического развития должно быть создание сильных бизнес-экосистем для основных отраслей, повышение производительности компаний и людей, а также содействие торговле – рыночным основам, на которых возникают рост, процветание и инклюзивность.

Исходя из сказанного, в области управления мы предлагаем внедрение 5-ти принципов:

1. Установление значимых сугубо региональных целей: расширение масштабов и показателей экономического развития, отражающих фундаментальное и целостное понимание того, как расширять экономику региона и его возможности.

2. Развитие внутри региона – приоритетное внимание новым компаниям и существующим отраслям региона, увеличение инвестиций в экосистемы инноваций, инфраструктуру и управление, поддержку конкурентоспособных на глобальном уровне предприятий, поддержку малого и среднего бизнеса.

3. Рост экспорта, стимулирование торговли с другими регионами и рынками, углубление региональной отраслевой специализации для новых поступлений в региональный бюджет и инвестиций.

4. Инвестиции в человеческий капитал – развитие регионального образования и науки, формирование навыков работодателей и работников системообразующих производств. В число приоритетов экономического развития региона должно входить повышение значимости человеческого ресурса и развитие его потенциала, уменьшению оттока рабочей силы.

5. Кооперация нескольких географических уровней – экономическое стимулирование создания межрегиональных объединений бизнес-сообществ с региональными рабочими местами, жильем и другими возможностями.

Таким образом, реализация экономико-математической модели прогнозирования социально-экономического развития региона и внедрение предложенных принципов управления, будет способствовать эффективной оценке социально-экономического развития региона, развивать формы сотрудничества с бизнес-структурами региона, расширению связей на межрегиональном уровне и за рубежом и станет основой для разработки и реализации проектов развития любого региона.

Библиографический список

1. Федеральная служба государственной статистики РФ. – URL: <https://rosstat.gov.ru>.
2. Белокрылова О.С., Бородин А.И. Система показателей оценки использования социально-экономического потенциала региона // Вестник СамГЭУ. – 2012. – № 6 (92). – С. 14-17.
3. Бильчак В.С., Бородин А.И. Формирование устойчивого развития предприятия региона: механизмы, методы, управление (эколого-экономический аспект): монография. – Калининград: РГУ им. И. Канта, 2009. – 185 с.

4. Бородин А.И. Прогнозирование социально-экономического потенциала региона // Вестник КИГИ РАН. – 2012. – № 1. – С. 117-122.
5. Машунин И.А. Анализ, моделирование и социально-экономическое развитие региона // Анализ, моделирование, управление, развитие социально-экономических систем (АМУР-2021): XV Всероссийская с международным участием школа-симпозиум: сборник научных трудов. – Симферополь: ИП Корниенко А.А., 2021. – С. 247-254.
6. Мнацаканян А.Г., Саргсян С. Оценка влияния инфраструктуры на социально-экономическое развитие регионов России // Экономический анализ: теория и практика. – 2021. – № 20 (5). – С. 792-809.
7. Хонкелдиева К., Абдусатторова З. Социальная инфраструктура как фактор социально-экономического развития региона // Наука сегодня: фундаментальные и прикладные исследования. – 2020. – pp. 17-18.
8. Российская экономика // Банк России. Февраль 2022 г. – URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/39750/report_03022022.pdf.

ПРИКЛАДНОЙ СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ КАК ТЕХНОЛОГИЯ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА И РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ РЕГИОНА

Ветров Р.В.

*Алтайский филиал РАНХиГС
Россия, г. Барнаул*

*Научный руководитель – Пашкова Е.Ю.
Алтайский филиал РАНХиГС
Россия, г. Барнаул*

Рассматривая стратегию как инструмент социально-экономического развития (далее – СЭР) региона, крайне полезно рассматривать социально-экономическую систему (далее – СЭС) и систему государственного и муниципального управления (далее – ГМУ) в проекции системных характеристик, как в научной статье «Прикладной системный анализ в преодолении кризиса госуправления субъектов РФ», где был сделан следующий вывод: «кризис системной эффективности регионального ГМУ управления, в проекции эффективного социально-экономического развития, может решаться системными практиками прикладного системного анализа. Для этого необходимо управленческую миссию ГМУ рассматривать как степень эффективности управляющего воздействия на состояние системы госуправления и СЭС в регионе» [1].

Первым среди статических свойств системы, согласно Ф.П. Тарасенко, можно выделить «целостность» [2, с. 30], применительно к региону можно определить элементами такой системы территорию, ресурсы, население, хозяйственную инфраструктуру, органы управления территорией, всеми другими элементами и многим другим. В итоге самым целостным и практичным в ГМУ региона выступает СЭС, которая, являясь также и множеством подсистем, обладает свойством открытости – «очень важным для системного анализа следствием открытости систем является очевидность всеобщей взаимосвязи и взаимозависимости в природе... Между любыми двумя системами обязательно существует, и ее можно отыскать, длинная или короткая цепочка систем, связывающая их: выход каждой системы является входом другой. При этом прямая и обратная цепи, как правило, различны, откуда возникает понятие несимметричной причинно-следственной связи» [2, с. 33-34]. СЭС можно отнести к самому сложному виду систем, ввиду высокой турбулентности процессов ее динамического состояния мно-

жества подсистем (социального, материального, стихийного, экономического, геополитического и многих других видов характера). Поэтому точно предсказывать поведение и состояние СЭС на протяженных участках времени крайне сложно, но это делать необходимо для устойчивого и гармоничного развития государства и общества, а в международном масштабе – планетарной человеческой цивилизации, которая уже вписана в одну общую системы жизни на Земле. Таким образом, появляются и реализуются стратегии развития регионов, государств и их союзов в форме стратегий СЭР и других, как например – стратегии национальной безопасности, и экологической.

В ФЗ «О Стратегическом планировании в Российской Федерации» можно выделить Принципы стратегического планирования: «Организация и функционирование системы стратегического планирования основываются на принципах единства и целостности, разграничения полномочий, преемственности и непрерывности, сбалансированности системы стратегического планирования, результативности и эффективности стратегического планирования, ответственности участников стратегического планирования, прозрачности (открытости) стратегического планирования, реалистичности, ресурсной обеспеченности, измеряемости целей, соответствия показателей целям и программно-целевом принципе» [3]. Анализируя указанные выше принципы, можно увидеть множество системных свойств, целенаправленно работая над которыми, можно достичь необходимого системного результата – заданных стратегических показателей СЭС. Подобная работа была описана в статье «Прикладной системный анализ как технология разработки и принятия управленческого решения в системе государственного и муниципального управления» [4], где на примере проектов улучшения делового климата описывается универсальная технология прикладного системного анализа (далее – ПСА), состоящего из 12 этапов реализации улучшающего вмешательства для преобразования системы в заданное состояние.

Принимая во внимание то, что региональный деловой климат охватывает вложенные подсистемы СЭС региона, описанная технология ПСА также может применяться к преобразованиям всей СЭС региона и масштабироваться на государственный уровень для достижения Национальных целей развития РФ [5]. Рассматривая преобразование системы из одного состояния в другое, очевидна роль стратегии СЭР – развитие до желанного состояния системы в заданный период времени, а технология ПСА позволяет диагностировать и преодолевать сложности управления стратегией системой ГМУ, рассматривая ГМУ как систему. Таким образом, ключевым фактором успешного управления стратегией социально-экономического развития регионом (а интегрально и государством), с эффективным достижением сформулированных ключевых показателей, можно считать прикладной системный анализ и как технологию разработки и принятия управленческого решения, и как инструмент диагностики и преодоления системного кризиса государственного и муниципального управления в регионах и государстве.

Библиографический список

1. Ветров Р.В. Прикладной системный анализ в преодолении кризиса госуправления субъектов РФ // Россия в XXI веке: стратегия и тактика социально-экономических, политических и правовых реформ: Материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых. – Барнаул: Азбука, 2021. – С. 506-509.
2. Прикладной системный анализ: учебное пособие / Ф.П. Тарасенко – 2-е изд. – М.: КНОРУС, 2017. – 322 с.
3. О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Доступ из Справ.-прав. системы Консультант Плюс.
4. Ветров Р.В. Прикладной системный анализ как технология разработки и принятия управленческого решения в системе государственного и муниципального управления // Социаль-

но-экономические, организационные, политические и правовые аспекты обеспечения эффективности государственного и муниципального управления: Материалы IV Всероссийской (национальной) научно-практической конференции молодых ученых – Барнаул: Азбука, 2021. – С. 18-22.

5. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 // Доступ из Справ.-прав. системы Консультант Плюс.

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ В ОТРАСЛЯХ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Селютина Л.Г.

*Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I
Россия, г. Санкт-Петербург*

Алексеева Т.П.

*Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики
Россия, г. Санкт-Петербург*

Аннотация. В статье представлены результаты анализа концептуальных подходов различных ученых к развитию цифровых платформ в отраслях региональной экономики. Исследование показало, что при изучении концептуальных основ развития цифровых платформ в промышленности, в т.ч. строительной, важную роль играют цифровые двойники. Подчеркивается необходимость разработки единой интегрированной цифровой платформы для нужд отраслей и секторов экономики с учетом их специфики.

Ключевые слова: цифровые платформы, цифровой двойник, отрасли региональной экономики.

Цифровые технологии могут значительно повысить эффективность управления региональной экономикой и, в частности, производственных процессов. Для обеспечения технологического лидерства России решающее значение имеют робототехнические технологии и информационные технологии. В 2020 г. было продано 229 тыс. роботизированных комплексов промышленного назначения, 70% мировых продаж приходится на 5 стран – Китай, Японию, США, Республику Корея и Германию. В этих странах действует ряд спонсируемых правительством программ, направленных на поддержку и развитие индустрии робототехники. Изучая опыт современного Китая, стоит отметить, что сегодня в стране производится более 34% всей мировой инновационной продукции, а среднегодовые темпы роста расходов на НИОКР достигают 18,3% по сравнению с 1,4% в остальном мире с уровнем доходов выше среднего. Расходы страны на НИОКР составляют 2% ее ВВП, т.е. страна ежегодно инвестирует в этот сектор около 369 млрд долларов. Что касается России, то те же показатели значительно ниже, поскольку она производит не более 1% мировой инновационной продукции, в то время как доля внутренних затрат на исследования и разработки в ВВП достигла 1,1%. Россия с учетом данных за 2020 г. находится на 35-м месте по величине данного показателя. На данный момент Россия по-прежнему относится к аутсайдерам научно-технического развития не только из-за отсутствия работающих механизмов передачи знаний в реальную экономику, но и из-за отсутствия количественной диагностики таких процессов.

Поскольку в цифровой экономике возможно развитие рынков и секторов экономики, в т.ч. промышленности и социальной сферы [1-4] при наличии развитых платформ, технологий,

институциональной и инфраструктурной среды важно изучить природу и типы цифровых платформ. Разработка и производство конкурентоспособных на мировом рынке индивидуальных продуктов нового поколения в кратчайшие сроки сегодня возможны благодаря системам комплексных технологических решений, ключевыми элементами которых являются «умные» математические модели и интеллектуальные цифровые двойники объектов, производимых товаров, продукции, производственных и технологических или производственных процессов [5, с. 193; 6].

Цифровые платформы обеспечивают интегрированную информационную среду благодаря инновационным IT-решениям, внедренным с целью снижения операционных затрат. Задача анализа, оптимизации и реструктуризации отношений между участниками значительно упрощается. Такие платформы позволяют создавать новые продукты и услуги при формировании экосистем. Следует отметить, что этот подход полностью соответствует идеологии Индустрии 4.0, как с точки зрения бизнеса, так и с точки зрения образования и науки.

В научной литературе можно найти большое количество определений цифровых платформ [7, 8], в которых авторы пытаются отразить их природу и структуру. В соответствии с этими подходами все определения цифровой платформы можно разделить на три группы.

Первый подход рассматривает цифровую платформу как совокупность методов (технологий) и инструментов, выступающих концептуальным фундаментом формирования детализированной (функциональной) цифровой коммуникационной системы. Цифровые платформы обеспечивают выполнение функций взаимосвязи между рыночными агентами, что способствует формированию сетевых эффектов, выступающих доминирующей особенностью цифровой платформы, и на их рост оказывает большое влияние число вовлеченных в сеть клиентов, чьи персональные данные вместе с другими сведениями платформы принимают, обрабатывают и пересылают (создавая реальные деньги) посредством компьютерной сети. В то же время платформы нельзя назвать цифровыми как таковыми, поскольку материальные товары/продукты также становятся предметом транзакций.

Второе определение (подход) значительно расширяет сферу информационной платформы, позволяя рассматривать ее как высокотехнологичную бизнес-модель, которая создает ценность за счет облегчения обмена между двумя или более взаимозависимыми группами участников. Объединение участников и их взаимодействие осуществляются в соответствии с промышленным и коммерческим принципом в бизнес-модели через платформу. Платформы создают ценность двумя основными способами. Первый из них связан с созданием и развитием транзакционных платформ, обеспечивающих взаимодействие и установление связей между отдельными лицами и организациями. Транзакционные платформы известны как многосторонние рынки [9]. Наряду с транзакционными платформами существуют инновационные платформы, которые состоят из технологически взаимосвязанных блоков, образующих основу для разработки дополнительных услуг или продуктов инноваторами. Следует отметить, что географически новаторы могут находиться в любой точке мира, одновременно формируя инновационную экосистему вокруг платформы. Например, в iPhone есть сотни тысяч приложений, которые разрабатываются новаторами по всему миру. В тоже время новаторы (разработчики), использующие технологию Apple, разрабатывают приложения на основе программных соединителей (API – интерфейсов прикладного программирования – или наборов разработчиков программного обеспечения), чтобы обеспечить непрерывность цикла инноваций и их роста.

В соответствии с третьим определением (подходом) под цифровой платформой понимается предприятие, которое позволяет создать взаимоприемлемое межфирменное сотрудничество и коммуникационные каналы с клиентами для интеграторов со стороны. Они организуют деятельность хозяйствующего субъекта, создавая доступную цифровую инфра-

структуру для участников отрасли экономики или сферы деятельности и вводя новый регламент сотрудничества.

В подтверждение этого среди показателей успешного выполнения задач, заявленных в Программе «Цифровая экономика Российской Федерации» к 2024 г., указано следующее [10]:

- обеспечение эффективной работы не менее десяти отраслевых цифровых платформ по основным направлениям экономической деятельности;
- создание и эффективное функционирование не менее пятисот малых и средних предприятий, предоставляющих цифровые услуги, использующие цифровые технологии и платформы.

Представленные подходы не противоречат, а дополняют друг друга, их интеграция предоставляет большое количество новых возможностей для сбалансированного и устойчивого развития, и создания платформы цифровой инфраструктуры рынков, включая посредников и распространение инновационных бизнес-моделей.

Ключевую роль в процессе изучения концептуальных основ развития цифровых сетевых платформ в промышленности, в т.ч. строительной играют цифровые двойники [11, 12]. Они являются четвертой тенденцией в технологическом развитии новых технологий, которые проходят несколько циклов. Однако не все технологии достигают стадии широкого применения на рынке. Примечательно, что цифровые двойники, являясь четвертым трендом в развитии ведущих технологий, находятся на пике цикла зрелости. Фактически это означает, что создание цифровых двойников (копий) является основным фактором, обеспечивающим конкурентоспособность предприятия в современных условиях. Цифровая копия представляет собой цифровую модель физического объекта или процесса, системы. В процессе реализации инструмент цифрового двойника предстает объектно-ориентированной программой (моделью), имеющей защиту от вмешательства извне и воспроизводящей объект с оригинальными параметрами.

Для формирования комплексного представления ряда реальных объектов, таких как электростанция или город возможно объединение данных нескольких цифровых двойников. Концепция цифрового представления реального мира организации или системы не нова, поскольку она исходит из компьютерного дизайна представления физических активов или представления профилей отдельных клиентов. Хорошо продуманные цифровые двойники активов могут значительно улучшить процесс принятия решений на отдельном предприятии.

Ожидается, что цифровые платформы будут высокоэффективны в следующих ключевых областях: при государственной поддержке и содействии цифровизации промышленных предприятий, в том числе государственных, субсидируемых предприятий и предприятий, получающих льготное финансирование; при содействии внедрению современных отечественных информационных систем в промышленности в регионах, в т.ч. на специальных условиях в рамках программы поддержки цифровизации промышленности, предложенной Фондом развития промышленности России.

Традиционно используемые ресурсы требуют синхронизации. Лучшие разработки должны быть сохранены, а интегрированная система должна быть скорректирована таким образом, чтобы она могла помогать исследователям в их разработках, функционируя в качестве навигатора. Интегрированная цифровая платформа предоставит набор инструментов и услуг, доступных всем пользователям, к которым следует отнести различные бизнес-структуры, представителей научной профессиональной среды, в т.ч. инновационно-технологические центры, обеспечивающие развитие научно-технической и инновационной деятельности на предприятиях, а также соответствующие государственные организации, содействующие развитию инновационной инфраструктуры. Построение единой цифровой платформы, объединяющей коллективные разработки, ориентировано на осуществление научной работы в дистанционном формате с возможностью участия в ней иностранных специалистов, что сделает возможным формирование виртуальных (возможных при определенных условиях)

групп людей и научно-технических лабораторий, нацеленные на решение командных задач и обеспечивающих разработку и реализацию проектов различных по степени сложности решения технических и организационных вопросов.

Формирование управленческих решений в области реализации услуг единого научного центра коллективного пользования позволит обеспечить потребителей, а также представителей профессионально ориентированных организаций (научных работников и бизнес-субъектов) свободным доступом не только к системам заказов услуг, но и к оцифрованным архивам и структурированным базам данных специализированных организаций, осуществляющих научно-исследовательские разработки, что в итоге способствует повышению уровня и интенсивности информационного обмена между участниками единой информационной среды.

Алгоритмизация работы такой системы заключается в следующем: клиенты загружают в систему заявку на доставку инновационной и технически сложной продукции, затем предприятия, занимающиеся окончательной сборкой разрабатывают рациональную карту взаимодействия, учитывая потребности заказчиков и сведения об имеющихся технологиях и технических средствах, которыми реально располагают поставщики, а также отслеживает готовность услуги (заказа). В ходе анализа и обработки полученной информации формируется статистическая база данных о процессе исполнения заказов и осуществляется ранжирование выбора поставщика, следовательно, участники интегрированного процесса получают возможность оценить размер заказов, при необходимости (с учетом своего потенциала) ограничить его и построить долгосрочные прогнозы и планировать развитие предприятия или продукта на годы вперед. Сетевое взаимодействие рассматривается как эффективная стратегия промышленного развития. Внедрение цифрового проектирования и моделирование интеллектуальных цифровых макетов ориентированы на ускорение процесса трансформации индустриального сектора по направлению к новым технологическим укладам. Реальные преимущества электронных платформ предполагают внедрение приоритетных векторов развития цифровизации производства – цифровых двойников как виртуальной модели любых систем и процессов.

Таким образом, цифровые платформы сохраняют лидерство на рынке благодаря сетевым эффектам, в соответствии с которыми ценность платформы возрастает для новых пользователей по мере роста общего числа пользователей. В современных условиях цифровой трансформации отрасли в России создание интегрированной цифровой платформы рассматривается как важнейший этап на пути к технологическому лидерству.

Библиографический список

1. Информационная инфраструктура. – URL: <https://data-economy.ru/regions>.
2. Песоцкая Е.В. Теоретические и методические основы оценки эффективности функционирования объектов // Наука, образование, культура: Сб. статей. – Комрат: Изд-во КГУ, 2020. – С. 227-232.
3. Голикова Т.А. Управление инвестиционной деятельностью в регионе: учебное пособие. – СПб.: СПбГИЭУ, 2006. – 94 с.
4. Егорова М.А. Финансовый аспект теории эффективного управления // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2009. – № 3. – С. 11-17.
5. Бородунова В.В. Методологические аспекты управления конкурентоспособностью промышленных предприятий в условиях современной экономики // Kant. – 2020. – № 4 (37). – С. 191-195.
6. Песоцкая Е.В. Развитие методологических основ предпринимательской деятельности как эффективного инструмента решения социально-экономических проблем регионов //

Региональная экономика: технологии, экономика, экология и инфраструктура: материалы межд. научно-практ. конф. – Кызыл: ТуВИКОПР СО РАН, 2019. – С. 205-211.

7. Frolova N. Use of modern technology of information modeling in capital construction object life cycle management // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. – 2019. – V. 687. – p. 044002.

8. Селютина Л.Г. Современные информационные технологии с позиции эксплуатации объекта капитального строительства: от информационной модели к FM // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. – 2018. – Т. 4. № 1. – С. 15-23.

9. Методология развития экономики, промышленности и сферы услуг в условиях цифровизации / под ред. А.В. Бабкина. – СПб.: Политех-Пресс, 2018. – 756 с.

10. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». – URL: <https://digital.gov.ru>.

11. Малеева Т.В. Современные аспекты формирования инвестиционного предложения в области модернизации и реконструкции жилищного фонда // Научное обозрение. – 2016. – № 18. – С. 80-83.

12. Васильев А.Н. Совершенствование организации управления инвестиционными процессами инновационной деятельности предприятий строительного комплекса // Управление инвестициями и инновациями. – 2007. – № 1 (1). – С. 46-55.

ПАРЛАМЕНТАРИЗМ КАК ПРАВОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ, СПОСОБНАЯ ПОВЫСИТЬ ЭФФЕКТИВНОСТЬ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ И СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

Коновалова Л.Г.

*Алтайский филиал РАНХиГС
Россия, г. Барнаул*

Аннотация. В статье отмечаются такие проблемы правового регулирования устойчивого развития и стратегического планирования в современной России, как множественность документов планирования, их несогласованность между собой, не всегда продуманное содержание программных документов и отсутствие эффективного контроля за их реализацией, неэффективность реализации задач устойчивого развития и стратегического планирования в законотворческом процессе. Для решения обозначенных проблем предлагается использовать юридическую конструкцию парламентаризма, которая может способствовать расширению спектра дискуссионности и повышению парламентского и общественного контроля в процессе постановки целей программных документов и их реализации.

Ключевые слова: устойчивое управление, стратегическое планирование, программный документ, парламентаризм.

Основополагающие принципы регулирования устойчивого развития установлены прежде всего на международном уровне. Они были сформулированы на Конференции ООН по окружающей среде и развитию в 1992 г. в Рио-де-Жанейро (Бразилия), отражены в принятой Декларации по окружающей среде и развитию, а в дальнейшем обсуждались на последующих международных конференциях ООН в 2012 и 2016 гг. Примечательно, что Декларация не содержит определения устойчивого развития, но исходя из цели установления нового, справедливого глобального партнерства путем создания новых уровней сотрудничества между государствами, ключевыми секторами общества и людьми, устанавливает настолько широкие принципы устойчивого развития, что позволяет воспринимать его не только в контексте соб-

ственно охраны окружающей среды. Декларация устанавливает необходимость искоренения бедности, ликвидации нежизнеспособных моделей производства и потребления, углубления научного понимания, создания открытой международной экономической системы, поддержания самобытной культуры традиционного населения, недопущения войны и т.д. [1]

Для реализации идеи устойчивого развития в Российской Федерации был издан Указ Президента РФ от 1 апреля 1996 г. № 440 «О Концепции перехода РФ к устойчивому развитию», который устанавливает, что основными направлениями перехода России к устойчивому развитию являются: создание правовой основы перехода к устойчивому развитию, включая совершенствование действующего законодательства, определяющего, в частности, экономические механизмы регулирования природопользования и охраны окружающей среды; разработка системы стимулирования хозяйственной деятельности и установление пределов ответственности за ее экологические результаты; оценка хозяйственной емкости локальных и региональных экосистем страны, определение допустимого на них антропогенного воздействия; формирование эффективной системы пропаганды идей устойчивого развития и создание соответствующей системы воспитания и обучения [2].

Основным юридическим инструментарием достижения задач устойчивого социально-экономического развития согласно Федеральному закону от 28 июня 2014 г. (ред. от 31 июля 2020 г.) «О стратегическом планировании в РФ» является стратегическое планирование, осуществляемое на всех уровнях публичной власти и выражающееся в принятии программных документов [3]. Подобное программное регулирование согласуется с задачей осмысленного целеполагания при принятии государственно-властных решений и свойственно многим современным странам. Стратегическое планирование призвано придавать аналитичность, адекватность и эффективность процессам государственного управления. При этом преимущественно инструментарии планирования изучаются представителями экономической, технической, естественной науки, хотя очевидно, что сфера государственного планирования затрагивает различные области знаний – философию, психологию, культурологию, политологию и др.

С позиции юриспруденции стратегическое планирование, в первую очередь, обращает на себя внимание значительным числом подзаконного регулирования. В этом плане наблюдается примечательная тенденция усиления влияния подзаконного нормотворчества на закон. Так, программные документы, утверждаемые Президентом РФ, органами исполнительной власти РФ и субъектов РФ ставят определенные задачи развития различных отраслей жизнедеятельности общества и государства, решение которых предполагает изменение законодательной базы. После принятия соответствующей программы органы исполнительной власти, пользуясь правом законодательной инициативы, добиваются внесения изменений в действующие законы или даже принятия новых законов. Например, принятие концепций в сфере миграции повлекло за собой внесение многочисленных изменений в законодательство о правовом положении иностранных граждан, изменивших миграционный учет, порядок въезда в РФ отдельных категорий иностранных граждан, установивших особый статус высококвалифицированных специалистов, упростивших некоторые процедуры получения гражданства РФ [4]. Или после принятия программ в сфере проведения административной реформы [5] появилось законодательство о государственных услугах, электронной подписи, саморегулировании и др.

То есть складывается несколько парадоксальная ситуация, когда подзаконный акт задает вектор развития закона, что заставляет задуматься о приемлемости традиционного принципа верховенства закона в современном государстве и о роли парламента по отношению к органам исполнительной власти. Думается, такая ситуация с позиций принципа верховенства права в целом может рассматриваться как допустимая, поскольку инициатива органов исполнительной власти подлежит обсуждению в рамках законотворческого процесса и справедливо может считаться выражающей волю народа, в то время как сами программы должны

восприниматься лишь как документы, адресованные органам исполнительной власти. Подобный юридический механизм позволяет реализовывать заложенные в Конституции РФ и действующем законодательстве полномочия Президента РФ и органов исполнительной власти по «определению» и «осуществлению» политики государства, обеспечивать системность и последовательность процессов государственного управления. Однако практика работы с самими программными документами, с их трансформацией в законотворческие процедуры все же нуждается в дополнительном осмыслении и в совершенствовании. В частности, можно обратить внимание на следующие проблемы правового регулирования и правоприменения в сфере стратегического планирования.

Во-первых, чрезмерная множественность документов планирования, их несогласованность между собой. Только по Федеральному закону о стратегическом планировании на федеральном уровне принимаются следующие акты: ежегодное послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ; стратегия социально-экономического развития Российской Федерации; стратегия национальной безопасности РФ, а также основы государственной политики, доктрины и другие документы в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации; стратегия научно-технологического развития РФ; документы в сфере обеспечения национальной безопасности РФ; отраслевые документы стратегического планирования РФ; стратегия пространственного развития РФ; стратегии социально-экономического развития макрорегионов [3]. В развитие этих документов принимаются многочисленные государственные программы и национальные проекты.

По справедливому замечанию А.Г. Добкина, подобный подход на практике приводит к существенной утрате эффективности системы стратегического планирования в целом. Государственный аппарат, функционирующий в режиме реализации конкретных целей и задач, в условиях отсутствия жесткой иерархии таких целей, а также их значительного количества не может обеспечить эффективное распределение имеющихся ресурсов для их достижения, подменяя достижение многочисленных разрозненных «стратегических целей» результатами текущей деятельности [6, с. 74].

Более того, имеющийся комплекс программных документов постоянно дополняется какими-то новыми формами, имеющими спорную правовую природу. Например, в 2020 г. был принят Указ Президента «О национальных целях развития РФ на период до 2030 г.» [7], хотя возможность издания такого документа не предусмотрена Федеральным законом о стратегическом планировании. Юридическая природа национальных проектов нуждается в уточнении. Они принимаются президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам – совещательным органом при Президенте РФ, однако при этом предполагают выделение бюджетных средств и назначение ответственных за их реализацию на уровне членов Правительства РФ и руководителей иных органов власти, что не согласуется нормами бюджетного законодательства и законодательства, регламентирующего статус органов исполнительной власти. До настоящего времени не произошло четкого разграничения «национальных» и «федеральных» проектов, государственных программ, не установлена их юридическая иерархия между собой [8, с. 21].

Во-вторых, не всегда продумано содержание программных документов и отсутствие эффективного контроля за их реализацией. Большинство программных документов содержат такие структурные компоненты, как общая характеристика сферы регулирования, цели и задачи, ответственные органы или должностные лица. При первом прочтении складывается общее впечатление глубокого погружения органа исполнительной власти в подлежащий регулированию вопрос, поскольку чаще всего приводятся какие-то показатели, цифровые характеристики и тенденции развития соответствующей сферы. Однако при более детальном анализе многих программных документов, их сопоставления с научными исследованиями, становится понятным, что зачастую они опираются на спорные показатели развития соответствующей сферы, или те показатели, которые невозможно объективно проверить (например,

«повышение эффективности управления во столько-то раз», «предотвращенный ущерб на такую-то сумму» и т.п.), используют демагогические и не конкретные формулировки, ставят не реализуемые задачи, не содержат методик оценки достижения поставленных целей и последствий их неисполнения. В национальных проектах происходит смешение стратегических задач и текущих задач управления конкретных органов, а контроль за их реализацией осуществляет Правительство РФ как тот же самый орган, что и производит их исполнение. Программы и проекты часто не обновляются в части актуализации информации по участникам, условиям выполнения или по ответственным должностным лицам, несмотря на происходящие по факту изменения в экономике, в кадрах органов власти.

В-третьих, отсутствие эффективной реализации задач устойчивого управления и стратегического планирования в законотворческом процессе, несмотря на их формальное провозглашение. Например, непосредственно в экологической сфере принцип устойчивого развития закреплён в базовых законах (Лесном кодексе РФ [9], в Федеральном законе от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ (ред. 11 июня 2021 г.) «О животном мире» [10]), однако, по мнению исследователей, многим элементам экосистем на территории России именно на легальной основе пользования в последнее время причиняется непоправимый ущерб [11, с. 8; 12]. В иных сферах устойчивое развитие также упоминается в отдельных нормативных актах, но с очевидностью не реализуется. В частности, за неэффективность решаемых задач в юридической литературе обоснованно критикуется законодательство об исполнительном производстве, об образовании, о банкротстве, о распределении полномочий между органами различного уровня публичной власти и др. При этом юристы подмечают, что в последние годы достаточно спорные с точки зрения целесообразности законопроекты принимаются в отсутствие дискуссии в парламентских учреждениях, а пояснительные записки к подобным законопроектам отличаются чрезмерной краткостью, недостаточностью аргументации необходимости принятия законопроекта, что не согласуется с общей идеей стратегического планирования государственного управления. В связи с этим в юридической науке стал активно ставиться вопрос о необходимости оценки эффективности законотворческого процесса в принципе [13, с. 115; 14, с. 22; 15, с. 105; 16, с. 187; 17, с. 3]. То есть в правовой системе складывается такая ситуация, когда в условиях формального провозглашения задач устойчивого развития и стратегического планирования правовой массив принятых законов и подзаконных актов настолько возрос, что его стали именовать «законодательной инфляцией», «законодательным бумом» и т.п., а степень удовлетворенности качеством принимаемых актов со стороны населения снижается.

Указанные проблемы в сфере стратегического планирования заставляют задуматься над задачей повышения качества и продуктивности целеполагания в процессе осуществления государственного управления. С очевидностью в Российской Федерации это можно сделать только в условиях систематизации программных документов и их сопоставления с действующим законодательством, а также при расширении спектра дискуссионности и повышения парламентского и общественного контроля в процессе постановки целей программных документов и их реализации.

Подобная задача актуализирует несколько забытую юридическую конструкцию парламентаризма. В советский период буржуазный парламентаризм достаточно подробно рассматривался с критических позиций. В 90-е годы идея парламентаризма получила поддержку, но позднее уступила место концепции сильного государства, «единой вертикали власти». Вместе с тем, идея парламентаризма призвана способствовать повышению эффективности нормотворческого процесса, и может быть достаточно эффективной для сбалансирования властных рычагов современной России в целях решения задач устойчивого развития и стратегического планирования при осуществлении государственного управления. Достоинство концепции парламентаризма заключается в том, что она не сконцентрирована на парламенте как таковом, а затрагивает взаимоотношения всех ветвей власти, что может способствовать

выработке наиболее эффективных управленческих решений в процессе некой дискуссии между властными центрами.

Тезисно обобщив имеющиеся в юридической литературе представления о парламентаризме можно заключить, что под ним подразумевается такая система государственной власти, которая предполагает: 1) верховенство закона; 2) разделение властей с четко обозначенными и реальными полномочиями парламента; 3) участие парламента в формировании органов исполнительной, судебной и иных ветвей власти; 4) подотчетность исполнительной власти парламента; 5) особый статус депутата со свободным мандатом и ответственностью перед законом; 6) многопартийность, право на политическую оппозицию и обеспечение связи населения с механизмом государства; 7) независимость судебной власти и ее взаимодействие с законодательной и исполнительной властью для обеспечения баланса государственно-правового устройства [8, с. 69; 19, с. 48]. Именно эти признаки характеризуют эффективное исполнение полномочий парламентом, позволяют ему во взаимодействии с иными ветвями власти обеспечить устойчивый внутренне регулируемый механизм стабильного развития государства и адекватность постановки задач государственного управления. Теория парламентаризма, как никакая другая, согласуется с современными представлениями о государстве как о сложной системе, учитывает широкий спектр решаемых государством задач и многовариантность представлений о справедливости, целесообразности, эффективности задач государственного управления у населения отдельно взятой страны. Поэтому совершенствование целеполагания в условиях необходимости обеспечения устойчивого развития и стратегического планирования должно быть связано с отказом от монополизации этой сферы органами исполнительной власти. Следует повысить дискуссионность, парламентский и общественный контроль в сфере постановки задач устойчивого развития и стратегического планирования.

Библиографический список

1. Декларации ООН по окружающей среде и развитию 1992 г. – URL: <https://www.un.org>.
2. Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 15. – Ст. 1572.
3. Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 26 (ч. I). – Ст. 3378.
4. О Концепции государственной миграционной политики РФ на 2019–2025 гг.: Указ Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 45. – Ст. 6917.
5. О Концепции административной реформы в РФ в 2006–2010 гг.: Распоряжение Правительства РФ от 25 октября 2005 г. № 1789-р (ред. от 10 марта 2009 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 46. – Ст. 4720.
6. Добкин А.Г. О системе документов, принимаемых в рамках целеполагания при осуществлении стратегического планирования на федеральном уровне // Административное право и процесс. – 2021. – № 9.
7. О национальных целях развития РФ на период до 2030 г.: Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 30 (ч. I). – Ст. 4884.
8. Вершило Т.А. Реализация национальных проектов: правовые проблемы и пути их решения // Финансовое право. – 2020. – № 8.
9. Лесной кодекс РФ от 4 декабря 2006 г. № 200-ФЗ (ред. от 30 декабря 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 23. – Ст. 1421.
10. Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 12. – Ст. 4512.
11. Юрков А. Осетр на личные нужды // Российская газета. – 2016. – 9 нояб.

12. Сюжет из «Вести недели с Дмитрием Киселевым» от 21 октября 2018 г. – URL: <https://ok.ru/video/1023636277920>.
13. Мазаев В. Деформация российской конституционной экономической модели: оценка и варианты реагирования // Сравнительное конституционное обозрение. – 2017. – № 6 (121).
14. Перевалов В.Д., Хазанов С.Д. О методологических основах оценки эффективности мер противодействия коррупции // Российский юридический журнал. – 2016. – № 2.
15. Белов В.М., Зырянова Е.В., Косов Д.Л. Особенности оценки качества нормативных правовых актов. Использование автоматизированной системы оценки качества нормативных правовых актов // Государство и право. – 2017. – № 10.
16. Осавелюк А.М. Форма правления и государственный режим: проблема эффективности законотворчества // Lex Russica. – 2017. – № 1 (122).
17. Илесанми М.А. Проблема глобального здравоохранения в контексте концепции устойчивого развития // Международное публичное и частное право. – 2018. – № 4.
18. Крамской В.В. К вопросу об определении понятия «парламентаризм» // Конституционное и муниципальное право. – 2010. – № 7.
19. Конституционное право. Энциклопедический словарь / отв. ред. С.А. Авакьян. – М., 2001. – 676 с.

Раздел 2

ОПЫТ РАЗРАБОТКИ И РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

ЦИФРОВАЯ ЭНЕРГЕТИКА И ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ В КИТАЕ

Ши Цзясинь

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Россия, г. Санкт-Петербург

Аннотация. В статье дано толкование терминов «цифровая энергия», «цифровизация», которые определяют уникальное содержание процессов, стоящих за ними. Представлено концептуальное видение развития электроэнергетики, основанное на принципах Интернета энергии, и сценарии развития электроэнергетики Китая на новой платформе цифровых технологий.

Ключевые слова: Цифровая энергетика, цифровой переход, энергетика Китая

«Каменный век закончился не потому, что закончились камни, а потому что появились новые технологии». Это заявление сделал в 2000 г. министр нефти Саудовской Аравии Шейх Ямани [1]. Сегодня начинается третья промышленная революция, представленная новыми источниками энергии. Дополняя слова Аравии Шейх Ямани, можно сказать, что новый энергетический век закончился не потому, что закончилась ископаемая энергия, а потому что появились новые источники энергии и новые технологии.

С точки зрения мегатренда, энергетика развивается в направлении чистой и низкоуглеродистой. В 1900 г. более половины мировой первичной энергии приходилось на уголь, а к 2018 г. эта доля снизилась до 27%. Но в целом, основа индустриализации человечества и зависимость цивилизации от ископаемой энергии не изменились.

Low-carbon transition leads to a fundamental
shift in the global energy system

Shares of primary energy in Rapid

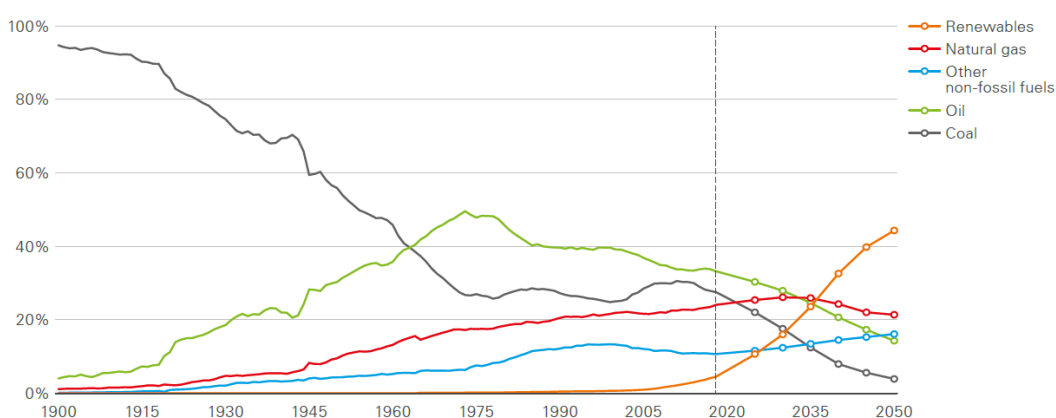

Рисунок 1. – Изменение доли различных видов энергии в первичной энергии с 1900 по 2050 год.[6].

Во втором десятилетии XXI в. энергетическая ситуация претерпела более революционные изменения. В июне 2014 г. Генеральный секретарь Си Цзиньпин на рабочей встрече Цен-

тральной руководящей группы по финансам и экономике выдвинул стратегические требования к энергетической революции, после чего Китай добился определенных успехов в области производства, потребления энергии, институциональных реформ и технологических инноваций. Однако, в сегодняшней ситуации экономической трансформации и модернизации Китая, трансформации энергетической структуры и трансформации модели потребления, энергетическая революция Китая по-прежнему сталкивается со многими проблемами.

Цифровая трансформация использует современную сеть в качестве носителя. Благодаря применению передовых информационных технологий, таких как «облако», «большие вещи», «сеть мобильной разведки» в традиционной энергетике и электроэнергетике ускоряется глубокая интеграция информационных технологий и энергетической отрасли. Трансформация и развитие энергетической отрасли направлены на оцифровку, развитие искусственного интеллекта и создание сетей, что предоставляет новые возможности для всесторонней и полномасштабной модернизации промышленности, инноваций, расширения услуг и экологического строительства традиционной энергетики [2].

Основная концепция оцифровки энергии. В настоящее время оцифровка и искусственный интеллект обновляют каждую отрасль, меняя множество традиционных структур и жизнь людей. В современном обществе поставщики и потребители энергии всегда были разделены по отраслям энергетики. Поставщиками энергии являлись в основном крупные предприятия, которые занимали своеобразное монопольное положение. Хотя различные энергетические технологии постоянно совершенствуются, получение электроэнергии от электросети, получение отопления от тепловой компании и получение природного газа от газовой компании, являются моделью, которая остается неизменной уже более ста лет. Но сегодня ситуация меняется. Также развились продуктивные потребители в области энергетики [3].

Цифровизация – это переход к широкому использованию цифровых управляемых устройств, подключенных к информационным сетям Интернета, в электроэнергетике на всех уровнях энергосистемы, от генераторных устройств и электрических сетей до устройств конечных, в том числе бытовых, потребителей электроэнергии, что позволяет реализовать интеллектуальное управление энергосистемой на основе межмашинного (M2M, IoT) взаимодействия [4].

В терминах «цифровая энергетика», как, впрочем, и «цифровая экономика», основной упор делается на инструментальную основу процессов трансформации экономики, рынков, отраслей, но не на ее суть. Основной задачей цифровой энергетики целесообразно считать снижение растущих издержек интеграции распределенной энергетики и рыночных транзакций [5].

Энергетическая отрасль является первой отраслью, которая выиграла от оцифровки. Десятилетия назад электростанции, нефтяные и газовые месторождения начали внедрять компьютерные и другие информационные технологии для повышения уровня автоматизации и управления. Теперь применяются концепции цифровых электростанций и цифровых нефтяных месторождений, которые значительно повысили производительность труда и сократили использование рабочей силы. В настоящее время все крупные международные нефтяные компании продвигают дальнейшую цифровизацию. С помощью удаленного видеомониторинга и различных датчиков, таких как температура и давление, появляется все больше необслуживаемых участков нефтяных скважин. Например, Shell провела дистанционное бурение в проекте по разведке нефтяного месторождения Вакамурта в Аргентине, опираясь на цифровые средства. Инженеры в Калгари (Канада) удаленно контролируют скорость и давление бурения с помощью обратной связи в режиме реального времени, что повысило технический уровень и значительно снизило стоимость добычи.

Но цифровизация конечного производства – это только начало. С быстрым развитием информационных технологий и значительным снижением затрат, информационные технологии смогут реконструировать энергетическую систему на глубинном уровне. От конечного производства до потребления оцифровка будет системно изменять всю цепочку энергетической промышленности и экологическую систему, так что каждое звено производственной це-

почки будет органично вплетено, позволяя значительно повысить эффективность использования энергии. В этом суть энергетической революции.

В тоже время развитие оцифровки энергии неизбежно потребует широкомасштабного применения искусственного интеллекта. Он является одной из опор для широкомасштабного развития новых энергетических технологий. Одним из самых больших преимуществ искусственного интеллекта является анализ и прогнозирование.

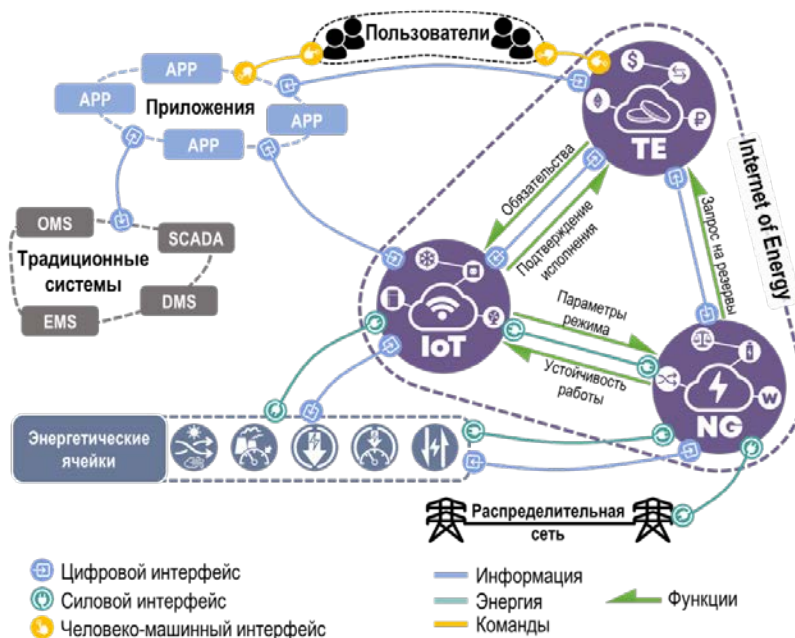

Рисунок 2. – Схема взаимосвязи данных энергетики и структуры спроса и предложения электроэнергии

Цифровизация изменила всю структуру спроса и предложения энергии, нарушив границы между спросом и предложением, чтобы поддержать большее число просьюмеров энергии. Поток энергии, как и информации, из одностороннего трансформируется в двусторонний.

Концептуальная модель Интернета энергии. Концептуальная модель Интернета энергии опирается на представление об «энергетическом облаке» (рис. 3), введенном аналитиками компании Navigant Research [8].

Рисунок 3. – Концептуальная модель Интернета энергии как «облачной энергетики» (Energy Cloud). Источник: Navigant Research.

Согласно этому представлению, Интернет энергии является экосистемой технически и экономически взаимосвязанных пользователей. Пользователями Интернета энергии могут быть владельцы любого электроэнергетического оборудования (промышленного, коммерческого, бытового), которое может генерировать, накапливать и потреблять электроэнергию, а также субъекты, оказывающие владельцам электроэнергетического оборудования различные услуги. Пулы оборудования, имеющего общую точку присоединения к электрическим сетям и информационным каналам, обеспечивающим связь с Интернетом энергии, образуют его структурную единицу – энергетическую ячейку, которая вне зависимости от состава и сложности своей внутренней структуры взаимодействует с другими энергетическими ячейками, как единое целое.

Сценарии применения в цифровом переходе энергетики. В настоящее время страны по всему миру в энергетической отрасли совершают цифровой переход, чтобы попытаться занять лидирующие позиции в этой технологической революции и добиться определенных результатов. Цифровой переход в энергетической отрасли – это не простое нагромождение информационных технологий, он должен быть сосредоточен на основных функциях и ориентирован на практическую эффективность и решение проблем.

В Китае «оптимизация структуры спроса и предложения в пиковый период», «чистое потребление энергии», «экология энергетических данных» и «интегрированные энергетические услуги» на сегодняшний день являются ключевыми вопросами в развитии энергетики и электросетей.

Далее представим 4 вероятных сценария, которые могут быть реализованы в перспективе следующих 30-50 лет для решения вопросов эффективного энергообеспечения в парадигме Интернета распределенной энергетической архитектуры.

1. Сценарий «Пиковая нагрузка». Обеспечение баланса спроса и предложения является одной из важных задач энергетики и электросетей. С одной стороны, с развитием экономики явление «пиковой нагрузки», вызванное увеличением спроса на оборудование большой мощности, становится все более и более значительным; с другой стороны, задача «стабильных инвестиций, точных инвестиций» ещё больше повысила научные требования к инвестициям. В процессе продвижения энергетической революции через цифровую революцию мы можем полагаться на анализ огромных объемов данных, использовать преимущества гибкости передачи энергии, сокращения и преобразования различных объектов со стороны спроса и формировать соответствующие решения проблемы «пиковой нагрузки», научной эксплуатации и высококачественного потребления.

2. Сценарий «Потребление возобновляемых источников энергии». С продвижением преобразования энергии «два 50%» (то есть 50% от уровня чистоты первичной энергии и 50% от скорости электрификации терминала) станут важной целью энергетического развития Китая. В процессе цифрового перехода энергетики интеграция промышленного Интернета и энергетической системы обеспечит платформу для глубокого взаимодействия между потоком энергии и информационным потоком со стороны поставщиков и потребителей, а затем будет способствовать изменениям в моделях производства энергии, технических системах и институциональных механизмах, с тем, чтобы обеспечить эффективное потребление и поглощение чистой энергии.

3. Сценарий «Энергетические данные экология». Хотя хранение больших данных, майнинг и другие связанные с ними технологии постепенно развиваются, модель разработки энергетических больших данных все еще находится в относительно децентрализованном и беспорядочном состоянии. Под общим руководством и движущей силой цифрового перехода это способствует здоровому и устойчивому развитию экосистемы больших энергетических данных, усиливая эффект агрегирования, а затем помогая строительству умных городов, способствуя оптимизации и модернизации промышленности и поддерживая революцию в производстве и потреблении энергии.

4. Сценарий «Комплексные энергетические услуги». В нынешней ситуации трансформации энергетики и реформы энергосистемы развитие энергетической отрасли изменилось с «ресурсоориентированного» на «ориентированное на обслуживание», и интегрированный бизнес по энергосервису стал одним из важных направлений развития энергетиче-

ской отрасли. С появлением информационно-коммуникационных технологий, таких как «облако», «большие вещи», «мобильная интеллектуальная сеть» и передовые вычисления, ценность и значение интегрированных энергетических услуг будет продолжать развиваться и расширяться в рамках процесса оцифровки, тем самым оказывая важную поддержку инновациям модели компании и повышению эффективности.

Список сценариев не является окончательным. Он будет меняться вслед за актуализацией определенных социально-экономических проблем, появлением новых технологий и приемлемых практик их использования, трансформацией общественного сознания и культурных норм и ценностей. Важно понимать, что цифровой переход в энергетическом секторе создает для Китая новые возможности не только в плане повышения эффективности существующей энергетической системы, но и в создании качественно новых условий для экономического роста и повышения уровня жизни.

Разрабатываемый архитектурно-технологический подход к организации электроэнергетики IDEA является ответом на актуальные вызовы сегодняшнего дня в Китае и выражает суть цифровой трансформации в энергетике. Архитектура Интернета энергии включает в себя все основные технологические инновации формирующегося техноиндустриального образа жизни и может служить основой для масштабного развития новых и качественно изменяющихся методов производства, транспорта и жизнедеятельности.

Благодарности

Эта статья получила финансовую поддержку от Комитета Китайского национального фонда обучения за рубежом (*China Scholarship Council*).

Библиографический список

1. Холкин Д.В., Чаусов И.С. «Каменный век закончился не потому, что закончились камни» – логика, почему Саудовская Аравия держит цены на нефть низкими. – URL: <https://nashaniva.com/?c=ar&i=169489&lang=ru>.
2. Цзэн Мин, Сюй Яньбинь Цифровая революция и энергетическая революция // Управление предприятиями электроэнергетики Китая. – 2020. – № 10. – С.42-45.
3. Ян Лэй. Будущее энергетики: Оцифровка и финансовые преобразования. – Пекин: Пресса нефтяной промышленности, 2020.
4. Холкин Д.В., Чаусов И.С. Цифровой переход в энергетике России: в поисках смысла // Энергетическая политика. – 2018. – № 5. – С. 7-16.
5. Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты. – М.: Дело, 2001. – 408 с.
6. Bp Energy Outlook 2020. – 2020. – 81 с. – URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/energy-outlook/bp-energy-outlook-2020.pdf>.

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ И МОНИТОРИНГ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НОВОЙ АКВИТАНИИ С ПРИМЕНЕНИЕМ СОВРЕМЕННЫХ СТАТИСТИЧЕСКИХ И СТРАТЕГИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Ельчанинова Е.Р.

*РАНХиГС
Россия, г. Москва*

Аннотация. В данной статье рассмотрен зарубежный опыт использования современных технологий мониторинга социально-экономического развития региона Французской Республики Новая Аквитания с точки зрения занятости населения и характеристик предприятий. Приведены примеры официальных программ действий регионального правительства и его проектов.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, статистика, мониторинг развития, уровень жизни, экономическая политика, социальное предпринимательство и бизнес.

Стратегическое планирование социально-экономической политики – один из ключевых показателей в развитии любой страны. Однако важным уровнем этой деятельности является региональный. Совершенствование эффективности реализации государственных проектов в субъектах, тем не менее, невозможен без анализа показателей социально-экономического благополучия населения, прогнозирования возможных изменений и формулирования выводов о том, какие сферы общества являются наиболее проблемными.

В настоящей работе в качестве примера для рассмотрения технологий стратегического управления, основывающихся на статистике, был взят один из регионов Французской Республики: Новая Аквитания. Регион имеет площадь 84 100 км² и состоит из 12 департаментов. Это самый большой регион Франции. На сегодняшний день население составляет приблизительно 6 млн человек [4]. Новая Аквитания была образована 1 января 2016 г. путем слияния регионов Аквитания, Пуату-Шаранта и Лимузен в рамках проведения территориальной реформы. Среди многочисленных ресурсов и отраслей специализации регион особенно выделяется промышленностью, агробизнесом, экоиндустрией, а также культурным потенциалом. Российские публикации на тему каких-либо проблем, связанных с регионом, немногочисленны. Например, в своей статье В.О. Рожкован [1] рассматривает исключительно историко-культурный и природный потенциал Новой Аквитании.

С ВВП в размере 177 млрд евро по состоянию на 2018 г. Новая Аквитания является третьим регионом во Франции по уровню благосостояния. Вклад региона в национальный ВВП составляет 7%, в то же время ВВП на душу населения и на одно рабочее место ниже, чем в среднем по материковой части Франции [8]. Тем не менее, в 2018 г. уровень жизни половины жителей Новой Аквитании был ниже 21 290 евро в год. Для сравнения, за этот же временной промежуток по всей Франции средняя годовая зарплата составила 27 721 евро [10]. Уровень бедности в половине департаментов Новой Аквитании выше, чем в среднем по региону.

Экономическая привлекательность Новой Аквитании во многом зависит от конкурентоспособности ее промышленного сектора. Для ее оценки необходимо проанализировать уровень занятости и безработицы в регионе. В 2019 г. занятость в Новой Аквитании увеличилась на 1,3% [7]. В конце 2019 г. среди 2,5 млн рабочих мест в Новой Аквитании доля сельского хозяйства была в два раза выше, чем на национальном уровне. Связано это, прежде всего со специализацией региона.

В 2020 г. уровень безработицы составил 7,4%, что на 0,6 пункта меньше, чем в среднем по Франции. Ситуация с безработицей в сравнении с другими регионами не является катастрофической. Постепенно растет уровень трудовой активности [2]. В Новой Аквитании население трудоспособного возраста отличается от национального профиля тем, что пропорционально оно состоит из большего процента пенсионеров и меньшего процента студентов. Для последних, трудоустроиться все еще представляется проблематичным (табл. 1).

Таблица 1. – Трудоспособное население, занятость и безработица по данным переписи.

	2008 г.	2013 г.	2018 г.
Население	3 594 379	3 629 814	3 609 137
Трудоспособное (в %)	71,1	72,9	74,3
Трудоустроенные (в %)	63,6	63,7	64,8
Безработные (в %)	7,5	9,2	9,4
Нетрудоспособное (в %)	28,9	27,1	25,7
Школьники, студенты и неоплачиваемые стажеры (в %)	9,9	9,5	10,0
Пенсионеры или предпенсионеры (в %)	10,4	9,8	7,9
Другое (в %)	8,6	7,7	7,9

Национальный институт статистики и экономических исследований Франции (L'Insee) также провел исследование среди безработных граждан в возрасте от 15 до 64 лет с целью их классификации по уровню образования. В результате выяснилось, что большинство из них (23,9%) не имеют диплома или сертификата о начальном образовании. Далее (19%) располагаются граждане, не окончившие среднюю школу. Наименьший процент безработицы среди лиц, получивших диплом о высшем образовании (от 8,6% до 7,0% в зависимости от ученой степени). Прослеживается логичная закономерность, связывающая уровень образования и карьерные перспективы.

После принятия закона NOTRe (закон о децентрализации, принятый в 2015 г.) регионы Франции обладают почти исключительной компетенцией в плане экономического развития. Чтобы обеспечить основу для своей экономической стратегии, Новая Аквитания разработала план действий: Региональную схему экономического развития, инноваций и интернационализации (SRDEII). SRDEII определяет выбор в отношении помощи бизнесу, поддержки интернационализации, инвестиций в недвижимость и инноваций [9]. План также определяет региональную ориентацию с точки зрения территориальной привлекательности и социально-солидарной экономики. Основными приоритетами в схеме рассматриваемого региона являются инновации, конкурентоспособность, экосистема, солидарность и равенство территорий.

Чтобы поддержать развитие экономики, Региональный совет Новой Аквитании разрабатывает активную политику, основанную на кооперации бизнеса и научно-исследовательских учреждений [5]. Эта синергия позволяет способствовать появлению новых проектов, структурированию передовых секторов, повышению квалификации работников, развитию конкурентоспособности.

Регион намерен поддерживать исследовательские программы, связанные с решением основных социальных проблем. Среди обозначенных присутствуют изменение климата, голубой рост (сохранение и устойчивое рациональное использование водных ресурсов) и здравоохранение. «Фабрика будущего» – основной проект в деятельности регионального правительства. Он представляет собой амбициозный план действий по повышению производительности промышленной структуры региона путем воздействия на:

- средства производства (модернизация и интеграция информационных и коммуникационных технологий),
- производственную организацию (ее качество и гибкость),
- профессиональную подготовку кадров и улучшение условий труда (эргономика, безопасность, ответственность персонала и руководства).

Результаты этого проекта можно наблюдать в официальной статистике вышеупомянутого Insee [3]. По сравнению с прошлым десятилетием, наблюдается более активный рост количества предприятий в регионе (рис. 1).

Рисунок 1. – Эволюция создания предприятий в Новой Аквитании

Инновации – это, прежде всего, поиск новых способов использования продуктов и услуг, которые станут частью повседневной жизни среднестатистических граждан. Региональное агентство по развитию и инновациям (ADI) Новой Аквитании [6], основываясь на технологическом прогрессе, играет ведущую роль в поддержке процессов создания, внедрения и продвижения инновационных проектов предприятий. Для стимулирования производства новых знаний в виде постоянных рабочих мест в регионе создана благоприятная экосистема для появления стартапов: технопарки, бизнес-инкубаторы, региональные инвестиционные фонды и др.

Агентство поддерживает региональное внедрение социальных инноваций посредством информационных мероприятий, группового тематического и территориального сопровождения. Также команда ADI разработала новый сервис в регионе: «Fundmeup», представляющий собой цифровую платформу для сотрудничества инвесторов и предпринимателей в Новой Аквитании.

Власти Новой Аквитании являются спонсорами портала, посвященного бизнесу региона: entreprises.nouvelle-aquitaine.fr. Данный электронный ресурс уделяет большое внимание политике региона с точки зрения экономического развития, а также предлагает определенные услуги и практическую информацию по различным направлениям бизнеса. Сайт предназначен для делового мира Новой Аквитании в самом широком смысле: для представителей малого и среднего бизнеса, крупных компаний, граждан, находящихся в поиске работы, а также исследовательских лабораторий и университетов.

Таким образом, Новая Аквитания – достаточно привлекательный в экономическом плане регион, который по данным официальной статистики демонстрирует впечатляющие результаты. Тем не менее, на сегодняшний день остается нерешенным ряд проблем, связанных с трудоустройством отдельных слоев населения и развитием бизнеса. По этой причине региональные власти активно занимаются разработкой стратегий и проектов, направленных на поддержку инновационных идей, и развертывают широкую рекламную кампанию предлагаемых ими возможностей. Новая Аквитания постепенно преодолевает кризис от последствий пандемии и борется с неравенством между департаментами, входящими в ее состав.

Библиографический список

1. Рожкован В.О. Историко-культурный и природный потенциал французского региона новая Аквитания // Научная конференция студентов и аспирантов: Сборник работ 74-й научной конференции студентов и аспирантов Белорусского государственного университета: в 3-х ч.. – Минск: БГУ, 2017. – С. 386-389.
2. Dossier complet Région de la Nouvelle-Aquitaine – Population active, emploi et chômage au sens du recensement // Institut national de la statistique et des études économiques. – URL: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/2011101?geo=REG-75#chiffre-cle-5>.
3. Dossier complet Région de la Nouvelle-Aquitaine – Création d'entreprises et d'établissements en 2021 // Institut national de la statistique et des études économiques. – URL: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/2011101?geo=REG-75#chiffre-cle-11>.
4. La Nouvelle-Aquitaine, plus grande région de France // La Région Nouvelle Aquitaine. – URL: <https://www.nouvelle-aquitaine.fr/le-territoire/la-plus-grande-region-de-france>.
5. La Région pilier de l'économie et de l'emploi régional // La Région Nouvelle Aquitaine. – URL: <https://www.nouvelle-aquitaine.fr/les-actions/economie-et-emploi>.
6. L'Agence de développement et d'innovation Nouvelle-Aquitaine // L'ADI. – URL: <https://www.adi-na.fr>.
7. L'essentiel sur la Nouvelle-Aquitaine – Marché du travail // Institut national de la statistique et des études économiques. – URL: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/4482442#titre-bloc-26>.
8. L'essentiel sur la Nouvelle-Aquitaine – Démographie // Institut national de la statistique et des études économiques. – URL: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/4482442#titre-bloc-1>.

9. Que fait la Région pour les entreprises? // Entreprises en Nouvelle-Aquitaine. – URL: <https://entreprises.nouvelle-aquitaine.fr/que-fait-la-region-pour-les-entreprises>.

10. Salaire moyen en France 2021: net, brut, par sexe, par CSP // Le Journal du Net (JDN). – URL: <https://www.journaldunet.fr/patrimoine/guide-des-finances-personnelles/1166094-salaire-moyen>.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Гарибова Ф.М.

*Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
Россия, г. Москва*

Аннотация. Социально-экономическое развитие любой страны в значительной мере зависит от правильно выбранных целей и приоритетов. В мировой истории много примеров, когда выбор правильных направлений приводил к успешному и устойчивому развитию стран, как крупных, так и небольших. Однако, необходимо отметить, что есть и обратные примеры. В данной статье рассматривается социально-экономическое развитие Республики Таджикистан. На основании анализа содержания Национальной стратегии развития Республики Таджикистан до 2030 г., обозначены основные сценарии развития экономики страны.

Ключевые слова: стратегия социально-экономического развития, Таджикистан.

Таджикистан остается экономически наименее развитой страной постсоветского пространства. Валовый внутренний продукт республики в 2019 г. составил более 7,9 млрд долл. США, а на душу населения – около 840 долл. США. Темпы роста ВВП Таджикистана с 1997 г. были достаточно устойчивыми, а последние пять лет находились на стабильно высоком уровне, с показателем в 7,5% в 2019 г. республика оказалась в топ-3 среди стран СНГ по росту ВВП наряду с Арменией (7,6%) и Туркменистаном (6,3%). Вместе с тем, необходимо отметить высокую степень зависимости экономики Таджикистана от денежных переводов таджикских трудовых мигрантов.

В 2019 г., согласно данным Национального банка Таджикистана, трудовые мигранты перевели в республику из России свыше 2,7 млрд долл. США. Значительная зависимость от зарубежных денежных переводов повышает степень уязвимости экономики и социальной стабильности Таджикистана перед колебаниями в экономике ключевых стран – дестинаций таджикских мигрантов. В первую очередь, речь идет о России, где работает основная масса таджикских трудовых мигрантов. В связи с пандемией COVID-19 многие трудовые мигранты из Таджикистана в России лишились источников дохода. Произошел ожидаемый спад денежных перечислений в Таджикистан, который за первый квартал 2020 г. составил 22,3%. За последние четыре года в Таджикистане наблюдается тенденция подорожания основных продуктов питания, а пандемия коронавируса усилила этот тренд. В таких условиях обостряются социальные проблемы, возникает риск роста уровня бедности, в борьбе с которой Таджикистан последние годы добивался хороших результатов.

Проблема бедности является одной из острых социально-экономических проблем Таджикистана, определяющая ограниченность доступа значительного сегмента населения к ресурсам саморазвития, таких как качественное образование и здравоохранения, возможности благополучной социализации молодого поколения, получения достойной работы и т.д. [1].

Иностранные инвестиции в 2020 г. упали на 47% в годовом исчислении – до 192,7 млн долл. США, но в первой половине 2021 г. продемонстрировали быстрое восстановление темпов роста, увеличившись на 43,7% – до примерно 118 млн долл. США. Три четверти всех иностранных инвестиций в Таджикистан приходится на Китай. Инвестиции из России сократились

примерно до 7% от общего объема и были вторым по величине источником прямых иностранных инвестиций.

Следует отметить, что существуют организации, которые проводят долгосрочные инвестиции в Таджикистан, стремясь стимулировать приток иностранных инвестиций и укрепить роль частного сектора в стране, при этом создавая необходимую инфраструктуру, среди которых значительный вклад в экономику страны внёс Фонд Ага Хана по экономическому развитию (AKFED). Фонд уделяет особое внимание постепенному наращиванию кадрового потенциала страны, включая развитие управленческих, технических, маркетинговых и финансовых навыков. Эти усилия дополняет инициатива Фонда Ага Хана – Программа поддержки развития горных сообществ (MSDSP), которая помогает жителям изолированных горных поселений в реализации небольших инфраструктурных проектов, необходимых для улучшения доступа к рынкам и социальным услугам. В рамках программы также проводятся мероприятия по поддержке местных микро-, малых и средних предприятий, а также по оказанию помощи в создании сельских микрокредитных организаций, предоставляющих финансовые услуги домашним хозяйствам с ограниченными ресурсами для обеспечения займов [2].

Экономическое положение, в котором находится Таджикистан, обусловлено как объективными, так и субъективными факторами. К первым относятся природно-климатические (высокогорная местность, недостаточность количества пригодной для сельхоз-обработки земли, уязвимость перед экологическими потрясениями/стихийными бедствиями), географические (отсутствие выхода к морским путям, природно-географическая фрагментация страны на регионы), демографические (стабильно высокий рост населения – в среднем на 2%) факторы.

Как отмечалось, внешняя трудовая миграция является одной из опор экономики Таджикистана. Денежные переводы мигрантов во многом сохраняют социальный мир и стабильность в республике. Однако из-за коронавирусной пандемии и сложности в российской экономике положение таджикских мигрантов в России сильно ухудшилось, что в любом случае скажется на ситуации в Таджикистане.

Во-первых, несмотря на положительный социально-экономический эффект, денежные переводы не могут стать значительным фактором экономического роста страны. На примере Таджикистана денежные переводы, конечно, позволяют семьям мигрантов увеличивать потребление, расходы на которого являются движущей силой краткосрочного экономического роста. Такая зависимость не может стать двигателем экономики, а лишь выступает в качестве амортизатора социально-экономических колебаний.

Во-вторых, растущая трудовая миграция в контексте Таджикистана приводит к социальным издержкам в плане распада семей. Серьёзным испытанием для института брака миграция становится в связи с меняющимися условиями, в которых оказываются мигранты [3].

Следует отметить, что основную часть трудовых мигрантов из Таджикистана составляет экономически активное население в возрасте 18-35 лет. В среднем, около 40% молодого трудоспособного населения ежегодно мигрирует в поисках заработка в РФ и другие страны. В этом контексте актуальным становится и проблема «утечка мозгов», поскольку уезжают часто местные профессионалы – врачи, преподаватели, инженеры, агрономы и др. Хотя некоторые эксперты считают этот тренд естественным, для Таджикистана, с его ограниченным интеллектуальным потенциалом, отток квалифицированных специалистов чреват социально-экономическими вызовами. При сохранении текущей модели роста Таджикистану, как экспортеру трудовых ресурсов, вряд ли удастся в ближайшие годы выйти на путь устойчивого развития. Отток квалифицированной рабочей силы будет оказывать негативное влияние на внутренний рынок, что будет сдерживать развитие наукоемких и трудоемких отраслей экономики.

Для решения проблем, стоящих перед страной, в Таджикистане активно используются программно-целевые методы управления. За последние годы в стране был разработан целый

комплекс концепций, стратегий и программ, затрагивающих различные аспекты социального, экологического и экономического развития республики, охватывающих все ключевые сферы жизни страны.

Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 г. (далее – НСР-2030) разработана на основе положений Конституции Республики Таджикистан, Закона Республики Таджикистан «О государственных прогнозах, концепциях, стратегиях и программах социально-экономического развития Республики Таджикистан» [4].

НСР-2030 является логическим продолжением аналогичного документа, действовавшего до 2015 г., в рамках которого были достигнуты определенные успехи в социальном секторе, однако наиболее фундаментальные проблемы (реформы в промышленности, в сельскохозяйственной отрасли, в транспортно-коммуникационном секторе и в энергетике) оказались нерешенными. Новая стратегия, которая будет реализована в процессе трех среднесрочных этапов (2016-2020 гг., 2021-2025 гг., 2026-2030 гг.), высшей целью долгосрочного развития Таджикистана называет повышение уровня жизни населения страны на основе обеспечения устойчивого экономического развития, для достижения которого определены 4 стратегические цели:

- Обеспечение энергетической безопасности и эффективное использование электроэнергии.
- Выход из коммуникационного тупика и превращение страны в транзитную страну.
- Обеспечение продовольственной безопасности и доступа населения к качественному питанию.
- Расширение продуктивной занятости.

Положительной стороной стратегических документов, определяющих развитие Таджикистана, является то, что они опираются на рекомендации ООН, которые вытекают из программы всемирного сотрудничества в интересах устойчивого развития [5].

Национальные консультации по повестке ЦУР позволили выявить основные приоритеты развития страны после 2015 г., на реализацию которых направлены экономическая идеология, базовые принципы и комплекс мер, указанных в НСР-2030. К ним относятся:

1. Образование.
2. Здравоохранение.
3. Занятость.
4. Неравенство.
5. Борьба с коррупцией.
6. Обеспечение продовольственной безопасности и питание.
7. Эффективное управление.
8. Социальная защита населения.
9. Превенция (предотвращение) потенциальных конфликтов.
10. Энергетическая безопасность, экология и управление демографическими процессами.

НСР-2030 предполагает, что для реализации этих приоритетов важную роль должны сыграть институты координации и ответственности органов государственного управления, бизнеса и гражданского общества. Деятельность этих институтов будет основана на национальной системе оценки и прогнозирования будущего развития, краткосрочных и долгосрочных задач и соответственно, планов по их выполнению [6].

Национальная стратегия развития Республики Таджикистан до 2030 г. рассматривает в качестве возможных – три основных сценария развития экономики страны: инерционный, индустриальный и индустриально-инновационный. Инерционный сценарий исходит из предположения, что сохранится аграрно-индустриальная модель развития. Важнейшие инфраструктурные проблемы при этом будут решаться постепенно. Не изменится значительная зависимость от внешних шоков и импорта. Экономический рост будет стимулироваться потребительским и инвестиционным спросом, имеющим внешние источники финансирования, в

том числе и денежные переводы мигрантов. До конца программного периода доля аграрного сектора будет преобладать над промышленностью в ВВП, но разница между ними будет сокращаться. Сценарий предусматривает снижение вклада сферы услуг в ВВП при незначительном увеличении доли строительства. Произойдет стабилизация расходов на образование и науку (5-5,5% ВВП), на здравоохранение и социальную защиту (7,5% ВВП).

В рамках реализации индустриально-инновационного сценария предполагается создание основ для инновационного развития. Это требует реформирования системы образования в деле подготовки квалифицированных кадров для отраслей экономики. Должны быть сформированы инновационные подходы к решению экономических и социальных проблем, усилена институциональная база развития. Факторами экономического роста станут эффективное использование человеческого капитала, возможностей новой транзитной инфраструктуры и экономических коридоров, экспортоориентированное и импортозамещающее развитие, наращивание экспорта услуг и продуктов с высокой добавленной стоимостью, развитие органического земледелия, возобновляемых и экологически чистых источников энергии как базиса «зелёной экономики», расширение механизма интегрированного управления водными ресурсами, а также всемерное развитие туризма.

НСР-2030 допускает последовательный переход от одного сценария развития к другому, рассматривая в качестве наиболее вероятного второй сценарий. Условия для реализации третьего сценария могут возникнуть, если максимально будут сконцентрированы усилия всех участников экономического процесса, повышена эффективность органов государственного управления, изменена роль бизнеса и гражданского общества в претворении в жизнь Стратегии [7].

Экономика Таджикистана быстро восстанавливается после пандемии COVID-19. По официальным оценкам, реальный ВВП вырос на 8,7% в годовом исчислении в первой половине 2021 г. после замедления роста до 4,5% в 2020 г. Таджикистан добился более высоких темпов экономического роста за счет увеличения экспорта драгоценных металлов и значительного увеличения внутреннего спроса. Кроме того, постепенное открытие авиасообщения с Россией стимулировало приток денежных переводов мигрантов и способствовало восстановлению потребления домашних хозяйств.

Анализ текущего социально-экономического положения Таджикистана позволяет сформулировать следующие выводы. Несмотря на достаточно стабильный рост ВВП с начала 2000-х гг., экономика Таджикистана остается уязвимой перед внешними шоками. Денежные переводы таджикских трудовых мигрантов продолжают оставаться одним из ключевых источников дохода страны и сохранения социальной стабильности. Пандемия коронавируса стала серьезным испытанием для экономики республики, бюджет которой столкнулся со значительным дефицитом. В таких условиях привлечение внешних заимствований станет одной из ключевых опций, что в ближайшие годы будет накладывать существенные ограничения на реализацию социальной политики, приведет к усилению вызовов для экономического суверенитета страны. Более того, экономический спад в России и других партнеров Таджикистана, отрицательно скажется на краткосрочных перспективах экономического развития республики.

Таджикистан для решения насущных социально-экономических проблем активно использует программно-целевые методы управления. Стратегическим документом национального развития Таджикистана является НСР-2030. Однако разработчики стратегии поставили перед ней труднореализуемые задачи: не были просчитаны все риски, определенными оказались не все механизмы реализации мероприятий, а самое главное – не обоснованы причины составления огромного бюджета, не просчитаны риски (не) привлечения такого объема средств (118 млрд долл. США). В итоге, на данный момент при реализации задач как экономического, так и социального блока НСР-2030 возникают большие трудности.

Миграционная проблема, с учетом актуальных тенденций, представляет для Таджикистана вызовы как долгосрочного, так и краткосрочного характера. К первому относится высокая зависимость страны от денежных переводов, которые остаются преимущественно социальным стабилизатором, но не становятся двигателем экономического роста. Из краткосрочных вызовов в ближайшие 2-3 года актуальными будут рост оттока квалифицированных кадров из страны, вопросы распространения религиозного экстремизма среди мигрантов и решение вопросов, связанных с растущим числом возвращающихся на родину мигрантов.

Библиографический список

1. Доклад об экономике Таджикистана – лето 2021 // Всемирный банк. – URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/country/tajikistan/publication/economic-update-summer-2021>.
2. Официальный сайт Aga Khan Development Network. – URL: <https://www.akdn.org>.
3. Чами Р., Эрнст Э., Фулленкамп К., Ёкинг Э. Существует ли ловушка денежных переводов? // Финансы и развитие. – 2018. – С.44-47.
4. О государственных прогнозах, концепциях, стратегиях и программах социально-экономического развития Республики Таджикистан: Закон Республики Таджикистан от 8 декабря 2003 г. № 53 (в ред. Законов Республики Таджикистан от 26.03.2009 № 494, 26.12.2011 № 781) // Законодательство стран СНГ: база данных. – URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=5841.
5. Национальная стратегия развития Таджикистана: будет ли она реализована до 2030 г.? // Официальный сайт Центральноазиатского бюро аналитической журналистики (CABAR). – URL: <http://cabar.asia/ru/natsionalnaya-strategiya-razvitiya-tadzhikistana-budet-li-ona-realizovana-do-2030-goda>.
6. Блинчикова Н.Ю. Национальная стратегия развития Республики Таджикистан: проблемы реализации и перспективы // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2015. – № 2. – С. 83.
7. Сулаймонов Ш.Ф. Проблемы реализации стратегических целей социально-эколого-экономического развития Республики Таджикистан // Проблемы современной экономики. – 2017. – № 1 (61). – С. 165-168.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ ЯКУТИИ ДО 2032 Г.: РОЛЬ НЕФТЕГАЗОВОГО СЕКТОРА¹

Крюков Я.В.

*Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН
Россия, г. Новосибирск*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы долгосрочного развития нефтегазового сектора Республики Саха (Якутия), отраженные в энергетической стратегии региона до 2032 г. с целевым видением до 2050 г. Показана растущая роль углеводородов в энергетическом секторе региона. Сформированы прогнозы добычи нефти и газа по сценариям. Отмечена роль геологоразведочных работ в долгосрочном устойчивом развитии нефтегазового сектора. Даны оценки объемов внутреннего потребления нефти и газа в регионе с учетом имеющихся

¹ Публикация подготовлена в рамках плана НИР ИЭОПП СО РАН, проект 5.6.3.2. (0260-2021-0004) «Ресурсные территории Востока России и Арктической зоны: особенности процессов взаимодействия и обеспечения связанности региональных экономик в условиях современных научно-технологических и социальных вызовов».

сложностей технологического характера. Сделан вывод о большом потенциале замещения привозных энергоресурсов продуктами переработки местных углеводородов.

Ключевые слова: Республика Саха (Якутия), энергетическая стратегия, нефтегазовый сектор, прогноз добычи, нефтепереработка, газопереработка, сжиженный природный газ, сценарий развития.

Республика Саха (Якутия) традиционно считается «алмазной провинцией» России – вклад алмазно-бриллиантового комплекса в бюджет региона по сравнению с другими видами деятельности долгое время был наибольшим. Начиная с 2019 г. стало очевидно, что эта тенденция меняется – месторождения алмазов, которые были открыты в советское время, вырабатывают свой ресурс и истощаются, а темпы прироста запасов не покрывают достигнутых объемов добычи. Алмазодобывающие компании сталкиваются с ухудшением горно-геологических условий и необходимостью освоения более глубоких горизонтов эксплуатируемых месторождений, что требует совершенствования технологий добычи и обогащения. Кроме того, существенное влияние оказывает мировая конъюнктура алмазного рынка и перспективы производства искусственных алмазов ювелирного качества. При условии сохранения текущих ограничений минерально-сырьевой базы выбытие действующих шахт может привести к снижению добычи алмазов (с темпом от 4,5 до 5% в год) [1].

На этом фоне растет роль нефтегазового сектора Якутии. Введенная в действие в 2009 г. трубопроводная система «Восточная Сибирь – Тихий океан» (ВСТО) и близость к ней основных разрабатываемых нефтяных месторождений создают конкурентные преимущества в поставках нефти на рынки АТР. Кроме того, ввод в эксплуатацию в 2019 г. магистрального газопровода «Сила Сибири» позволяет говорить о формировании Якутского центра газодобычи с перспективой организации поставок газа с месторождений Западной Якутии за пределы республики и в страны АТР. Создаются предпосылки для создания газоперерабатывающих производств, газификации южных и западных районов. В 2020 г. доля доходов республики от нефтегазового сектора, впервые превысила долю алмазно-бриллиантового комплекса (38,6% и 33,7% соответственно) [2].

Доля республики в добычи нефти и газа по Дальневосточному федеральному округу (ДВФО) устойчиво растет (рис.1, 2). Центром нефтедобычи ДВФО являются месторождения Якутии, крупнейшее из которых – Талаканское, обеспечивает ее половину.

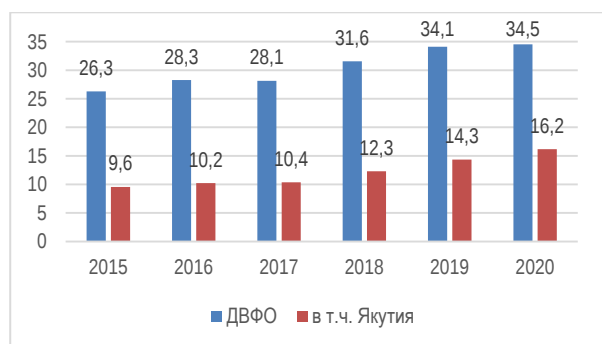

Рисунок 1. – Добыча нефти в ДВФО и в Якутии (млн т)¹

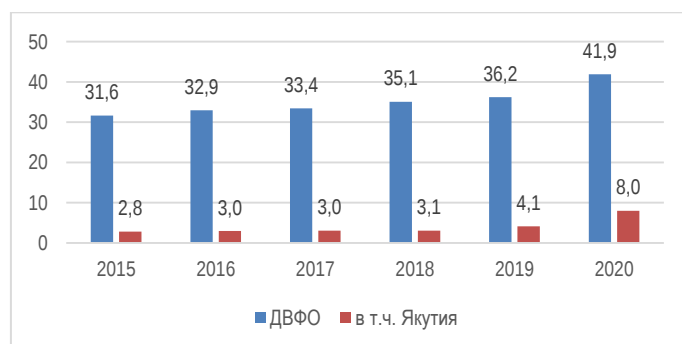

Рисунок 2. – Добыча газа в ДВФО и в Якутии (млрд м³)

В 2020-2021 гг. при участии автора была разработана энергетическая стратегия (далее – Стратегия) республики на период до 2032 г. с учетом прогноза социально-экономического развития до 2032 г. с целевым видением до 2050 г. В документе особое внимание уделено нефтегазовому сектору: разработаны сценарные прогнозы добычи и переработки углеводородов, сформулированы предложения по дальнейшему развитию и обозначены механизмы

¹ По данным ЦДУ ТЭК

реализации основных положений стратегии в условиях растущей роли республики в нефтегазовом секторе ДВФО.

Прогноз развития нефтяного субсектора. Степень разведанности запасов нефти Якутия не превышает 14% [3], что создает потенциал и вероятность открытия новых крупных месторождений. Одновременно это потребует большого объема капитальных вложений в геологоразведочные работы – как со стороны компаний, так и государства, а также проведения активной лицензионной политики и разработки системы стимулирования недропользователей.

В рамках рассмотренных сценариев добыча нефти растет до 2024 г. Начиная с 2025 г. ожидается падение объемов добычи (рис. 3, 4). В рамках каждого из прогнозных сценариев (умеренный и стратегический) объем добычи нефти включает добычу на разрабатываемых месторождениях (введенных в эксплуатацию до 2020 г.) и прирост за счет добычи нефти из участков недр, на которых в результате геологоразведочных работ (ГРП) будет проведен перевод перспективных и прогнозных ресурсов в подтвержденные запасы нефти.

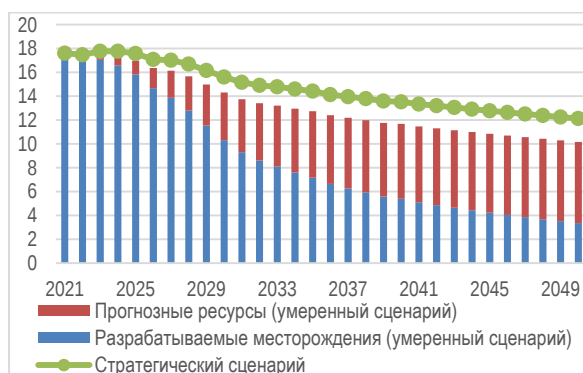

Рисунок 3. – Прогноз добычи нефти в Якутии, умеренный сценарий (млн т)

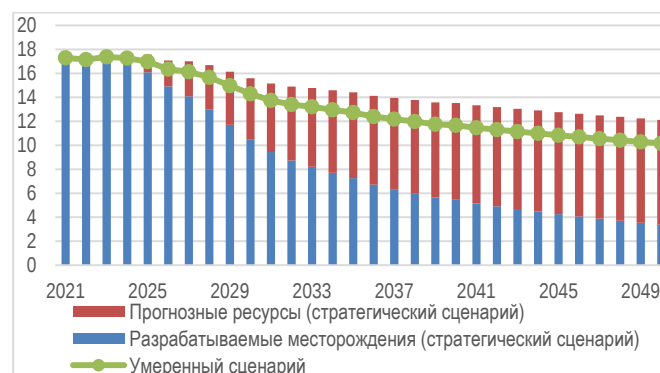

Рисунок 4. – Прогноз добычи нефти в Якутии, стратегический сценарий (млн т)

Прирост запасов определяется исходя из заявленных компаниями перспективных и прогнозных ресурсов месторождений с учетом перевода ресурсов в подтвержденные запасы нефти. Стратегический сценарий предполагает подключение новых месторождений, освоение трудноизвлекаемых ресурсов, а также применение технологий интенсификации добычи. Наиболее активно ГРП должны проводиться:

1. На ранее открытых месторождениях ПАО «Сургутнефтегаз» и ПАО «НК «Роснефть» (перевод ресурсов в запасы высокой степени изученности).

2. на новых перспективных участках – эти меры необходимы для поддержания достигнутых объемов добычи нефти после 2025 г. и исключения возможности резкого падения добычи.

Необходимость интенсификации процесса открытия месторождений обусловлена особенностью инвестиционного цикла в нефтяной отрасли. Акцент должен делаться на вовлечении в разработку месторождений и участков недр, тяготеющих к ВСТО. Для реализации стратегического сценария необходим прирост капитальных вложений в геологоразведочные работы как со стороны компаний, так и государства, а также проведение активной лицензионной политики и разработки системы стимулирования недропользователей.

В рамках энергетической стратегии прогнозируется повышение уровня обеспеченности нефтепродуктами собственного производства к 2025 г. до 50%, к 2032г. до 76%. Достижение этих целевых показателей предполагает рост доли добываемой нефти, потребляемой на территории Якутии – проектирование и строительство новых мощностей по переработке нефти и газового конденсата. В рамках умеренного сценария предполагается рост доли нефти к 2032 г., направляемой на внутреннее потребление, до 8,5%, в рамках стратегического – до 13,8%. Основу прироста внутреннего потребления составит переработка конденсата на Чаяндинском нефтегазоконденсатном месторождении (НГКМ), а также расконсервация либо стро-

ительство новых малых НПЗ в изолированных районах Якутии. В стратегическом сценарии в 2032 г. на переработку будет направлено 1,6 млн т нефти и газового конденсата в связи с вводом в эксплуатацию нефтеперерабатывающего завода (НПЗ) мощностью 1 млн т и переработкой конденсата с Чаяндинского НГКМ. Для достижения этих значений в период 2020-2025 гг. необходимы инвестиции в переработку нефти и конденсата в сумме 32 млрд руб. для умеренного сценария и 56 млрд руб. – для стратегического сценария.

Прогноз развития газового субсектора. До 2019 г. производство газа в Якутии велось локально для нужд объектов инфраструктуры и населения. Сдерживающим фактором являлось отсутствие магистральной газотранспортной инфраструктуры. Запуск магистрального газопровода «Сила Сибири» обеспечил прирост добычи газа. Прогнозные сценарии добычи природного газа во многом определены планами ПАО «Газпром» по наращиванию поставок по газопроводу «Сила Сибири» в Китай, а также динамикой строительства Амурского газоперерабатывающего завода (ГПЗ). Немаловажную роль также играют перспективы разработки менее крупных месторождений, активизация деятельности малых и средних независимых производителей газа (доступ к «Силе Сибири» имеют не более 60% от суммарных запасов газа Якутии, остальные запасы изолированы).

Умеренный сценарий прогноза (рис. 5) исходит из того, что поставки по газопроводу «Сила Сибири» будут наращиваться до достижения проектной мощности (38 млрд м³). Стратегический сценарий (рис. 6) предполагает активный ввод новых добывающих мощностей (как тяготеющих к газопроводу «Сила Сибири», так и изолированных), рост использования газомоторного топлива, реализацию проектов сжижения газа. Для каждого сценария объем добычи оценен с учетом:

- добычи на разрабатываемых месторождениях (введенных в эксплуатацию до 2020 г.);
- прироста за счет добычи газа на новых разведанных месторождениях;
- добычи из участков недр, прогнозируемых к открытию (в результате ГРП ожидается перевод перспективных и прогнозных ресурсов в подтвержденные запасы), эксплуатация которых может быть начата после 2030 г.; различие добычи между умеренным и стратегическим сценарием в основном связано именно с этой частью прироста добычи.

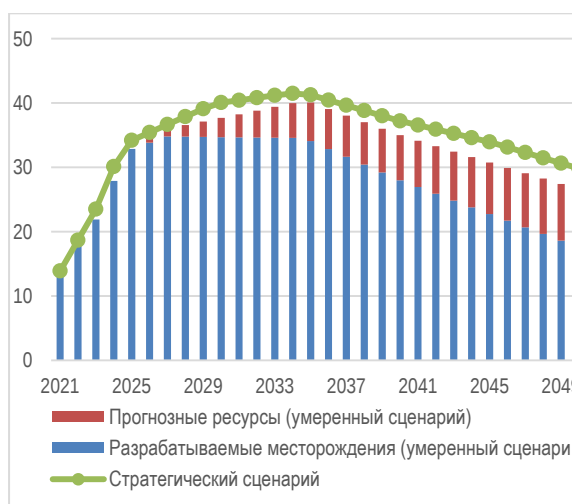

Рисунок 5. – Прогноз добычи газа в Якутии, умеренный сценарий (млрд м³)

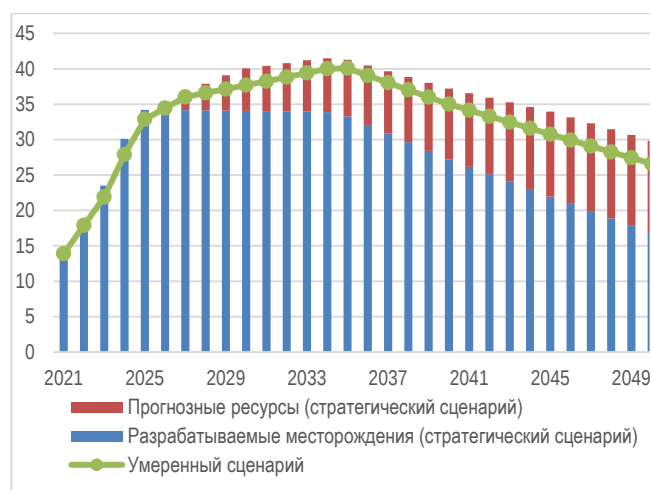

Рисунок 6. – Прогноз добычи газа в Якутии, стратегический сценарий (млрд м³)

Основной вклад в прирост добычи в Якутии в следующем десятилетии составят:

- Чаяндинское месторождение. Выход на пик добычи ожидается в 2027-2032 гг. на уровне 25 млрд м³, в 2025 г. добыча составит 23 млрд м³;

– месторождения ПАО «ЯТЭК» (Средневилуйское месторождение). В 2022-2023 гг. прогнозируется выход добычи по газовым активам ПАО «ЯТЭК» на уровень 2 млрд м³ с сохранением этого объема добычи в рамках периода реализации Стратегии (до 2033-2034 гг.);

– добыча газа прочими недропользователями («Сахатранснефтегаз», «АЛРОСА-Газ», «Ленск-Газ»). В рамках реализации Стратегии предполагается, что добыча газа прочими недропользователями будет находиться на уровне 250 млн м³ в год.

Текущий потенциал разрабатываемых месторождений позволит сохранить устойчивый рост добычи газа до 2032 г. Вместе с тем, для сохранения высоких объемов добычи необходим:

– ввод новых добывающих мощностей (как тяготеющих к газопроводу «Сила Сибири», так и изолированных, с целью к 2032 г. вовлечь в разработку не менее 50% таких запасов).

– проведение ГРП в период с 2020 по 2032 гг. для перевода прогнозных ресурсов в подтвержденные запасы.

– развитие системы газопроводов для поставок газа с месторождений, удаленных от газопровода «Сила Сибири».

Важным вопросом для Якутии является расширение возможностей внутреннего потребления газа. Так, Стратегией предусматривается рост использования сжиженного природного газа (далее – СПГ) в качестве моторного топлива, а также на объектах теплоснабжения. Рост потребления должен быть достигнут за счет ввода установок по производству СПГ (до 260 тыс. т в год), организации малотоннажного производства СПГ (10-20 тыс. т в год) и строительства малотоннажного завода в районе г. Якутска (до 300 тыс. т). Кроме того, планируется создание производства СПГ на базе Якутского газоперерабатывающего завода. Общий объем потенциального потребления СПГ с 2021 по 2030 гг. может превысить 100 тыс. т в год. При этом на котельных будет потребляться 29% этого объема, а в населенных пунктах – 71%.

К числу важнейших мероприятий в рамках реализации Стратегии следует отнести газификацию Республики в рамках соглашения с ПАО «Газпром». Компания планирует построить от магистрального газопровода «Сила Сибири» шесть газопроводов-отводов с газораспределительными станциями, от них будут проложены девять межпоселковых газопроводов общей протяженностью 186 км. В результате реализации программы газификации на 2021-2025 гг. уровень газификации будет увеличен до 40,8%. В том числе в сельской местности этот показатель вырастет в 1,5 раза по сравнению с уровнем 2020 г. – до 37,2%. Для развития переработки газа в Якутии первоочередной мерой является координация деятельности компаний (проектов) в области транспорта нефти и газа. На уровне региональных властей и компаний должно приниматься решение по выбору месторождения – источника сырья для газопереработки в условиях, когда газ с объектов ПАО «Газпром» планируется перерабатывать на Амурском ГПЗ.

Региональной особенностью Республика Саха (Якутия) долгое время являлся преимущественно локальный характер добычи и потребления энергоресурсов, что находило отражение в стратегических документах – приоритетным считался угольный сектор. Регион сравнительно недавно вошел в число нефтегазовых центров востока России: развитие магистрального трубопроводного транспорта в последнее десятилетие позволило вывести на федеральный уровень как добычные возможности, так и вопросы стратегического позиционирования его энергетического комплекса.

Несмотря на рост добычи в последние годы и в целом благоприятный прогноз добычи, критически важным для Якутии является прирост запасов углеводородов. Это позволит снизить темпы падения добычи нефти до конца текущего десятилетия и газа – после 2033 г. Актуальными также представляются вопросы развития нефтепереработки и газопереработки – на территории региона нет перерабатывающих мощностей, которые могли бы существенно снизить потребности в топливе из других регионов. Реализация таких проектов также осложняется технологическими сложностями и высокой капиталоемкостью строительства перерабатывающих мощностей в северных условиях.

«Северная» специфика Якутии вынуждает искать новые пути энергоснабжения изолированных районов – возможности для этого дает, например, сжижение газа на тех месторожде-

ниях, которые не имеют доступа к газотранспортной инфраструктуре. Расширение возможностей использования для нужд региона локальных энергоресурсов, основанное на современных технологических решениях, представляется главным стратегическим вектором развития нефтегазового сектора Якутии на предстоящее десятилетие.

Библиографический список

1. Стратегия социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) до 2032 г. с целевым видением до 2050 г. – URL: <https://storage.strategy24.ru/files/news/201903/2e8897946c221c48384037b8f44efe58.pdf>
2. Доля доходов Якутии в 2020 г. от нефтяной отрасли впервые превысит долю от алмазной // NewsYkt – Новости Якутии: Информационный портал. – 2019. – 21 ноября. – URL: <https://news.ykt.ru/article>.
3. Филимонова И., Моисеев С., Немов В., Проворная И. Нефть и газ Якутии: перспективы и ограничения // Нефтегазовая вертикаль. – URL: <http://www.ngv.ru/upload/iblock/748/7486ecase05e0fd38e96c3b5c3f15a3d.pdf>.

ПРОБЛЕМЫ РАЗРАБОТКИ СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПЕРМСКОГО КРАЯ

Рожков Е.В.

*Уральский государственный экономический университет
Россия, г. Екатеринбург*

Аннотация. Автором статье делается попытка выявить проблемы для региона по созданию долгосрочной стратегии социально-экономического развития. На примере Пермского края приводится пример по имеющемуся примеру разработки стратегии.

Ключевые слова: регион, стратегия, экономика, экономическое развитие.

В Пермском крае объявлен конкурс на выполнение научно-исследовательской работы по теме: «Разработка стратегии социально-экономического развития Пермского края на период до 2035 г. и плана мероприятий по реализации указанной стратегии». Другими словами, можно сказать, что целевое программирование является сердцевиной стратегического управления [1].

Основные социально-экономические характеристики Пермского края:

- площадь территории региона – 160,2 тыс. кв. м.;
- численность населения на 01.01.2020 – 2599,3 тыс. человек;
- наиболее крупные города: Пермь (1055,4 тыс. чел.), Березники (139,2 тыс. чел.), Соликамск (92,6 тыс. чел.), Чайковский (82,4 тыс. чел.), Кунгур (64,9 тыс. чел.) и др. [2].

По мнению Ю.О. Кручиновой для успешной реализации региональной стратегии необходимо проводить соответствующую инвестиционную политику. В основе ее реализации должен лежать механизм взаимодействия органов власти с инвестиционными компаниями, фондами прямых инвестиций, банками, государственными инвестиционными агентствами, российскими и международными институтами развития и т.д. [3].

Разработка и формирование Стратегии социально-экономического развития является важнейшим процессом для региона, который обусловлен нахождением эффективных способов достижения стратегических целей [4]. Применяя экономические и общенаучные методы познания, методы анализа и синтеза, метод ретроспективного анализа [5], нормативно-правовое обеспечение оценки результативности стратегий. В соответствии с Федеральным

законом № 172 «О стратегическом планировании в Российской Федерации», местные органы власти могут разрабатывать местные стратегии [6]. Задача в сфере стратегического управления региона – обеспечение единства государственной политики края, долгосрочных целей и задач [7]. К основным социально-экономическим показателям и характеристикам региона относят несколько составляющих (табл. 1):

Таблица 1. – Социально-экономические показатели Пермского края 2016-2019 года

№ п/п	Показатель	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
1	Численность населения, тыс. чел.	2632,1	2623,1	2610,8	2599,3
2	Естественный прирост (+) / убыль (-) населения, человек	+ 889	- 2946	- 5814	- 7777
3	Миграционный прирост (+) / убыль (-) населения, человек	- 3201	- 6029	- 6508	- 3763
4	Численность безработных, тыс. чел.	76,5	77,5	67,7	62,9
5	Валовый региональный продукт (валовая добавленная стоимость), в текущих основных ценах (млрд руб.)	1096,0	1191,4	1318,5	нет данных

Источник: составлено автором.

В таблице 1 представлены несколько количественных показателей региона с 2016 по 2019 гг., по численности населения. Начиная с 2017 г., происходит снижение населения (естественная убыль) – 2946 чел. по сравнению с 2016 г. (- 0,11%). В 2018 г. происходит снижение численности (естественная убыль) – 5814 чел. по сравнению с 2017 г. (- 0,22%). В 2019 г. происходит снижение (естественная убыль) – 7777 чел. по сравнению с 2018 г. (- 0,29%). Тенденция на последующие годы показывает устойчивое ежегодное снижение.

В долгосрочной перспективе социально-экономической эффективности реализации регуляторной региональной политики должна выражаться в повышении инвестиционной привлекательности, активизации малого и среднего предпринимательства, росте доходной части бюджета и формировании общем устойчивом развитии региона [8].

Под социально-экономическим состоянием региона принято понимать совокупность объективных и субъективных факторов. Объективные факторы – это макроэкономические условия, положение региона в общественном разделении труда, структурным наполнением отраслей и т.д., а субъективные факторы – совокупность критериев, включая методы регионального управления [9]. Кроме того, для повышения показателей социально-экономического развития регионального бюджета, необходимы средства для повышения инвестиционной привлекательности, роста вложений в основной капитал [10].

Сегодня должны быть утверждены не только методы (методики) разработки региональных стратегий, но и соответствующие документы, регламентирующие региональным органам власти порядок их проверки, оценки и возможности применения на практике (формирования «профицитного» бюджета региона и направления финансов на реализацию Стратегии социально-экономического развития). Законодательство требует от региональных органов власти проводить определённую корректировку стратегии социально-экономического развития каждые 6 лет. Действующая на сегодняшний день стратегия Пермского края уже не актуальна. Одно из условий, которое прилагается к будущей стратегии, это долгосрочное планирование, более чем на 10 лет. Разработанная новая стратегия социально-экономического региона должна учитывать возможность появления спадов в экономике страны и постоянно увеличивающуюся социальную ответственность перед людьми, проживающими на его территории.

Библиографический список

1. Елохов А.М., Елохова Т.А. Целевая программа как инструмент реализации стратегии социально-экономического развития Пермского края // ВУЗ. XXI век. – 2015. – № 2. – С. 57-71.
2. Пермский край в цифрах. 2020: Краткий статистический сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю. – Пермь, 2020. – 194 с.
3. Кручинова Ю.О. Перспективы совершенствования стратегического планирования социально-экономического развития в Орловской области // Научный ежегодник Центра анализа и прогнозирования. – 2020. – № 1(4). – С. 95-97.
4. Эльбиева Л.Р., Ильясова К.Х. Этапы разработки и реализации комплексной стратегии социально-экономического развития // Тенденции развития науки и образования. – 2021. – № 74-7. – С. 155-157.
5. Зайцев О.И. Условия реализации стратегии социально-экономического развития города Севастополя до 2030 г. // Хроноэкономика. – 2020. – № 4 (25). – С. 51-56.
6. Ковров Д.Ю. Направления развития методических подходов к оценке результативности муниципальных стратегий // Фундаментальные исследования. – 2020. – № 6. – С. 59-64.
7. Морозов С.И., Асмус О.В., Ананьева О.В., Круглова Э.В. О совершенствовании системы стратегического планирования (на примере Ульяновской области) // Вестник Екатеринбургского института. – 2020. – № 1(49). – С. 4-10.
8. Белов Г.Л., Николаева И.П. Экономическая оценка влияние регуляторной политики на социально-экономическое развитие Чувашской Республики // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2020. – Т. 10, № 12А. – С. 145-151.
9. Ходусов А.А. Проблемы социальной политики в условиях рыночной экономике // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2017. – № 4. – С. 100-102.
10. Горбунова Е.С. Оценка налогового потенциала региона и взаимосвязь налоговых поступлений с социально-экономическим положением региона // Наукосфера. – 2021. – № 2(2). – С. 151-155.

РАЗВИТИЕ БЮДЖЕТООБРАЗУЮЩИХ СТАНДАРТОВ РЕГИОНАЛЬНОГО УРОВНЯ (НА ПРИМЕРЕ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ)

Воробьева А.С.

*Калужский филиал РАНХиГС
Россия, г. Калуга*

*Научный руководитель – Круглов В.Н.
Калужский филиал РАНХиГС
Россия, г. Калуга*

Аннотация. В предлагаемой статье проанализированы показатели налогового потенциала, проводилось комплексное исследование показателей экономического развития Калужской области и оценка его областного и консолидированного бюджетов. В ходе исследования были рассмотрены факторы, влияющие на величину налоговых поступлений и на развитие экономики в регионе. Так же в статье сделан вывод о том, что налоговая система оказывает существенное влияние на деятельность хозяйствующего субъекта. Налоги, являясь основным источником формирования доходов бюджета региона, влияют на экономический рост, устойчивое развитие, на производство и конкурентоспособность продукции на рынке, а так же на

качество и уровень жизни населения. Таким образом, стабильное функционирование и развитие экономики региона напрямую зависит от эффективного формирования и распределения финансовых ресурсов.

Ключевые слова: налоговый потенциал, налоговые поступления, налоги, хозяйствующий субъект, показатели экономического развития, бюджет.

Региональная налоговая политика выражает заинтересованность субъекта Российской Федерации в эффективной экономической деятельности, а именно, в финансовой обеспеченности и укреплении доходной части своего бюджета. Каждый субъект отличается своей сложившейся структурой взимания налогов и комплексными показателями, отражающими экономику развития региона. Среди значимых показателей выделяют налоговый потенциал, который выступает в роли экономического значения образования бюджета и ориентиром для реализации налоговой политики субъекта Российской Федерации [1, с. 786].

В момент наступления экономического кризиса, обусловленного острой недостаточностью финансовых ресурсов, большинство хозяйствующих субъектов пытаются найти дополнительные источники доходов для бюджета, как правило, в виде повышения налогов и отмене ряда налоговых льгот. Как следствие, налогоплательщики зачастую вынуждены искать способы для скрытия своих реальных доходов, что даёт почву для развития теневого бизнеса [2, с. 73].

Уровень экономического развития региона определяет темпы роста ВРП, обеспеченность рабочими местами, а также выражает способность поддержания регионом уровня инвестиционной привлекательности. Рост налогооблагаемой база зависит напрямую от развития предпринимательства, что является существенной частью при определении налогового потенциала хозяйствующего субъекта. Существует огромное множество авторских определений понятия налогового потенциала. Налоговым потенциалом принято обозначать способность налогооблагаемых ресурсов хозяйствующего субъекта становиться доходной статьёй территории, выражающихся налоговыми платежами. Путём достижения такого дохода за определенный период является использование единых условий налогообложения на всей территории хозяйствующего субъекта [3, с. 42].

В Российской Федерации нормативным документом, который регламентирует порядок оценки налогового потенциала субъектов РФ, является Постановление Правительства РФ от 22 ноября 2004 г. № 670, согласно которому в целях определения расчетной бюджетной обеспеченности субъектов РФ до распределения им дотаций рассчитывается индекс налогового потенциала. Индекс налогового потенциала – это относительная оценка налоговых доходов консолидированного бюджета субъекта РФ, определяемая с учетом уровня развития и структуры налоговой базы субъекта Российской Федерации [4, с. 12]. При оценке налогового потенциала того или иного хозяйствующего субъекта необходимо учитывать ряд факторов, которые оказывают существенное влияние на величину данного показателя. К таким факторам можно отнести законодательные, организационные, производственные и инфраструктурные, экономические, правовые и социальные. Всю совокупность факторов можно разделить на две большие группы: внутренние и внешние [5, с. 70].

Также на практике часто выделяют факторы, которые являются основой величины начисляемых налоговых платежей и основой применения показателей экономики развития региона, характеризующих прямо или косвенно величину налоговой базы. К факторам, имеющим прямое влияние, относят: валовой региональный продукт, количество организаций и промышленных предприятий, их финансовый результат, задолженность по налогам и сборам и другие факторы, влияющие на налоговые поступления. Совокупность косвенных факторов таких, как величина регионального долга или объем инвестиций в основной капитал, не оказывает прямого воздействия, но приводит к улучшению или ухудшению экономического развития региона, следовательно, и к изменению налоговой базы [6, с. 220]. Рассмотрим динамику

ку основных показателей, характеризующих уровень экономического развития Калужской области (табл. 1).

Таблица 1. – Динамика основных показателей экономического развития Калужской области за 2018-2020 гг.

Показатель	Ед. измер.	2018	2019	2020
Объем ВРП	млн руб.	507632,2	545109,4	
Объем инвестиций в основной капитал	млн руб.	91138,0	110157,5	112040,2
Объем прямых иностранных инвестиций	млн долл. США	1197,1	954,2	828,5
Объем промышленного производства (объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами)	млн руб.	867953,0	919954,2	904563,0
Объем работ, выполненных по виду деятельности «строительство»	млн руб.	67997,4	67112,0	74 565,5
Продукция сельского хозяйства	млн руб.	43850,7	51216,1	53 950,2
Среднедушевые денежные доходы населения в месяц	руб.	29129,0	31394,0	32 183,2
Реальные располагаемые денежные доходы в % к предыдущему году	%	96,6	102,3	98,4
Величина прожиточного минимума (в среднем на душу населения)	руб. в месяц	10278,0	10859	10 964,0
Индекс потребительских цен, к декабрю предыдущего года	%	104,6	102,7	105,7
Оборот розничной торговли	млн руб.	197086,7	211 712,3	215 053,0
Объем платных услуг населению	млн руб.	49224,0	52 556,3	48132,6
Внешнеторговый оборот	млн долл. США	7475,9	7843,6	6987,6
Экспорт	млн долл. США	1471,7	1161,6	1027,5
Импорт	млн долл. США	6004,2	6682,0	5960,1

Анализ данных таблицы, показал, что за последние три года большинство экономических показателей увеличилось. В 2019 г. по отношению к 2018 г. наблюдается рост величины валового регионального продукта на 37477,2 млн руб. за счет увеличения валовой добавленной стоимости в строительстве, торговле и промышленном производстве. Объем инвестиций в основной капитал на конец рассматриваемого периода так же увеличился на 2% по сравнению с 2019 г., и на 22% по отношению к 2018 г. Это говорит о том, что финансирование осуществляется в основном за счет собственных средств. В строительстве наблюдается тенденция роста, которая обусловлена расширением масштабных проектов по жилищному строительству и строительству спортивных комплексов на территории Калужской области. В 2020 г. рост оборотов розничной торговли на 10% по отношению к 2018 г. связан с увеличением спроса населения на предоставляемые товары и услуги, что в свою очередь связано с повышением денежных доходов граждан Калужской области. Внешнеторговый оборот сократился на 6,6% по сравнению с 2018 г. и на 11% с 2019 г. Основной причиной резкого спада внешнеторгового оборота является пандемия COVID-19, которая в результате своего появления при-

вела к разрыву логистических цепочек, остановки части производства из-за недостатка комплектующих изделий и сниженного спроса, а также закрытию границ [7, с. 202].

Промышленные предприятия и коммерческие организации поставляют основную долю финансовых ресурсов в экономику хозяйствующего субъекта. Величина уплаченных налогов и сборов в бюджет зависит от их количества и прибыльности. Рассмотрим показатели консолидированного и областного бюджетов Калужской области за 2018-2020 гг. (табл. 2).

Таблица 2. – Динамика основных показателей бюджета Калужской области за 2018-2020 гг.

Показатель	Ед.измер.	2018	2019	2020
Консолидированный бюджет Калужской области				
доходы - всего	млн.руб.	85260,2	84 430,7	93 722,4
темпы роста доходов к предыдущему году	%	123,7	99,0	111,0
расходы - всего	млн.руб.	73733,6	83 236,6	98 971,7
в % к предыдущему году	%	108,5	112,9	118,9
Профицит, дефицит консолидированного бюджета(-)	млн.руб.	11526,6	1194,1	-5249,3
Областной бюджет Калужской области				
доходы - всего	млн.руб.	70615,9	69 217,0	78 621,1
темпы роста доходов к предыдущему году	%	125,9	98,0	113,6
расходы - всего	млн.руб.	61939,8	68 037,6	83 928,4
в % к предыдущему году	%	111,6	109,8	123,4
Профицит, дефицит (-) областного бюджета	млн.руб.	8676,2	1179,4	-5307,3

Проанализировав таблицу, можно сделать общий вывод о том, что на конец рассматриваемого периода бюджет Калужской области существенно сократился. Резкому увеличению расходов способствовали меры, предпринимаемые при борьбе с пандемией COVID-19.

В бюджет хозяйствующего субъекта подлежат зачислению региональные доходы, полученные от региональных налогов таких, как налог на имущество организации, транспортный налог, налог на игорный бизнес. Транспортный налог является одним из главных источников пополнения регионального бюджета, регулирует процессы в экономике, предоставляет социальные гарантии и создает основу независимости и самостоятельности субъекту РФ. Обычно доля региональных налогов во всей совокупности налоговых доходов, поступивших в региональный бюджет, варьируется от 10% до 15%. Доля местных налогов, зачисляемых в местный бюджет, не превышает 5%. Такие низкие показатели свидетельствуют о том, что фискальная значимость таких налогов очень низкая, а их число ограничено. Как правило, большая часть налоговых доходов формируется за счет отчислений от федеральных налогов и сборов. К некоторым федеральным налогам можно отнести [8, с. 285]:

- налог на прибыль организации;
- налог на доходы физических лиц;
- налог на добычу полезных ископаемых;
- налог, взимаемый в связи с применением упрощенной системы налогообложения;
- единый налог на вмененный доход для отдельных видов деятельности;
- налог на профессиональный доход;
- различные акцизы и государственные пошлины [9, с. 191].

Поступления налоговых доходов от основных федеральных и региональных налогов в региональный бюджет Калужской области отражены в сводной таблице 3.

Таблица 3. – Динамика поступлений налоговых доходов от основных федеральных и региональных налогов в региональный бюджет Калужской области за 2018-2020 гг.

Наименование налога	2018, в руб.	2019, в руб.	2020, в руб.	2020/2019, в %	2020/2018, в %
Налог на прибыль организаций	11 142 344 000	12 358 640 000	19 265 900 000	155,9	172,9
Налог на игорный бизнес	3 190 000	765 000	0	0,0	0,0
ЕНВД	1 274 150 000	1 291 020 000	1 021 555 000	79,1	80,2
Налог на доходы физ. лиц	20 254 822 000	22 188 386 000	23 505 762 000	105,9	116,1
Налог на имущество организаций	5 677 002 000	4 733 631 000	1 133 794 000	24,0	20,0
Транспортный налог	1 100 797 000	1 130 660 000	1 226 099 000	108,4	111,4
Акцизы на нефтепродукты	144 158 000	308 709 000	1 426 679 000	462,1	989,7
УСН	2 260 679 000	2 748 241 000	3 072 822 000	111,8	135,9
Акцизы на табачную продукцию	7 624 844 000	6 105 332 000	8 622 288 000	141,2	113,1
Акцизы на пиво	6 760 639 000	6 764 835 000	6 602 044 000	97,6	97,7
Земельный налог	1 533 922 000	1 433 609 000	1 331 658 000	92,9	86,8
НДС	29 533 598 000	29 897 425 000	40 139 366 000	134,3	135,9
ЕСХН	17 392 000	9 774 000	9 005 000	92,1	51,8
Патент	18 843 000	44 158 000	27 420 000	62,1	145,5

По результатам таблицы 3 можно сделать вывод о том, что общее поступление налоговых доходов на конец 2020 г. снизилось по сравнению с 2019 г. В структуре налоговых поступлений за 2020 г. наибольший удельный вес занимают налоги на доходы физических лиц. По НДФЛ рост поступлений на 5,9% за счет увеличения сумм премиальных выплат по итогам работы за 2020 г. у большинства плательщиков. По акцизам на моторные масла рост поступлений на 1117,9 млн руб. обусловлен увеличением объемов выпуска моторных масел и начисленного налога у ряда организаций. По акцизам на алкогольную продукцию незначительное уменьшение поступлений на 7,1% обусловлено ростом поступлений по ООО «КЛВЗ КРИСТАЛЛ» в связи с расширением ассортимента выпускаемой продукции и увеличением объемов реализации. По налогу на имущество организаций сокращение поступлений в 4 раза объясняется в основном уплатой авансовых платежей по отдельным плательщикам, по которым уплата в декабре 2019 г. присутствовала. По транспортному налогу рост поступлений на 8,4% обусловлен увеличением поступлений по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. по плательщикам – физическим лицам, в связи с увеличением количества налогооблагаемых объектов. По данным таблицы видно, что в 2020 г. показатель налога на игорный бизнес равен 0. Данный факт, обусловлен отсутствием в 2020 г. на территории Калужской области плательщиков игорного бизнеса [10, с. 15].

В ходе проведенного исследования, мы наблюдаем тенденцию роста всех налоговых поступлений в 2019 г. В 2020 г. складывается обратная ситуация, которая связана с легализацией бизнеса и изменением налогооблагаемых баз и ставок. Тяжелая налоговая нагрузка и ухудшение экономического климата в период пандемии негативно сказались на величине налоговых поступлений в бюджет Калужской области [11].

Рассмотрев основные характеристики налогового потенциала и регионального бюджета Калужской области, можно спрогнозировать на плановый период 2021 и 2022 гг. изменение экономики развития региона по двум направлениям: менее благоприятное и приоритетное.

При наилучшем развитии событий ожидается рост налоговых ставок с 01.01.2021 для коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей, так же в стране появится прогрессивная шкала для расчета НДФЛ, что приведет к увеличению налоговых поступлений; увеличится потребительский спрос на товары и услуги за счет роста заработной платы трудоспособного населения; показатели внешнеторгового оборота достигнут уровня 2019 г., за счет налаживания процессов в сфере логистики и производства; привлечение новых инвестиций, обеспечивающих рост доходов бюджета субъекта, и реализация инвестиционных проектов, модернизация производства увеличат налогового потенциала региона. Важным результатом развития экономики в регионе послужит отсутствие в 2021 и 2022 гг. дефицита (профицита) областного бюджета [12].

Повторная вспышка пандемии COVID-19 приведет к резкому росту безработицы, уменьшению уровня оплаты труда, низкому потребительскому спросу. Негативный эффект, вызванный новой коронавирусной инфекцией, затронет такие отрасли, как ресторанный и гостиничный бизнес, туризм, транспорт, культуру и торговлю [13]. Из-за закрытия границ и нехватки комплектующих изделий на производстве снизится внешнеторговый оборот. Изменения произойдут и в налоговой политике, путем вводы новых налоговых ставок и дополнительных льгот для организаций и предприятий, пострадавших в период пандемии. Таким образом, снижение уровня налогового потенциала отрицательно скажется на формировании бюджета Калужской области. При этом расходы бюджета будут стремительно расти, что приведет к его дефициту и росту региональных заимствований. А существенный рост налогового потенциала поспособствует улучшению экономического развития региона.

Библиографический список

1. Вачугов И.В. Повышение эффективности налогового администрирования как важный фактор ограничения теневой экономики // *Налоги и налогообложение*. – 2018. – № 10. – С. 782-790.
2. Истомина Н.А., Одиноква Т.Д. Оценка налогового потенциала по бюджетообразующим налогам: Свердловская область // *Налоговая политика и практика*. – 2019. – № 1. – С. 64-72.
3. Каратаев А.С. Факторы, влияющие на налоговый потенциал крупнейшего налогоплательщика // *Сибирская финансовая школа*. – 2017. – № 1. – С. 42-47.
4. Кортеева Т.Ю., Архипцева Л.М. Формирование и реализация налогового потенциала хозяйствующего субъекта как системный процесс // *Налоги и налогообложение*. – 2018. – № 6. – С. 4-12.
5. Круглов В.Н. Инвестиционный ресурс инновационного процесса в регионах Российской Федерации // *Финансовая экономика*. – 2018. – № 6. – С. 70-73.
6. Круглов В.Н. Инвестиционное обеспечение инновационного развития в регионах Российской Федерации // *Финансовая экономика*. – 2018. – №7. – С. 319-322.
7. Круглов В.Н. Проблемы финансирования инновационного развития малого и среднего бизнеса в Российской Федерации // *Финансовая экономика*. – 2018. – № 8. – С. 201-203.
8. Рощупкина В.В. Современные концепции формирования регионального налогового потенциала // *Вестник Северо-Кавказского федерального университета*. – 2019. – № 3. – С. 280-286.
9. Слепнева Л.Р., Дондоков З.Б. Налоговый потенциал региона и проблемы его оценки // *Российское предпринимательство*. – 2018. – № 5. – С. 189-196.
10. Тюрина Ю.Г. К вопросу о направлениях развития налогового потенциала региона // *Российское предпринимательство*. – 2017. – № 17. – С. 4-15.
11. URL: <https://kalugastat.gks.ru>.
12. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn40/apply_fts.
13. URL: <https://admoblkaluga.ru/main/work/finances/budget/2020-2022.php>.

ПРОБЛЕМА СНИЖЕНИЯ УГЛЕРОДНОГО СЛЕДА В МЕГАПОЛИСАХ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА МОСКВА)

Шишкина М.Р.

*Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС»
Россия, г. Москва*

Научный руководитель – Липина С.А.

*Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС»
Россия, г. Москва*

Аннотация. В статье рассмотрены применяемые в крупных городах методы и экологические инновации, направленные на снижение углеродных выбросов в мегаполисах. Находятся в изучении стратегии развития мегаполисов мира в сфере уменьшения углеродного следа.

Ключевые слова: экологические инновации, управление, зелёные технологии, углеродный след, региональное развитие, устойчивое развитие

Более 20% человечества сегодня проживает в крупных городах с населением более 10 млн чел., что усугубляет сложные экологические проблемы урбанизированных территорий. Так, углеродный след является одним из важных составляющих окружающего мира, в частности для городской среды. Он является комплексным понятием, включающим в себя совокупность всех выбросов парниковых газов (углекислый газ, водяной пар, метан, озон, оксид азота и др.). Углеродный след бывает прямым и косвенным. Парниковые выбросы загрязняют окружающую среду (воздух) и способствуют изменению климата, созданию климатических проблем.

Резюме городского проектирования встает на первые позиции, так как большинство населения в развивающихся странах живет в городской среде. В рамках вопроса о климатическом кризисе обозначена идея создания углеродно-нейтральных городов. Такими являются: Ливерпуль, Копенгаген, Хельсинки, Сан-Франциско и т.д.

Тенденции последних лет ярко демонстрируют стремление крупных мегаполисов к углеродному «нулю». Токио в Японии можно соотнести с Москвой по площади и количеству населения. В Токио характерно проведение выборочной реновации, позволяющей обновлять архитектурный ансамбль города в соответствии с действующим «зелёным» вектором, с целью снижения углеродного следа. Однако, для г. Токио характерно внедрение и развитие ужесточенных нормативов и регламентов, тщательного экологического мониторинга городской среды.

В то же время, Москва – это достаточно крупный динамично-развивающийся город. У Москвы есть ряд проектов, направленных на улучшение качества городской среды. Концепт «умного» города предусматривает совершенствование городского планирования и зонирования. Все виды оптимизаций городского пространства также направлены на углеродную нейтральность. В него входят и проекты «Реновация», «Умный город-2030», а также ряд проектов, направленных на расширение г. Москва. В Москве обширно развивается система «Активный гражданин», а также отдельные некоммерческие экспертные сообщества, есть существенный процент сектора бизнеса, который инвестирует в «зелёную» повестку и в «зелёное» развитие города.

При строительстве новых зданий или капитальном ремонте старых построек используются передовые и высокоэффективные «зелёные» технологии. Для снижения углеродных выбросов в г. Москва зачастую применяют такие методы как: совершенствование систем отопления и охлаждения, теплоизоляция; применение зелёных насаждений при благоустройстве территорий; использование ВИЭ (возобновляемых источников энергии); применение строительных материалов, успешно прошедших экологическую сертификацию и др. Москва активно развивается, используя не только последние инновационные технологии зарубежных стран, но и создавая свои. В совокупности, эти меры и действия позволяют городу успешно снижать углеродный след, согласно всем настоящим стратегиям развития города.

ОПЫТ РАЗРАБОТКИ СЦЕНАРИЕВ РАЗВИТИЯ В СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ Г. БЕРДСКА НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ)¹

Ждан Г.В., Сумская Т.В.

*Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН
Россия, г. Новосибирск*

Аннотация. В статье рассматриваются основные параметры инерционного и инновационного сценариев развития г. Бердска Новосибирской области. Проанализированы основные факторы, оказывающие влияние на социально-экономическое развитие города. Дана характеристика вариантов реализации каждого из рассматриваемых сценариев. Особое внимание уделено условиям реализации инновационного сценария развития г. Бердска, реализация которого позволила бы городу стать быстро растущим, современным, комфортным и безопасным для жизни и деятельности городом Новосибирской области, имеющим высокий потенциал инновационного развития, а также создать региональный центр восстановительной медицины (рекреации) и отдыха.

Ключевые слова: стратегия социально-экономического развития, инерционный сценарий развития, инновационный сценарий развития, стратегические цели развития, город Бердск.

Согласно ст. 6 Федерального закона от 26.08.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [1] к полномочиям органов местного самоуправления в области стратегического планирования относятся: определение долгосрочных целей и задач социально-экономического развития муниципальных образований; разработка, рассмотрение, утверждение и реализация документов стратегического планирования по вопросам, отнесенным к полномочиям органов местного самоуправления. Во исполнение вышеуказанного закона была разработана Стратегия социально-экономического развития города Бердска Новосибирской области на период до 2030 г. В данной статье хотелось бы охарактеризовать представленные авторами сценарные условия социально-экономического развития г. Бердска. Они были разработаны на основе консервативного и целевого сценариев прогноза развития Российской Федерации на период до 2030 г., а также сценариях социально-экономического развития Новосибирской области на период до 2030 г. Разработанные сценарии описывают нижнюю и верхнюю планки интервала возможного развития города с учетом как внешних, так и внутренних факторов.

Инерционный сценарий развития Бердска разработан в предположении сохранения тенденций сдержанной инвестиционной политики частных компаний города при относительно слабом росте потребительского спроса в соответствии с тенденциями последних лет.

Инновационный сценарий характеризуется как позитивными изменениями во внешней среде, активизацией внешней политики в отношении стран Юго-Восточной Азии, так и формированием внутренних условий для опережающего экономического роста, основанного на внедрении прорывных научно-технологических разработок.

Во всех сценариях предполагаются положительные демографические тенденции: увеличение суммарного коэффициента рождаемости, снижение уровня смертности и повышение средней ожидаемой продолжительности жизни населения. Необходимо отметить, что работа выполнена до начала пандемии коронавируса и существенного ухудшения внешних и внутренних условий развития. Тем не менее, опыт разработки сценариев развития городского

¹ Работа выполнена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, наименование НИОКТР «Региональное и муниципальное стратегическое планирование и управление в контексте модернизации государственной региональной политики и развития цифровой экономики». Номер государственного учета 121040100279-5.

округа может быть полезен разработчикам стратегических документов социально-экономического развития территориальных образований.

Таблица 1. –Прогнозные значения основных показателей социально-экономического развития г. Бердска при реализации инерционного и инновационного сценариев развития

Наименование показателя	Ед. изм.	2017 г.	2030 г.	
			Инер- цион. сцена- рий	Инно- вац. сцена- рий
Численность населения на начало года	тыс. чел.	103,3	108,2	118,0
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата одного работника	руб.	27 187	61 611	81 471
Среднегодовая численность занятых в экономике на территории муниципального образования	чел.	42 482	43 560	45 440
Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами организаций промышленности	млн руб.	29 394	86 700	88 424
Объем инвестиций в основной капитал	млн руб. в год	7 552	25 156	25 643
Средняя обеспеченность населения площадью жилых квартир на 1 жителя	кв. м	26,7	30,0	31,0
Плотность автодорог общего пользования с твердым покрытием (км путей на 1 000 кв. м территории)	км	3,0	3,3	3,6
Доля детей в возрасте 1-6 лет, получающих дошкольную образовательную услугу и (или) услугу по их содержанию в муниципальных образовательных учреждениях в общей численности детей в возрасте 1-6 лет	%	73,2	100,0	100,0
Уровень заболеваемости населения, случаев на 1000 чел.	чел.	1 587	1 524	1 490
Уровень криминогенности (число преступлений на 100 тыс. чел.)	ед.	1 354	1 000	900
Доходы местного бюджета	млн руб.	2 325	5 114	6 276
Выбросы от стационарных источников в расчете на 1 жителя	кг	98	70	60

Реализация *инерционного сценария* развития г. Бердска позволит: в 1,68 раза увеличить объем отгруженных товаров собственного производства промышленности в сопоставимых ценах к концу периода; в 1,46 раза увеличить размер реальных располагаемых денежных доходов населения; примерно в 2,3 раза увеличить размер начисленной заработной платы, прежде всего за счет покрытия роста цен на потребительские товары и услуги; сохранить на уровне 73,2 года продолжительность жизни населения.

Анализ факторов, определяющих перспективную численность населения, показал, что имеются объективные основания прогнозировать рост численности населения на территории города. При реализации инерционного сценария численность населения к концу прогнозного периода составит 108,2 тыс. человек, прирост численности – около 5 тыс. человек.

Численность занятых в экономике, с учетом занятых в малом бизнесе и на микропредприятиях, увеличится к концу прогнозного периода примерно на тысячу человек. Прогноз учитывает изменение пенсионного возраста, а также то обстоятельство, что в последние годы прирост занятых в г. Бердске был обеспечен преимущественно за счет людей пенсионного возраста.

В этом сценарии заложено сохранение положительных темпов роста индекса физического объема промышленного производства на уровне 104% в год. Такому росту будет способствовать развитие потенциала импортозамещения и рост спроса на продукцию крупнейших предприятий города в микробиологической и пищевой промышленности, реализация проектов развития предприятий промышленности строительных материалов. Прогнозируется сохранение положительной динамики роста розничного товарооборота и оборота предприятий общественного питания, не ниже темпов роста заработной платы и доходов населения.

В номинальном выражении среднемесячная заработная плата при реализации консервативного сценария развития вырастет в 2,3 раза за весь период и составит в 2030 г. более 61,6 тыс. руб. Рост заработной платы будет сравним по динамике с ростом валового выпуска продукции и станет возможен за счет более быстрого роста производительности труда и нарастания дефицита трудовых ресурсов.

Транспорт является одной из важных отраслей экономики г. Бердска. В соответствии с инерционным сценарием развития общий объем грузоперевозок составит в 2030 г. почти 3 млн тонн, пассажиропоток – порядка 17 млн пассажиров в год, плотность автодорог вырастет до 3,3 км на тысячу квадратных метров территории города.

Динамика развития малого предпринимательства будет зависеть от темпов экономического развития, динамики потребительского спроса и эффективности мер по регистрации самозанятого населения. В данном варианте прогноза численность занятых в сфере малого бизнеса увеличится на 17%, почти в 3 раза вырастет оборот малых предприятий. Что касается обеспеченности жильем, то прогнозируется его рост на 12,4%: до 30 м. кв на человека. В год ввод жилья будет составлять примерно 40 тыс. кв. м. Общий объем жилого фонда на конец периода прогнозируется в объеме 3 245 тыс. кв. м.

Стратегией предусматривается полномасштабная реализация всех задач, поставленных в Указах Президента Российской Федерации от 07.05.2012 №№ 597-599 [2, 3, 4], а также повышение привлекательности и конкурентоспособности на рынке труда профессий работников социальной сферы, модернизация материально-технического обеспечения систем образования, здравоохранения, социального обеспечения населения, культуры и искусства, физической культуры и спорта.

В соответствии с инерционным сценарием продолжатся положительные изменения по всем приоритетным направлениям развития социальной сферы. В рамках рассматриваемого варианта развития планируется строительство на территории города не менее 5 дошкольных образовательных учреждений общей проектной мощностью 640 мест, не менее 5 общеобразовательных школ общей мощностью 3700 мест, больничного комплекса на 440 коек, амбулаторно-поликлинического учреждения на 570 посещений в смену, несколько плоскостных спортивных сооружений.

Основными приоритетными направлениями развития безопасной городской среды являются: увеличение площади зеленых насаждений; сохранение и восстановление ландшафтного и биологического разнообразия особо охраняемой природной территории, стимулирование технического перевооружения промышленных объектов; переход на активное использование в качестве топлива газа как более чистого вида топлива; установка очистного оборудования на котельных, где невозможен переход на газовое топливо. Прогнозируется реализация мероприятий, направленных на значительное улучшение состояния автодорожной сети и совершенствование организации дорожного движения, а также расширение применения технических средств, в целях обеспечения безопасности дорожного движения на автомобильных дорогах Бердска.

В прогнозном периоде должны быть продолжены мероприятия по профилактике правонарушений, прежде всего среди подростков. Особое внимание будет уделено пожарной безопасности и мерам по предотвращению пожароопасных ситуаций, прежде всего в жилых кварталах, лесных массивах, на предприятиях.

Инновационный сценарий предполагает активное участие г. Бердска в реализации всех 12 национальных проектов, определенных в Указе Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 [5], в реализации программы «Реиндустриализация экономики Новосибирской области», в реализации проектов «Академгородок 2.0» и «Наукополис».

Согласно прогнозу, реализация инновационного сценария развития г. Бердска обеспечит значительное повышение качества жизни населения; рост реальных располагаемых денежных доходов населения в 1,7 раза; рост номинальной среднемесячной оплаты труда более чем в 2,5 раза. Продолжительность жизни предположительно вырастет до 80 лет. Рост физического объема отгруженных товаров собственного промышленного производства прогнозируется в 2,1 раза.

В соответствии с инновационным сценарием численность населения на 2030 г. прогнозируется на уровне 118 тыс. чел. С ростом численности населения прогнозируется рост числа занятых. Однако прирост числа занятых не будет пропорционален приросту численности населения и составит около 3 тыс. чел. Это обусловлено исчерпанием возможности привлечения к трудовой деятельности людей пенсионного возраста и отвлечением женщин от трудовой деятельности в связи с прогнозируемым ростом рождаемости. Общая численность занятых составит 45,4 тыс. чел.

С учетом предположений о повышении спроса со стороны федеральных, региональных и муниципальных органов власти на инновационную продукцию местных товаропроизводителей, протекционистской политики в отношении российских товаропроизводителей (поощрение импортозамещения, экспорта товаров и услуг), улучшением условий ведения бизнеса, общий объем отгруженных товаров собственного производства бердских промышленных предприятий в 2030 г. составит 88,4 млрд руб. и увеличится почти в 3 раза к объему производства 2017 г. При этом заложено существенное повышение производительности труда с учетом участия предприятий Бердска в реализации национальной программы по росту производительности труда. Объем производства инновационной продукции в 2030 г. составит почти 16 млрд руб. и вырастет до 18% от объема отгруженных товаров собственного производства.

Более чем в 3 раза вырастет оборот по малым и микропредприятиям. Численность занятых в этой сфере увеличится с 9,3 до 13,6 тыс. человек. Более чем двукратный рост физического объема отгруженных товаров собственного производства невозможен без адекватного роста инвестиционных вложений как в развитие частного бизнеса, так и в развитие инженерной и социальной инфраструктуры. Инвестиции в основной капитал будут расти более быстрыми темпами, чем объем отгруженных товаров собственного производства, рост за период годового объема инвестиций составит 3,4 раза.

По инновационному сценарию развития прогноз обеспеченности жителей жилой площадью не сильно отличается от консервативного сценария, он составляет 31 квадратный метр на человека в 2030 г. Однако с учетом роста населения на 10 тыс. человек за период строительство жилья должно быть существенно большим. Предполагается ускоренное и сбалансированное развитие транспортного комплекса, которое, позволит обеспечить условия для развития инновационной составляющей экономики, повышения качества жизни населения. Развитие транспортной системы будет связано с созданием конкурентоспособных инновационных кластеров, развитием туристско-рекреационных зон.

Участие в реализации национального проекта «Безопасные и качественные автомобильные дороги» предполагает доведение 85% автомобильных дорог сети городских агломераций до нормативного состояния. С учетом данных изменений прогнозируется увеличение

плотности автодорог города на 20% до 3,6 км пути на тыс. кв. м территории города, увеличение объема грузоперевозок в 3 раза, пассажироперевозок с 14,3 млн чел. в год до 18,7 млн пассажиров.

Сценарные условия формирования прогноза развития социальной сферы г. Бердска разработаны в предположении максимальной реализации задач национальных проектов «Образование», «Здравоохранение», «Культура». В сценарии планируется строительство 7 общеобразовательных школ общей мощностью 6000 мест с целью обеспечения односменного режима обучения. Также планируется строительство 7 дошкольных образовательных учреждений общей проектной мощностью 1340 мест с целью обеспечения полного охвата детей в возрасте от 1 до 6 лет дошкольным образованием уже к 2027 г. В рамках национального проекта «Здравоохранение» будет решаться задача ликвидации кадрового дефицита в медицинских организациях, оказывающих первичную медико-санитарную помощь. Проектом предусмотрен обязательный охват не менее 70% граждан и 100% подростков профилактическими медицинскими осмотрами не реже одного раза в год. Общий уровень заболеваемости к концу периода снизится до 1490 случаев на тысячу населения в год. Планируется строительство в этот период одной больницы на 440 коек и одной поликлиники на 570 посещений в смену на территории города.

В рамках национального проекта «Жилье и городская среда» предусмотрено проведение мероприятий по кардинальному повышению комфортности городской среды. Предполагается внедрение ресурсосберегающих технологий, высокотехнологичного оборудования, техники, технологий по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов, создание и развитие инфраструктуры производственно-технических комплексов по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов, формирование многофункциональных комплексов по промышленному обезвреживанию отходов, а также многофункциональных сортировочных комплексов.

Направления пространственного развития г. Бердска связаны с формированием и развитием зон опережающего развития, территориальных кластеров, реализацией межмуниципальных проектов. Прогнозируется значительное улучшение криминогенной обстановки в городе, снижение числа зарегистрированных преступлений на 35% до 900 случаев на 100 тыс. населения. За счет активной работы с детьми и подростками и улучшения общей криминогенной обстановки прогнозируется снижение числа правонарушений, совершенных несовершеннолетними, на 55%.

Реализация национального проекта «Безопасные и качественные дороги» позволяет прогнозировать значительное уменьшение пострадавших в дорожно-транспортных происшествиях и полную ликвидацию смертельных исходов. Количество пострадавших на пожарах должно быть уменьшено почти в 3 раза.

Миссия Бердска заключается в формировании статуса быстро растущего, современного, комфортного и безопасного для жизни и деятельности города Новосибирской области, имеющего высокий потенциал инновационного развития, создания регионального центра восстановительной медицины (рекреации) и отдыха. Важнейшие стратегические цели развития города можно сгруппировать по трем направлениям:

1. Комфортный, безопасный и привлекательный для жизни и деятельности город Новосибирской области с высокими стандартами качества жизни.
2. Конкурентоспособная экономика с высокими темпами и качеством роста приоритетных сфер деятельности.
3. Эффективное пространственное развитие. Комфортная, безопасная и доступная городская среда.

Достижение целей будет опираться на имеющийся природный и накопленный социально-экономический потенциал с учетом следующих преимуществ: диверсифицированная структура

экономики, близость к крупным конкурентным рынкам Новосибирской области; благоприятные природно-ландшафтные условия и развитая инфраструктура индустрии отдыха и восстановления здоровья; близость к центру новых инновационных разработок – Академгородку, и наличие производственных мощностей для производства инновационной продукции; высокая предпринимательская активность населения; высокие темпы жилищного строительства.

Библиографический список

1. О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 26.08.2014 № 172-ФЗ // Доступ из Справ.-прав. системы Консультант Плюс.
2. О мероприятиях по реализации государственной социальной политики: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 597 // Доступ из Справ.-прав. системы Консультант Плюс.
3. О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 598 // Доступ из Справ.-прав. системы Консультант Плюс.
4. О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 599 // Доступ из Справ.-прав. системы Консультант Плюс.
5. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 // Доступ из Справ.-прав. системы Консультант Плюс.

ОБ ОПЫТЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ (НА ПРИМЕРЕ Г. БАРНАУЛА)

Лякишева В.Г.

*Алтайский государственный университет
Россия, г. Барнаул*

Аннотация: В статье в исторической ретроспективе рассматривается деятельность органов местного самоуправления г. Барнаула по социально-экономическому развитию городского округа с применением стратегических и программных методов управления территорией муниципального образования.

Ключевые слова: местное самоуправление, стратегии, программы, социально-экономическое развитие муниципального образования, г. Барнаул.

Стратегическое развитие Российской Федерации и ее регионов невозможно без развития муниципальных образований, что определяет актуальность исследования заявленной темы. Важность данного вопроса подчеркивается включением местного самоуправления (далее – МСУ) в систему публичной власти на основании поправок, внесенных в Конституцию страны в 2020 г., с принятием Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» и корректировки правовых основ МСУ. В гл. 8 Конституции Российской Федерации сделан акцент на том, что МСУ осуществляется с учетом исторических и иных местных традиций, поэтому рассмотрение темы стратегического развития муниципальных территорий в исторической ретроспективе представляет интерес для обсуждения.

По мнению экспертов, в крупных городах необходимым условием эффективного развития всего комплекса городского хозяйства стали такие направления, как: разработка и реализация прогнозов и программ развития экономики; реализация общегородских проектов, планов и программ в области эффективного функционирования и развития систем жизнеобеспечения; инвестиционная политика и финансирование этой сферы; разработка и осуществление генеральных планов развития территории и др. [1]. Специалисты в сфере региональной экономики подчеркивают постепенное внедрение территориального планирования в советскую экономическую действительность, комплексный и системный характер этого процесса во второй половине XX в., заложивший основу функционирования всех субъектов РФ, городов и сельских поселений в настоящее время [2].

Вопросы правового регулирования процесса стратегического планирования, основываясь на Конституции Российской Федерации, отражаются в Бюджетном кодексе РФ, Федеральных законах: от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»; от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» и других правовых актах федерального уровня. С учетом положений этих документов стратегии и программы на региональном и местном уровне разрабатываются в соответствии с законами субъектов РФ, муниципальными правовыми актами. Так, в Алтайском крае эти нормы нашли отражение в Законе Алтайского края от 03.04.2015 № 30-ЗС «О стратегическом планировании в Алтайском крае», ином региональном законодательстве. В конце августа 2021 г. состоялось важное для региона событие – депутатами Алтайского краевого Законодательного Собрания была принята Стратегия социально-экономического развития Алтайского края до 2035 г., определяющая этапы развития региона и его потенциал. В краевой столице деятельность органов МСУ регулируется Уставом городского округа - города Барнаула Алтайского края, принятым решением Барнаульской городской Думы (далее – БГД) от 28.02.2018 № 71, иными правовыми актами города, на ряде из них мы остановимся позднее.

Анализируя 145-летнюю историю становления и развития Барнаульского городского самоуправления, берущую истоки с апреля 1877 г., мы уже неоднократно отмечали целенаправленную деятельность органов МСУ по решению насущных проблем города [3, 4]. Специалисты считают, чем сложнее муниципальное хозяйство, тем большее значение имеет комплексный подход к разработке проектов, планов и программ, направленных на реализацию вопросов местного значения. Решение задач социально-экономического развития территории с помощью программного метода – современная тенденция, ставшая действенным инструментом для достижения целей в муниципальном управлении. Стратегическое планирование повышает инвестиционную привлекательность муниципального образования, его конкурентоспособность и информационную открытость, расширяет круг участников процесса, используя инструменты связей с общественностью [5].

Опыт разработки программ социально-экономического развития г. Барнаула берет отсчет с советского периода 80-90-х гг. XX в., когда разрабатывались первые планы и программы развития города и его 5 районов. Данное направление получило развитие в деятельности вновь созданных органов МСУ постсоветского периода. Изучая этот процесс, мы уже отмечали, что депутатами БГД I созыва (1994-1996 гг.) совместно с главой городского самоуправления В.Н. Бавариным и администрацией города ежегодно принимались и уточнялись планы социально-экономического развития, благоустройства, программы содействия занятости населения и приватизации муниципальной собственности. В этот период были приняты: Программа противопожарной устойчивости объектов народного хозяйства, жилищного фонда и укрепления материальной базы пожарной охраны г. Барнаула на 1994-1996 гг., Программа комплексной борьбы с преступностью в г. Барнауле на 1994-1995 гг. Депутатами II созыва (1996-2000 гг.) были утверждены программы по реформированию жилищно-коммунального хозяйства в г. Барнауле на 1997-2003 гг.; «Здоровье Барнаула 1999-2001 гг.» и ряд других.

В III созыве БГД (2000-2004 гг.) было принято большое количество программ, касающихся социальной сферы [6]. В связи с принятием в 2003 г. ФЗ № 131 городской Думой IV созыва в 2004-2008 гг. было принято более 80 решений в сфере управления городским хозяйством. Важным моментом стало утверждение решением от 21.10.2004 № 37 Стратегии развития города Барнаула до 2010 г., принятие более 35 городских программ, изменений в Генеральный план г. Барнаула и других важных документов. Решением от 27.10.2006 № 441 было утверждено Положение о порядке разработки и реализации муниципальных целевых программ.

К наиболее успешным и социально значимым проектам можно отнести программу газификации; решение об утверждении основных направлений развития пассажирского транспорта на территории города Барнаула до 2010 г.; Концепцию развития потребительского рынка до 2010 г. (решение от 24.03.2005 № 93); целевую программу «Обеспечение жильем или улучшение жилищных условий молодых семей в городе Барнауле» (решение от 21.04.2006 № 356). Решениями от 27.02.2007 №№ 515, 517, 518 соответственно были утверждены целевые программы «Культура Барнаула (2007-2009 гг.)», «Развитие физической культуры и спорта в г. Барнауле на 2007-2008 гг.», «Основные направления развития образования г. Барнаула на 2007-2010 гг.»; решением от 01.02.2008 № 697 – программа «Развитие предпринимательства в городе Барнауле на 2008-2010 гг.». И наконец, после тщательной подготовки, решением БГД от 01.02.2008 № 696 депутатами была утверждена Программа комплексного социально-экономического развития городского округа на 2008-2017 гг.

Ярким примером решения вопросов привлечения дополнительных финансовых средств программными методами стало утверждение решением БГД от 27.10.2005 № 218 Комплексной программы «Реформирование муниципальных финансов г. Барнаула в 2005-2007 гг.», реализуемой на основе конкурсного отбора Министерства финансов РФ среди крупных муниципальных образований на получение субсидий из федерального бюджета. Это позволило органам МСУ города получить грантовые средства в размере 35 млн руб. и направить их на разработку научно-исследовательского проекта «Совершенствование позитивного имиджа г. Барнаула»; проведение управленческого аудита; обучение муниципальных служащих; обеспечение компьютерной техникой и программным продуктом для обмена электронной информацией органов МСУ.

Решением городской Думы V созыва от 10.06.2010 № 305 была утверждена Концепция развития города до 2020 г. Постановлениями администрации города: от 21.10.2010 № 3204 была принята долгосрочная целевая программа «Электронный Барнаул на 2011-2015 гг.»; от 23.08.2011 № 2290 – долгосрочная целевая программа «Повышение инвестиционной привлекательности города Барнаула на 2012-2017 гг.» [6].

В рамках включенности населения в процесс муниципального управления вызывает интерес пример принятия Народной программы развития Барнаула. В ходе избирательной кампании по выборам депутатов БГД VI созыва в 2012 г. было организовано ее активное общественное обсуждение, когда руководство города, вспомнив идею, выдвинутую в 90-е гг. главой городского самоуправления В.Н. Бавариным, что всех горожан объединяет одна мощная партия – «партия барнаульцев», организовало сбор предложений от жителей по насущным проблемам жизнедеятельности. Поэтому названный документ можно рассматривать в качестве проекта, способствующего привлечению внимания населения к проблемам МСУ и возможности реализации конституционного права граждан на управление территорией, в том числе через участие в подготовке программ развития городского округа.

Мы уже заостряли внимание на том, что одной из важных и проблемных тем муниципального управления является эффективность деятельности органов МСУ, решающих вопросы местного значения совместно с населением. Показатели оценки были определены Указом Президента РФ от 28.04.2008 № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов». Одним из способов улучшения многих показателей как раз стал программно-целевой метод. Проведенное ранее ис-

следование выявило, что в Барнауле по состоянию на 31.12.2014 в реестр утвержденных и действующих городских программ входила 61 программа, на 30.09.2015 – 30, на 31.03.2016 – 27 программ (в т.ч. 18 муниципальных), то есть произошло значительное уменьшение их количества, в том числе за счет объединения и укрупнения. Считаем, что повышению эффективности деятельности органов МСУ в этот период способствовала региональная программа «Совершенствование государственного и муниципального управления» на 2013-2018 гг. (пост. Администрации Алтайского края от 27.09.2013 № 507). В Барнауле в этот период действовала муниципальная программа «Совершенствование муниципального управления и развитие гражданского общества в городе Барнауле на 2015-2018 гг.» (пост. администрации города от 05.08.2014 № 1671). Целью этой программы стало повышение качества управления социально-экономическим развитием города, развитие муниципальной службы, вовлечение институтов гражданского общества в решение приоритетных местных задач [7].

В период деятельности БГД VII созыва (2017-2022 гг.) работа по городским программам продолжается. По состоянию на 01.04.2022 Реестр городских программ включает 24 программы (в том числе 19 муниципальных) в различных сферах жизнеобеспечения и развития городского округа. Основным программным документом является Стратегия социально-экономического развития города Барнаула до 2025 г., утвержденная решением БГД от 19.12.2013 № 234 (в ред. от 15.06.2020 № 522). Реестр актуализируется ежеквартально, он представлен на официальном сайте города в разделе «Развитие Барнаула» [8]. Доля расходов бюджета г. Барнаула, сформированных в рамках муниципальных программ, составляет 92,1% (2020 г. – 91,8%). В 2019 г. на 21 муниципальную программу было выделено 13866,3 млн руб., в 2020 г. на 20 программ – 14783,8 млн руб., а в 2021 г. на 20 программ – 17012,5 млн руб. [9].

Важным показателем эффективности МСУ является удовлетворенность населения деятельностью органов власти, с нашей точки зрения во многом зависящая и от открытости и информационной обеспеченности муниципальной деятельности. Так, на официальном сайте г. Барнаула в разделе «Развитие города» можно найти сведения по вопросам стратегического планирования, программные документы, информацию о Генеральном плане городского округа и подраздел «Бюджет для граждан», а в подразделе «Основы и документы стратегического планирования» представлены данные о реализации Стратегии социально-экономического развития г. Барнаула до 2025 г., отчет о прогнозных показателях на 2022-2024 гг. по итогам 2021 г. и другая ценная информация [8]. В буклете к отчету главы города об основных итогах работы администрации за 2021 г. традиционно освещены многие показатели, в том числе по мероприятиям, реализованным в Барнауле в рамках индивидуальной программы социально-экономического развития Алтайского края на 2020-2024 гг. и адресной инвестиционной программы города; представлены планы на 2022 г. [9].

Далее вспомним, что тема проектной деятельности после 10-летнего перерыва вновь активно была внесена в повестку дня развития страны в 2016 г. При обсуждении проблем взаимодействия регионов и муниципальных образований, стратегического развития, агломерирования, разграничения полномочий, соразмерности финансирования и др., вопрос совершенствования МСУ звучал в контексте обсуждения особенностей пространственного развития муниципальных территорий, их трансформации «в территорию, комфортную для проживания» [10].

Вместе с тем, проводимый нами ранее анализ различных аспектов социально-экономического развития территорий, в том числе в рамках включенности Алтайского края в 2019 г. в реализацию национальных проектов, ставших, по мнению экспертов, своеобразным катализатором развития страны и ее регионов, выявил достаточно неоднозначные взгляды на этот вопрос [11]. Так, алтайские регионоведы уточняют, что термин «национальный проект» в законе о стратегическом планировании не используется и как инструмент в этом процессе не рассматривается, а подобные проекты существуют параллельно действующей системе и представляют сугубо тактический метод решения текущих, годами копившихся про-

блем в экстренном порядке [12]. Как считают специалисты, важнейшей проблемой в рамках государственного стратегического планирования является правильное определение целей и правильное соотношение между целями и средствами. Неверно расставленные приоритеты негативно влияют на перспективы дальнейшего развития. Это связано как с ограниченными ресурсами, так и с разбросанностью и несоординированностью действий [13].

К сожалению, приходится констатировать, что при наличии стратегических планов и многочисленных программ реальные действия органов власти не всегда способствуют созданию для жителей комфортных условий. Невооруженным взглядом горожане видят, как площади, стадионы и парки превращаются в объекты точечной застройки, усугубляется проблема «расшивки узких мест» на транспортных магистралях и пр. С большим трудом утвержденный решением БГД от 30.08.2019 № 344 Генеральный план городского округа – города Барнаула, разработанный иногородними специалистами за счет средств местного бюджета, уже нуждается в серьезной доработке с очередным бюджетными затратами.

Может быть органам МСУ накануне предстоящих в сентябре 2022 г. выборов в Барнаульскую городскую Думу стоит задуматься над соотношением стратегий, тактик и общественного мнения по поводу перспектив развития городского округа. Хотелось бы, чтобы крылатая фраза Л.Н. Толстого «гладко вписано в бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить...» [14] (когда в теории часто всё кажется лёгким и простым, а практика обычно опровергает эти оптимистичные прогнозы и надежды) не высказывалась в отношении принимаемых органами власти решений, многие из которых, несмотря на все трудности, реально направлены на повышение уровня социально-экономического развития Барнаула.

Считаем, что одним из важных документов, определяющих вектор эффективной деятельности органов МСУ г. Барнаула, должна быть муниципальная программа «Совершенствование муниципального управления и реализация национальной политики в городе Барнауле», утвержденная постановлением администрации от 24.12.2019 № 2149 (в ред. от 10.03.2021 № 321).

В завершение затронем еще один аспект развития муниципальных образований, касающийся утвержденной Минстроем России концепции «Умный город» и внедрения программ цифровизации, позволяющих развивать города, регионы и страну в целом. Надеемся, что наш Барнаул достоин того, чтобы стать именно таким городом, продолжая традиции, заложенные много-много лет назад органами местного самоуправления, активными представителями местного сообщества и его замечательными жителями.

Библиографический список

1. Организация управления и самоуправления в крупнейших городах: современное состояние и проблемы: учебно-методическое пособие / под ред. В.Б. Зотова. – М., 2010. – С. 179.
2. Мищенко Вал.В. Формирование территориального планирования: экономические, политические и исторические предпосылки // Планирование социально-экономического развития территории: учебное пособие / Мищенко Вит.В., Троцкий А.Я., Стрижкина В.Н. и др. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. – С. 3.
3. Краснов С.В., Лякишева В.Г. Об эволюции Барнаульского городского самоуправления, его исторических и местных традициях // Известия Алтайского гос. ун-та. - 2016. - № 2 (90). – С. 91-95.
4. Краснов С.В., Лякишева В.Г. Барнаульское городское самоуправление: некоторые историографические аспекты 140-летнего пути // Известия Алтайского гос. ун-та. - 2017. - № 2 (94). – С. 183-187.
5. Муниципальный менеджмент: учебн. пособие для вузов / Т.Г. Морозова, М.П. Победина, Г.П. Поляк и др. – М.: Банки и биржи, ЮНИТИ, 1997.

6. Лякишева В.Г. Совершенствование процесса социально-экономического развития городского округа с применением стратегических и программных методов муниципального управления // Экономика. Профессия. Бизнес. – 2018. – № 2. – С. 53-59.
7. Мищенко В.В., Лякишева В.Г., Бочкарева Е.А. О некоторых правовых, организационных и социально-экономических аспектах повышения эффективности деятельности органов местного самоуправления // Известия Алтайского гос. ун-та. – 2016. – № 3 (91). – С. 128.
8. Официальный сайт города Барнаула [Электронный ресурс]. – URL: <http://barnaul.org/strategy/>.
9. Основные итоги работы администрации города Барнаула 2021. – Барнаул, 2022. – 70 с.
10. Шугрина Е.С. Тенденции развития местного самоуправления: ключевые события 2015-2016 гг. и их влияние на состояние местного самоуправления: доклад о состоянии местного самоуправления в Российской Федерации: Современные вызовы и перспективы развития / под ред. Е.С. Шугриной. – М., 2016. – С. 4-14.
11. Девина К.С., Лякишева В.Г. Состояние, проблемы и перспективы развития автомобильных дорог Алтайского края // Актуальные вопросы функционирования экономики Алтайского края: сборник статей. – Вып. 12. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. 2020. – С. 129-130.
12. Мищенко И.К., Мищенко В.В. Место национальных проектов в системе стратегического планирования экономики // Социально-экономическая политика страны и сибирского региона в условиях цифровой экономики: Материалы XI международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Финуниверситета. – Барнаул: Графикс, 2019. – С. 143-147.
13. Сабына Е.Н. Планирование и прогнозирование // Региональная экономика и политика: учебное пособие. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. 2021. – С. 107.
14. Гладко было на бумаге [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.otrezal.ru/catch-words/89.html>.

Раздел 3

РЕСУРСНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ И ОТРАСЛЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ
СТРАТЕГИЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА В СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Бурматова О.П.*Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН
Россия, г. Новосибирск*

Требования устойчивого развития регионов и страны в целом диктуют важность и необходимость решения проблемы обеспечения экологического благополучия территории, одним из инструментов решения которой являются стратегирование и программирование социо-эколого-экономических аспектов регионального развития. Разработка стратегии природоохранной деятельности региона и поиск путей ее реализации относится к числу важнейших направлений региональных исследований, учитывая долгосрочный характер решения экологических проблем и их тесную взаимосвязь с экономическими и социальными особенностями регионов [1-3; 6].

Разработка экологической стратегии региона является одним из важных звеньев в цепочке документов государственного стратегического планирования, ключевым инструментом которого является программно-целевое планирование, призванное осуществлять постановку целей социально-экономического развития страны и ее регионов, выбор приоритетов социально-экономической и экологической политики, формирование комплексов мероприятий, обеспечивающих достижение указанных целей и приоритетов. При этом разработка и реализация целевых программ регионов-субъектов РФ лежит в основе прогнозирования их развития, квинтэссенцией которого выступает стратегия развития на долгосрочную перспективу, определяющая основные направления деятельности посредством формулирования целей и приоритетов социально-экономического развития региона на долгосрочную перспективу во взаимосвязи трех сфер – экономической, экологической и социальной. Это особенно важно для регионов нового хозяйственного освоения, поскольку такой подход позволяет увязать воедино систему все намечаемые к реализации проекты и мероприятия при условии внедрения инновационной модели развития, соблюдения экологических требований и обеспечения желаемых социальных целей. Стратегия развития регионов строится, исходя из ее миссии и целей социо-эколого-экономического развития, средством достижения которых являются программы (рис. 1).

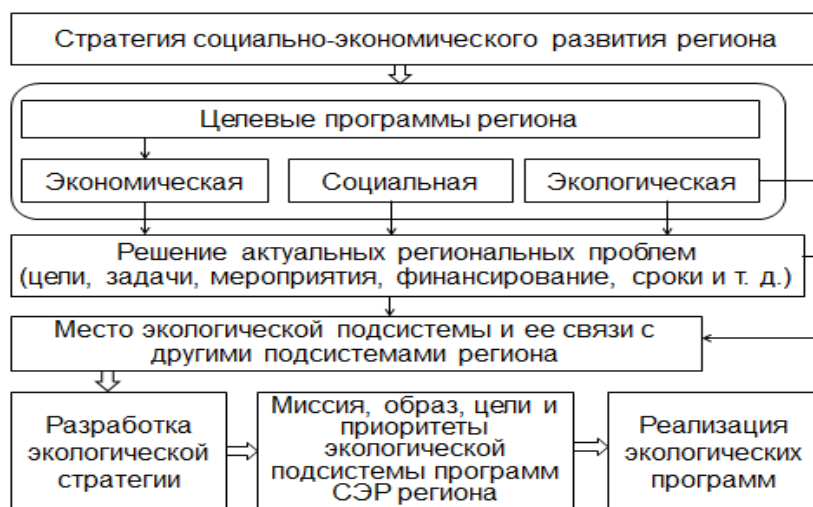

Рисунок 1. – Логика разработки и реализации экологических программ

Источник: составлено автором.

Разработка экологической стратегии начинается с анализа текущего состояния окружающей среды, на основе которого формулируются экологическая миссия и экологический образ будущего (рис. 2), определяются приоритетные проблемы в экологической сфере региона, требующие первоочередного решения.

Рисунок 2. – Экологический образ будущего региона

Источник: составлено автором.

Следующий шаг предусматривает прогнозирование возможных изменений в экологическом состоянии региона и риска возникновения экологического неблагополучия. Результатом данного этапа является разработка региональных экологических программ и в целом разработка системы природоохранных мероприятий.

Заключительным этапом разработки экологической стратегии служит оценка возможных последствий негативного воздействия на окружающую среду и предложения по составу требуемых природоохранных мероприятий в регионе. По результатам данного этапа осуществляется корректировка мероприятий по оздоровлению окружающей природной среды территории при условии эффективного управления всем процессом разработки и реализации экологической программы. Возможности и преимущества региональных программ в решении экологических проблем территории показаны на рис. 3.

Рисунок 3. – Преимущества региональных программ в решении экологических проблем территории
Источник: составлено автором.

Реальная эффективность любой региональной программы (включая экологическую) зависит, в конечном счете, от результативности механизма реализации мероприятий программы и объемов выделяемого финансирования. Механизм реализации предусматривает прежде всего разработку соответствующего законодательства и его неукоснительное соблюдение, формирование экономического инструментария по стимулированию природоохранной и эколого-инновационной деятельности, а также организацию управления, контроля и координации мероприятий программы [3-5].

Практическая реализация основных положений по стратегированию и программированию эколого-экономического развития региона осуществлялась, в частности, на материалах двух территорий – Новосибирской области и Нижнеангарского региона в Красноярском крае [1, 2, 3, с. 95-142, 167-192]. При этом исследования по Нижнему Приангарью выполнялись с использованием разработанного в ИЭОПП СО РАН экономико-математического аппарата, позволяющего осуществлять комплексный анализ различных экологических проблем формирования территориальных производственных систем и нацеленного на всесторонний и достаточно детальный охват экологических аспектов.

Библиографический список

1. Бурматова О.П. Стратегические разработки в районе нового освоения // Актуальные проблемы экономики и права. – 2018. – Т. 12, № 2. – С. 221-240.
2. Бурматова О.П. Экологические вызовы в регионе: анализ, пути предотвращения рисков и снижения угроз // Экономика региона. – 2021. – Т. 17, Вып. 1. – С. 249-261.
3. Бурматова О.П. Методология и инструментарий анализа эколого-экономических аспектов регионального развития / Под ред. А.С. Новоселов. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2021. – 442 с.
4. Селиверстов В.Е. Эволюция регионального стратегирования: опыт Института экономики и организации промышленного производства СО РАН // Сборник докладов Всероссийской конференции с международным участием, посвященной памяти академика А.Г. Гранберга

«Пространственный анализ социально-экономических систем: история и современность» / под ред. В.И. Суслова, Л.В. Мельниковой. – Новосибирск: СО РАН, 2021. – С. 298-307.

5. Стратегическое управление региональным и муниципальным развитием / под ред. А.С. Новосёлова, В.Е. Селиверстова. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2018. – С. 402-462.

6. Kuleshov V.V., Seliverstov V.E. Role of Siberia in Russia's Spatial Development and Its Positioning in the Strategy for Spatial Development of the Russian Federation // Regional Research of Russia. – 2018. – Vol. 8, № 4. – P. 345-353.

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Игнатенко М.Н., Куликова А.А., Третьякова О.С.

*Алтайский государственный университет
Россия, г. Барнаул*

Аннотация. На сегодняшний день в условиях постоянной модернизации экономики, все более важное место занимает туристическая отрасль. На современном этапе развития страны, без государственной поддержки, развитие туризма в регионах не представляется возможным. Именно государственная роль в установлении приоритетов развития региона и принятия стратегических планов, становится вектором развития внутреннего туризма.

Ключевые слова: стратегия, программа, туристский кластер, макротерритория, турпродукт.

Цель госрегулирования туризма заключается в создании благоприятных условий в указанной сфере. Государственное регулирование туризма в России реализуется для того, чтобы, прежде всего, обеспечивать соблюдение права на отдых, свободу в передвижении и некоторые другие права. Также необходимо помнить, что туризм взаимосвязан с использованием различных природных ресурсов, по этой причине важнейшей целью государства выступает охрана окружающей природной среды, сохранение объектов туристского показа, рациональное применение природного и культурного наследия. Важным является и формирование благоприятных условий для всех видов деятельности, которые направлены на воспитание, образование и оздоровление туристов. Туристскую деятельность признают одной из ключевых отраслей экономики, поэтому пристальное внимание должно уделяться созданию и совершенствованию туристической индустрии, которая бы обеспечивала потребность граждан при совершении путешествий, увеличении доходов государства и граждан РФ. Все это необходимо для полноценного развития туризма.

Органами государственной власти предусматривается и осуществляется поддержка развития отрасли через такие инструменты, как бюджетные инвестиции, установление налоговых, визовых, таможенных, инвестиционных льгот и других льгот, являющихся стимулом для развития туризма на территории Российской Федерации [5]. Основопологающим документом для разработки федеральных программ развития туризма является Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 г. [6] (далее – Стратегия). Стратегия направлена на комплексное развитие внутреннего и въездного туризма в за счет создания условий для формирования и продвижения российского турпродукта на внутреннем и международном туристских рынках, а также на обеспечение доступности туристских услуг для граждан нашей страны.

В рамках Стратегии действует Государственная программа Российской Федерации «Развитие туризма» от 24 декабря 2021 г. № 2439, которая включает в себя следующие федеральные проекты: «Развитие туристической инфраструктуры», «Повышение доступности туристических услуг».

ческих продуктов», «Совершенствование управления в сфере туризма», а также комплекс процессных мероприятий «Обеспечение системы управления в сфере туризма». Основной целью программы является разработка конкурентоспособного российского турпродукта [1].

В соответствии с программой, в России планируется развитие туристических макротерриторий, поддержка государственно-частных инвестиционных проектов и разработка собственных туристических концепций регионов. Туристические макротерритории объединяют в себе субъекты Российской Федерации с целью увеличения объема туристского потока, создания единых туристских маршрутов, повышения количества туристических объектов в рамках макротерритории. Так, Алтайский край, наряду с Республикой Алтай и Кемеровской областью, входит в макротерриторию Большой Алтай.

На момент создания новой государственной программы, в которой предлагается объединять субъекты в макротерритории, в каждом из наших соседних субъектов, действовала своя, региональная программа развития туризма. Региональные программы направлены на создание благоприятных условий для развития туристской индустрии, их основными задачами являются повышение качества турпродукта региона, развитие туристической инфраструктуры, увеличение турпотока, продвижение туристского потенциала региона. Также исполнение плана мероприятий, изложенного в региональных целевых программах, обязывает органы местного самоуправления регулярно отчитываться о проведении данных мероприятий и об использованных средствах. Эти данные являются открытыми, размещаются на порталах органов власти и могут, кроме информационной функции еще и повышать доверие жителей региона к управляющим структурам.

В Кемеровской области на сегодняшний день действуют две государственные региональные программы развития туризма «Туризм, молодежная политика и общественные отношения Кузбасса» на 2021-2024 гг.» от 20.10.2020, и «Развитие спортивно-туристического комплекса «Шерегеш» на 2020-2025 гг.» от 22.04.2020. Приоритетными, согласно программам, являются три туристских кластера: «Шерегеш» (Таштагольский муниципальный район), «Поднебесные Зубья» (Междуреченский городской округ), «Северный Кузбасс» (Мариинский, Тисульский муниципальные районы, Чебулинский муниципальный округ). Стоит отметить, что в общем объеме всего туристского потока Кемеровской области, горнолыжный туризм составляет около 70% [2].

В Республике Алтай реализуется государственная программа Республики Алтай «Развитие внутреннего и въездного туризма», утверждённая постановлением Правительства Республики Алтай от 3.02.2020 № 19 [3]. Приоритетными направлениями развития являются экологический, этнографический, активный, событийный, водный туризм. Программа содержит в себе ряд задач, одной из которых является развитие инфраструктуры туристско-рекреационных кластеров. Основным мероприятием в этом направлении является реализация проекта «Создание туристско-рекреационного кластера «Каракольские озера». Также планируется развитие обеспечивающей и туристской инфраструктуры туристско-рекреационных кластеров. Но сами кластеры при этом, в программе не указаны.

В Алтайском крае утверждена государственная программа «Развитие туризма в Алтайском крае» на период 2020-2024 гг. от 23 марта 2020 г. № 125, последние изменения в которую были внесены Постановлением Правительства Алтайского края 26.11.2021 № 435 [4]. Основное внимание в программе планируется уделять следующим туристским кластерам: «Катунь» (Алтайский район), «Белокуриха – Предгорье Алтая» (г. Белокуриха, Смоленский район), «Барнаул-горнозаводской город», спортивно-туристский кластер «Тягун» (Заринский район), автотуристский кластер «Золотые ворота» (г. Бийск), также предполагается развитие особой экономической зоны туристско-рекреационного типа и развитие игровой зоны в Алтайском районе.

На современном этапе развития туристской отрасли края, можно выделить такие проблемы, как:

- недостаточная конкурентоспособность турпродукта по соотношению «цена-качество»;
- наличие сезонности препятствует развитию туризма на протяжении всего года. Четко прослеживается неравномерность туристской активности, пик сезона – с 20 июня по 20 августа;
- наличие ограничений в развитии инфраструктуры и низкие инвестиционные вливания со стороны предпринимателей и государства;
- высокая стоимость авиабилетов;
- недостаточно развитый маркетинг, плохо проинформирована целевая аудитория;
- низкий уровень качества оказываемых туристских услуг в крае. Эта проблема в большей степени, касается массового туризма. Работа над повышением уровня квалификации персонала и стремление к предоставлению более качественных туристских услуг поможет увеличить тур поток в крае.

Стоит отметить, что за последние годы увеличилось значение туризма для экономики края. Этому способствует как участие края в федеральных целевых программах, так и реализация региональной целевой программы развития туризма. Важно акцентировать внимание на том, что Алтайский край обладает большим потенциалом для развития туризма и обладает привлекательными туристскими ресурсами, например, рекреационными, культурными и природными.

Стоит подчеркнуть, что перспективными направлениями развития туризма в крае являются экологический, горнолыжный, гастрономический и медицинский туризм. В регионе регулярно организуются различные форумы, выставки и другие мероприятия, пропагандирующие перспективные виды туризма. Край стал многофункциональным туристским регионом, который предлагает различные программы туризма и отдыха, что также способствует деятельности региональных туроператоров.

Наиболее развитой и вместе с тем, наиболее перспективной отраслью можно считать оздоровительный туризм. Также важно подчеркнуть, что согласно Стратегии развития туризма до 2035 г., лидером санаторно-курортного комплекса Алтайского края является город-курорт федерального значения Белокуриха. Именно в Белокурихе сосредоточена большая часть санаторно-курортного комплекса края. Имеется мощная санаторно-курортная база. Стоит усилить развивать систему туристской навигации в крае, как на русском, так и на иностранном языках, обустройство популярных среди туристов маршрутов, развивать придорожную инфраструктуру края, уделять внимание применению технологий виртуальной реальности на туристских объектах. Все вышеперечисленное станет стимулом роста туристского потока в Алтайский край. Очень важно на сегодняшний день делать упор на приоритетные виды туризма, а именно лечебно-оздоровительный туризм, культурно-познавательный и событийный туризм.

На современном этапе развития отрасли, необходимо создавать условия для развития круглогодичного туризма в крае. Правильное следование данной стратегии сделает Алтайский край центром всесезонного туризма и отдыха, закрепит позиции на отечественном и мировом туристском рынке.

Библиографический список

1. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие туризма»: Постановление Правительства РФ от 24 декабря 2021 г. № 2439 // Доступ из Справ.-прав. системы Консультант Плюс.
2. Государственная программа Кемеровской области ... // Министерство туризма и молодежной политики Кузбасса [сайт]. – URL: <https://mtmp42.ru/ministerstvo/prilozheniya-i-npa/gosudarstvennaya-programma.php>.

3. Об утверждении государственной программы Республики Алтай «Развитие внутреннего и въездного туризма: Постановление Правительства Республики Алтай от 3 февраля 2020 г. № 19 (с изм. на 29 декабря 2020 г., в ред. 24.09.2020 № 317, от 29.12.2020 № 439) // Доступ из Справ.-прав. системы Консультант Плюс.
4. Об утверждении государственной программы Алтайского края «Развитие туризма в Алтайском крае» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/570717387>.
5. Дроздецкая А.А. Государственные, региональные и муниципальные Программы развития туризма как фактор устойчивого развития приграничных регионов Северо-Запада России // Проблемы современной экономики. – 2013. – № 2. – С. 283-286.
6. Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 г.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2019 г. № 2129-р // Доступ из Справ.-прав. системы Консультант Плюс.

ТРАНСФОРМАЦИЯ (ФОРМИРОВАНИЕ) КОНЦЕПЦИИ «ГЕОПАРКА» КАК ЯКОРНОГО ОБЪЕКТА ТУРИСТИЧЕСКОГО КЛАСТЕРА АЛТАЙСКОГО КРАЯ, В РАМКАХ ПЕРСПЕКТИВНОГО НАПРАВЛЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Краморенко С.В.

*Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН
Россия, г. Новосибирск*

Аннотация. На территории Российской Федерации насчитывается около 3000 официально зарегистрированных государственных геологических памятников природы [1]. Перспективность возникновения и развития разветвленной сети геопарков в России весьма высока. Как показывает мировой опыт, геопарки – это территории, где хозяйственная деятельность и охрана природы находятся в балансе и демонстрируют эффективную политику устойчивого развития.

Для России создание геопарков достаточно новое явление. На сегодняшний день лишь один российский геопарк «Янтан-Тау» был включен в сеть глобальных геопарков, геопарк «Торатау» еще только находится в статусе возможного потенциального проекта международного уровня. Таким образом, на территории Республики Башкортостан, в рамках реализации концепции устойчивого развития формируется стратегия развития геопарков как определенной платформы развития региона, основанной на сохранении природного разнообразия, стратегии декарбонизации экономики, экологической безопасности и привлечении инвестиций во внутренний туристические дестинации.

Территория Алтайского края по географическому положению, геологическому строению, и другим показателям во многом схожа с природными условиями Республики Башкортостан, и обладает значительным потенциалом и перспективами для создания инфраструктуры и развития экотуризма. В этом ключе создание сети геопарков, в рамках трансформации туристического кластера, на территории края может являться определенной точкой роста региона.

Ключевые слова: геопарк, управление развитием, точка роста, стратегическое планирование, региональная политика, кластерный анализ.

Геопарк как основа неиндустриального развития территории. Сеть глобальных геопарков ЮНЕСКО включает 147 геопарков в более чем 40 странах мира. Согласно определению ЮНЕСКО, «геопарк» – это комплексная географическая территория, обладающая природными

объектами, международным геологическим наследием, принципами управления которой являются защита природных ресурсов, образование и устойчивое развитие. Сохранение геологического и негеологического наследия территории с возможностью использования их как объектов для популяризации науки и туризма, является главной целью геопарка. В 2004 г. при объединении 17 европейских и 8 китайских геопарков и поддержке ЮНЕСКО была создана Глобальная сеть геопарков – Global Geoparks Network (GGN) [4].

18 октября 2017 г. распоряжением Правительства Республики Башкортостан № 1009-р в Салаватском районе создан геопарк «Янган-Тау». На его территории расположено более 20 геологических объектов; из них 3 (разрез «Мечетлино», разрез «Большая Лука», гора Янгантау) имеют международную, 10 – национальную и 21 объект – образовательную значимость. В сентябре 2019 г. геопарк «Янган-Тау» первым в Российской Федерации был включен в глобальную сеть геопарков ЮНЕСКО [3].

Каждая территория, потенциально претендующая называться геопарком, должна обладать некой визитной карточкой, уникальным природным объектом или группой объектов, которые подчеркивают георазнообразие территории.

Например, в геопарке «Торатау», центром притяжения являются поднятые над поверхностью земли карбонатные массивы пермских рифов – шиханы, и само его имя дано по одному из них. Изначально шиханы – это субмеридиональная цепочка одиночных гор в Стерлитамакском районе (с юга на север): Торатау, Шах-тау, Куш-тау и Юрак-тау. Есть еще небольшие холмы, сложенные биогермами, и также называемые шиханами (Малый, Новый). Благодаря планетарной уникальности, шиханы внесены в Глобальный реестр геологического наследия по программе Geosites [2].

Визитной карточкой регионального геопарка в Республике Якутия являются уникальные природные образования, известные как Ленские столбы. В геопарке «Янган-Тау» основными объектами притяжения являются стратиграфические разрезы отложений мезозойского возраста, с отлично сохранившимися остатками рыб и моллюсков юрского и пермских периодов, что дает возможность посетителям и туристам перенестись на берега древнего моря, ранее омывавшего склоны уральских гор.

Формирование идеи, определенной общей тематики функционирования пространства, объединение внешне различных объектов локальной инфраструктуры – является важной частью стратегии развития геопарков.

На сегодняшний день, регионе функционируют 107 особо охраняемых природных территорий (далее – ООПТ) краевого значения (38 государственных природных заказников, 67 памятников природы, природные парки «Ая» и «Предгорье Алтая») и ООПТ федерального значения, представленная государственным природным заповедником «Тигирекский» [1].

Геопарк как инфраструктурная площадка развития экотуризма региона. Из опыта формирования инфраструктуры геопарков международного уровня в Башкирии, следует, что при сравнении различных территорий претендующих на роль геопарка как некой платформы развития региона, можно выделить три главных фактора, делающих территорию благоприятной для создания соответствующего типа объектов устойчивого развития территории.

Первый фактор – богатые природные ресурсы, в том числе геологические объекты международного значения, а также обширные территории, обладающие потенциалом для развития рекреационного туризма.

Второй, не менее важный, фактор – история региона, уходящая корнями к могущественному народу – сарматам, населявшим территорию столетия назад, подтверждения чему археологи находят до сих пор.

Третьим фактором является культура Башкирии, которая славится традиционными ремеслами, национальными празднествами и этно-фестивалями, своей кухней и гостеприимством.

Кроме этого важным элементом развития территории является тематическая кластеризация, которая в конечном итоге носит интеграционный эффект. Территорию у горы Юрактау предполагается развивать как научный кластер. Кластер «Зилим» уже в настоящее время предлагает широкий выбор спортивных и рекреационных активностей, начиная с соревнований по рафтингу и экстремальным прыжкам с веревкой и заканчивая полетами на парашюте или спокойными прогулками по сосновым лесам [3].

Археологический центр «Хазиново» стал отправной точкой для большинства маршрутов, связанных с историко-культурным наследием геопарка. Располагающаяся в центре арт-резиденция сможет проводить круглогодичные программы для разных типов аудиторий, что способствует созданию здесь творческих сообществ. Все центры геопарка в зависимости от сезона, длительности поездки и личных предпочтений туристов могут обеспечить круглогодичный характер работы данного инфраструктурного проекта. Эти обстоятельства характерны для сформированных и формирующихся региональных геопарков на территории РФ.

Проблема сохранения геологического наследия в Якутии на сегодняшний день является актуальной и требует незамедлительного поиска решения. Геопарк на территории Якутии отличается от других наличием здесь большого количества уникальных геологических объектов, однако не все из них являются доступными для непосредственного осмотра туристами. Такими объектами были выбраны каменные останцы (столбы) на трех реках: Сиинэ (Синей), Лене и Олекме. Они находятся в северной, центральной и западной частях геопарка соответственно. Ленские столбы являются выдающимся примером формирования и сохранения весьма выразительного ландшафта в особых климатических условиях, характерных для северо-востока России.

На территории Оренбургской области могут быть размещены геопарки. Одним из них может стать геопарк «Кувандык». Он протягивается на территории нескольких районов: Оренбургского, Первомайского, Соль-Илецкого, Саракташского, Акбулакского, Беляевского и Кувандыкского. Общая площадь геопарка – 31712 км² [3]. На территории находится около 110 геологических объектов. Среди них можно выделить гору Маяк, которая находится на западной окраине г. Оренбурга, где в 1773 г. размещался наблюдательный пункт армии Е.И. Пугачева; заповедник «Оренбургский», на некоторых участках которого расположены древние курганы и курганные могильники, принадлежащие сарматской культуре VII–III вв. до н.э.; Андреевские Шишки, представлены цепочкой из пяти шишкообразных эрозионно-останцовых холмов-гор с относительным превышением над поймой р. Ускалык от 160 до 210 м [4].

Алтайский край является конкурентоспособным туристским центром России. Регион обладает развитой сетью туристской и транспортной инфраструктуры, с определенным ассортиментом туристских продуктов высокого качества, востребованных на зарубежном и российском рынках. Регион является гарантом привлекательного, безопасного и комфортного отдыха и туризма [1]. В целях сохранения биологического и ландшафтного разнообразия, мест обитания редких и исчезающих видов животных и растений, а также экологического воспитания и просвещения населения на территории Смоленского, Алтайского и Солонешенского районов создан природный парк краевого значения «Предгорье Алтая».

В рамках регионального проекта «ФАС Алтая», на территории Алтайского края в пределах природного парка «Предгорья Алтая» были выделены геообъекты, которые потенциально могут быть рассмотрены как центры притяжения возможного геопарка. Среди них можно выделить группы скал-останцов Амбарчики и Огородчики, горы Бобырган и Круглая, верховья реки Сычевка и тд. Потенциальным объектом инфраструктуры геопарка может быть формирующийся на территории Солонешенского района археологический кластер «Денисова пещера».

Для формирования развитой сети геообъектов, необходимой для экскурсионного направления и просветительских и научных целей необходимо использовать объекты и горно-

индустриального наследия. Ярким примером использования объектов горно-индустриального является карьер Рускеала в Республике Карелия, который за сравнительно небольшое время стал важной региональной туристической дестинацией.

В этом ключе перспективным направлением развития концепции геопарка на территории парка «Предгорья Алтая» является тематика, связанная с историей добычи золота и полиметаллических руд на территории Смоленского и Алтайского районов в пределах бассейнов рек Баранча и Старобелокуриха. Возможно создание объектов размещения и тематических центров в стиле старательских артелей, работающих на данной территории несколько столетий назад, единого музея золотодобычи юга Западной Сибири.

Геопарк как драйвер социально-экономического развития территории. Проведенный анализ природной привлекательности и развития инфраструктуры территории геопарка «Янган-Тау» показал, что благодаря развитию геотуризма, обустройству геологических объектов и развитию туров и экскурсий туристский поток в Салаватский район Республики Башкортостан увеличился на 20%. На рисунке 1 можно увидеть значительное увеличение продаж турпакетов на региональном рынке в 2019 г., перед пандемийным обвалом рынка туристических услуг.

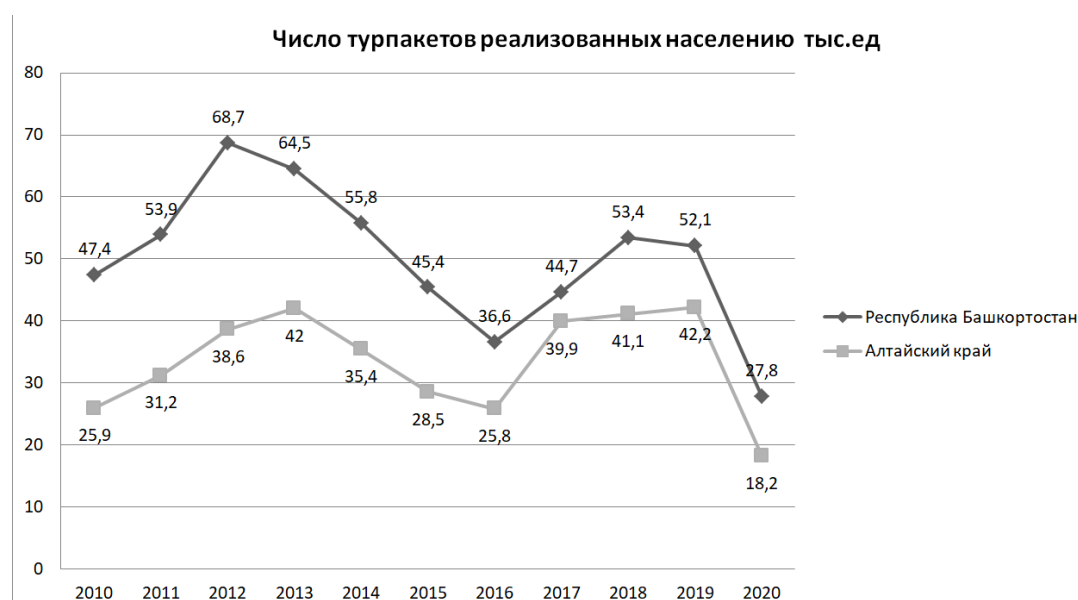

Рисунок 1. – Динамика реализации туристических пакетов населению Республики Башкортостан и Алтайского края [6, 7, 8].

Во многом, увеличение регионального турпотока, можно связать с реализацией концепции геопарков как базового элемента региональной политики, направленной на развитие внутреннего туризма, привлечения инвестиций, формирования транспортной инфраструктуры, строительства и локализации средств размещения, необходимой для создания на базе геопарка соответствующего тематического туристического кластера. К примеру, только за 2020 г. в Республике Башкортостан произошел прирост фонда коллективных средств размещения в индустрии туризма более чем на 25%.

Сильными сторонами развития, согласно проведенного правительством и органами управления республики SWOT-анализа являются: региональная идентичность; 2-3-х часовая доступность территории геопарка к городам более 1 млн чел. (Уфа, Челябинск, Пермь Екатеринбург); высококачественные агропродовольственные региональные товары; наличие имиджа, бренда территории; заинтересованность местных властей в развитии территории, наличие уникальных культурно-исторических ресурсов; наличие благоприятных природных и климатических условий.

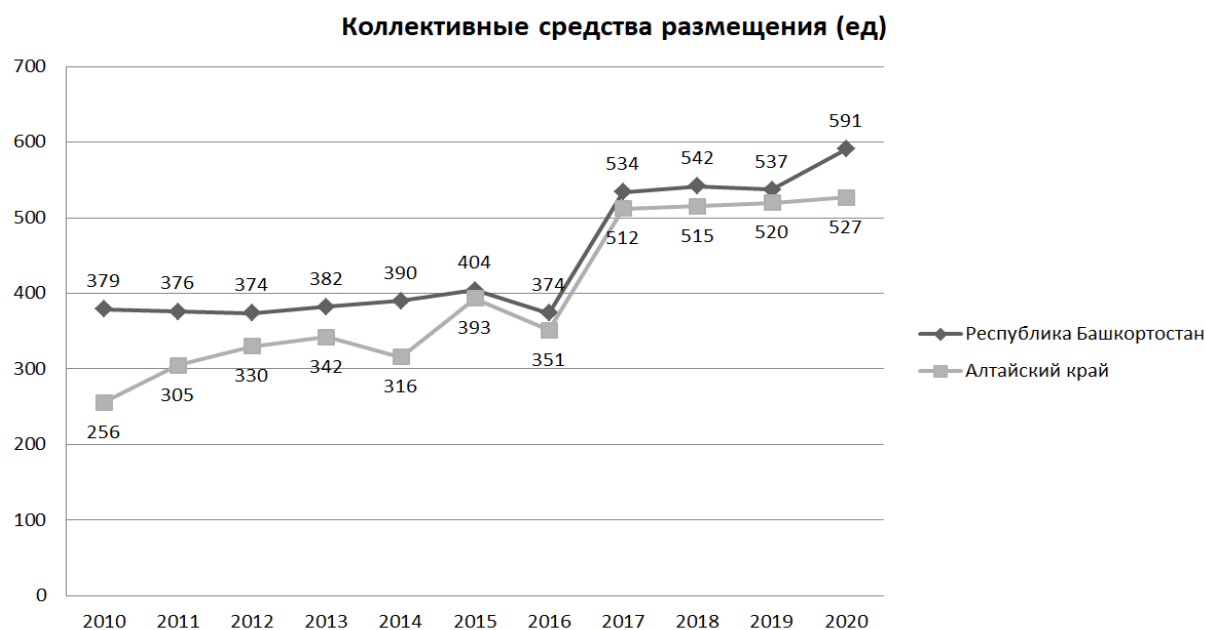

Рисунок 2. – Состояние фонда региональных коллективных средств размещения [6, 7, 8]

Согласно графикам, можно понять, что увеличение турпотока и средств размещения на территории Алтайского Края идет поступательно, но достаточно медленными темпами. Возможно в рамках реализации концепции развития туристического кластера на территории Белокуриха-2, следует сформировать некоторый аналог геопарка, который будет определенной точкой роста, центром развития предгорных районов края. Развитие сети геопарков является одним из перспективных путей устойчивого развития территории, охраны природы, стимулирования экономики региона, поддержки традиционного образа жизни местного населения и сохранения уникального культурного наследия.

При реализации проекта развития геопарка на Территории Алтайского края ожидаемый социально-экономический эффект будет выражаться в развитии территориальной инфраструктуры (транспортной, туристской, социальной), стимулировании традиционных форм природопользования и производства экологически чистых продуктов питания, увеличению занятости в сфере туризма, инвестиций, что будет реально способствовать увеличению налогооблагаемой базы и доходов бюджетов. В рамках реализации концепции, важным направлением работы геопарка также является развитие научного потенциала территории: информационно-просветительская деятельность, создание научно-популярных ресурсов, проведение мероприятий с целью популяризации естественных наук, участие в региональных, национальных и международных конференциях, симпозиумах, грантах. Важным аспектом реализации данного проекта на территории Алтайского края и России является закрепление понятия «геопарк» в республиканском и федеральном правовом поле и разработка закона «О геологическом наследии и геопарках».

В итоге, развитие геопарков как возможного элемента общего процесса кластеризации в сфере туризма позволит повысить степень сформированности трансграничных туристско-рекреационных регионов и в целом будет способствовать социально-экономическому развитию Алтайского края.

Библиографический список

1. Стратегия социально-экономического развития Алтайского края до 2035 г. // Доступ из Справ.-прав. системы Консультант Плюс.
2. Капков С.А., Лукашина Н.А., Третьякова Е.А. Механизмы достижения целей устойчивого развития в геопарке «Торатау» // Геологический вестник. – 2019. – № 3. – С. 12-17.

3. Ковалев С.Г. Геопарки как основа неиндустриального развития территорий // Геологический вестник. – 2019. – № 3. – С. 3-11.
4. Исмагилов Р.А., Фархутдинов И.М., Фархутдинов А.М. Создание геопарка ЮНЕСКО в Башкирии // Природа. – 2018. – № 1. – С. 35-41.
5. UNESCO Global Geoparks. – URL: <http://www.unesco.org/new/en/natural-sciences/environment/earth-sciences/unesco-global-geoparks/>.
6. Регионы России. Социально-экономические показатели. – 2017: Р32. Стат. сб. // Росстат. – М., 2017. – 1402 с.
7. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: Р32. Стат. сб. // Росстат. – М., 2019. – 1204 с.
8. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: Р32. Стат. сб. / Росстат. – М., 2021. – 1112 с.

РЕГИОН: ПЛЮСЫ И МИНУСЫ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Попов Р.А.

*Калужский филиал РАНХиГС
Россия, г. Калуга*

*Научный руководитель – Круглов В.Н.
Калужский филиал РАНХиГС
Россия, г. Калуга*

Аннотация. С процессами всеохватывающей глобализации, в том числе экономической, в мире стали особенно актуальны и распространены миграционные процессы. Ввиду их масштаба и значимости они оказывают существенное влияние на социально-экономическое развитие государства и их отдельных территориальных единиц. Так как миграционные процессы в первую очередь оказывают влияние на состав и структуру трудоспособного населения государства и его регионов, мониторинг миграционных процессов и тенденций крайне важен для разработки социальной и экономической политики и определения их приоритетов на федеральном и региональном уровне. Актуальность данного исследования объясняется значимостью миграционных процессов в современном обществе и их существенным влиянием на социально-экономическое развитие Российской Федерации и ее субъектов. Также актуальность обусловлена важностью регулярного мониторинга и анализа миграционных процессов с целью определения приоритетов и задач развития региона. Объектом данного исследования является миграция населения, а предметом – миграционные тенденции Калужской области и их влияние на социально-экономическое развитие региона. Целью данного исследования является определение миграционных тенденций в Калужской области и выявление их влияния на социально-экономическое развитие региона. Конечным результатом данного исследования будет являться определение характера влияния миграционных тенденций в Калужской области на ее социально-экономическое развитие и разработка отдельных рекомендаций по устранению проблем в данной области.

Ключевые слова: миграция населения, миграционный прирост, демография, Калужская область, численность населения.

Мобильность населения является той социальной характеристикой, которая во многом зависит от внешних факторов и уровня общественного развития. Она проявляется наиболее

ярко тогда, когда доступны возможности для улучшения условий жизнедеятельности, которые обуславливаются множеством внешних факторов. Процессы глобализации, являющиеся в современном мире наиболее яркими характеристиками его развития, актуализировали в том числе и миграционные процессы, которые являются значимым показателем мобильности населения.

Миграция населения предполагает массовые территориальные перемещения людей, связанные с пересечением внешних и внутренних границ административно-территориальных образований с целью смены места жительства. Катализаторами миграционных процессов являются две группы факторов – выталкивающие (то есть те, которые характеризуют настоящее место жительства как неблагоприятное) и привлекающие (то, которые характеризуют потенциальное место жительства как благоприятное и потому привлекательное [1].

Так как миграционные процессы в первую очередь оказывают влияние на состав и структуру трудоспособного населения государства и его регионов, мониторинг миграционных процессов и тенденций крайне важен для разработки социальной и экономической политики и определения их приоритетов на федеральном и региональном уровне [2].

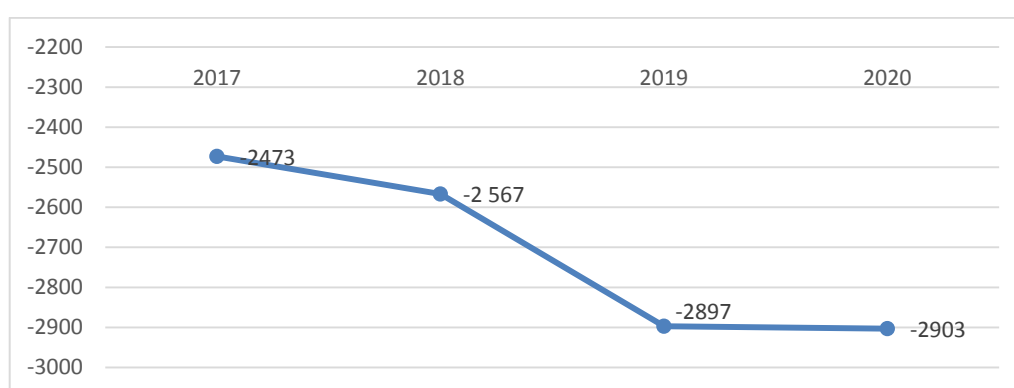

Рисунок 1. – Динамика темпов миграционного роста в Калужской области за период 2017-2020 гг.

Исходя из рисунка, можно сделать вывод о том, что в последние несколько лет в Калужской области зафиксирован отрицательный миграционный прирост (убыль) населения [3]. Данная устойчивая миграционная тенденция последних лет в Калужской области является негативной, поскольку в качестве причин включает в себя как внутренние выталкивающие факторы (которые характеризуют Калужскую область как неблагоприятный для жизнедеятельности регион), так и привлекающие (которые характеризуют иные субъекты РФ или государства мира как более благоприятные для жизнедеятельности и более потому предпочтительные в качестве места жительства. С целью детализированного анализа рассмотрим структуру миграции населения в Калужской области за 2019 г., представленную в таблице 1 [4].

Таблица 1. – Миграция населения Калужской области за период 2020 г.

миграция		прибыло	выбыло	миграционный прирост (убыль)
всего		35 934	37 007	- 1 073
в пределах России	межрегиональная	13 447	16 397	- 2 950
	внутрирегиональная	8 475	8 475	-
международная	со странами СНГ	13 546	11 957	- 889
	с иными странами	466	178	+ 288
внешняя миграция региона		27 459	28 532	- 1 073

Исходя из таблицы 1, можно сделать вывод о том, что на 2020 г. в Калужской области наблюдалась миграционная убыль населения. В область прибыло 27 459 чел., а убыло 28 532

чел. Помимо этого, 8475 чел. сменили место жительства, не выезжая за пределы Калужской области. Рассматривая структуру миграционных процессов на территории Калужской области, можно отметить, что большее выбытие населения из региона наблюдается в пределах России, нежели в международном охвате. Миграционная убыль также наблюдается по показателям межрегиональной миграции – население Калужской области в 2020 г. чаще предпочитало место жительства в другом субъекте РФ, нежели население иных регионов Калужскую область в качестве места жительства и трудовой деятельности.

Относительно международной миграции на территории Калужской области следует отметить, что на 2019 г. единственный положительный показатель (миграционный прирост) наблюдается только в отношении миграции в Калужскую область населения стран, не относящихся к бывшим союзным республикам. Показатель же миграции населения из стран Союза Независимых Государств в Калужскую область на 2020 г. представляет собой миграционную убыль.

Таким образом, можно сделать выводы о том, что одной из основных миграционных тенденций Калужской области является миграционная убыль населения, обусловленная как сменой места жительства и трудовой деятельности внутри РФ, так и вне ее пределов. Однако показатели внутренней миграционной убыли несколько больше, чем внешней, что позволяет сделать вывод о том, что Калужская область является по мнению населения менее подходящей для жительства и трудовой деятельности, чем другие регионы России. Необходимо проанализировать внутреннюю миграцию населения Калужской области и динамику ее темпов (табл. 2).

Таблица 2. – Внутрорегиональная миграция в Калужской области за период 2017 – 2020 годы

Год	Городская местность			Сельская местность		
	Прибыло	Убыло	Всего	Прибыло	Убыло	Всего
2017	4 678	4 880	- 202	3 179	3 381	202
2018	4 887	4 998	- 111	3 220	3 331	111
2019	4 998	5 156	- 158	3 365	3 585	158
2020	5 078	5 173	- 95	3 397	3 302	+ 95

Исходя из Таблицы 2, можно сделать вывод о том, что в Калужской области за рассматриваемый период последних лет в городской местности зарегистрирована миграционная убыль населения, и, соответственно, миграционный прирост в сельской местности. Подобная тенденция внутрорегиональной миграции является в современной экономической ситуации России весьма распространенной, поскольку в сельской местности наблюдается кадровый голод, а в городской местности высокая конкуренция на рынке труда и высокие цены на жилье в совокупности создают выталкивающий фактор. Таким образом, можно сделать следующие выводы относительно миграционных тенденций в Калужской области:

- в течение последних лет наблюдается устойчивая миграционная убыль населения региона, обусловленная в основном межрегиональной миграцией;
- в течение последних лет в Калужской области зарегистрирована тенденция к субурбанизации (переселению людей из городской местности в сельскую).

Данные тенденции оказывают существенное влияние на социально-экономическое развитие региона и реализацию им государственной региональной политики в социальной сфере. Влияние как таковое заключается в основном в выявлении на счет анализа миграционных процессов определенных проблем и слабых мест в социальной и экономической политики региона [5]. Выявленные миграционные тенденции демонстрируют непривлекательность Калужской области в качестве места жительства и трудовой деятельности ее коренных жителей по сравнению с иными субъектами РФ и странами СНГ, наличие определенных преимуществ

сельской местности региона перед городской. Последствия существующий устойчивых тенденций могут привести к сокращению населения Калужской области, снижению ее инвестиционной привлекательности, снижению качества жизни и т.д. [6].

Необходима реализация различных социально-политических мер на уровне субъекта РФ с целью выравнивания ситуации, связанной с существующими миграционными тенденциями. Необходимо формировать внутреннюю миграционную привлекательность Калужской области, которая будет демонстрировать преимущества перед соседними регионами РФ для проживания и трудовой деятельности [7, с. 491].

Наиболее эффективным путем реализации политики в этом направлении будет разработка и выполнение целевой программы по привлечению трудовых ресурсов в Калужскую область с перспективой семейной миграции на постоянное место жительства. Конечно, основной задачей данной программы должно стать решение жилищного вопроса – то есть обеспечение жильем работников различных категорий. В качестве начального этапа реализации программы предлагается в первую очередь разработать механизмы обеспечения жильем работников крупных производственных предприятий, функционирующих на базе индустриальных и технологических парков региона, что позволит повысить не только миграционную привлекательность Калужской области, но и усовершенствовать ее инвестиционный климат, и структуру трудового потенциала. Также целевая программа должна содержать такие задачи, как обеспечение жилищного фонда для реализации целей программы и введение различных налоговых и финансовых льгот для прибывших на постоянное место жительства в Калужскую область [8, с. 151].

Таким образом, исходя из анализа миграционных тенденций в Калужской области, можно сделать вывод о том, что необходимо реализовывать конкретные меры формирования миграционной привлекательности региона и в частности, его центра – города Калуги в рамках региональной целевой программы в области совершенствования структуры трудового потенциала региона, которая должна включать в себя различные стимулирующие меры.

Библиографический список

1. Сушков Ю.С. Миграция населения: закономерности, проблемы и пути их решения // Academia. Архитектура и строительство. – 2018. – № 4. – С. 41-48.
2. Акаев А.А. Миграция: формы и роль в улучшении качества жизни населения // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2017. – № 1. – С. 78-85.
3. Официальный сайт органов власти Калужской области. – URL: <http://admoblkaluga.ru>.
4. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Калужской области. – URL: <https://kalugastat.gks.ru>.
5. Мамедбекова М.О. Проблемы миграции населения России на современном этапе // Вопросы структуризации экономики. – 2018. – № 5. – С. 21-29.
6. Цыденжапова Л.Ч., Антохонова И.В. Тенденции миграционных процессов в регионах РФ // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2019. – № 2. – С. 34-39.
7. Круглов В.Н. Инструменты государственного регулирования инновационного развития региона // Финансовая экономика. – 2019. – № 1. – С. 489-491.
8. Круглов В.Н., Тютин Д.В. Качество жизни как императив современного экономического развития // Modern Economy Success. – 2020. – № 2. – С. 145-151.

КОРПОРАТИВНАЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РОССИЙСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ¹

Ростовская Т.К.

*Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
Россия, г. Москва*

Аннотация. В публикации представлен краткий обзор реализации концептуальных основ корпоративной демографической политики российских организаций на период до 2030 г., разработанных ИДИ ФНИСЦ РАН при участии автора.

Ключевые слова: корпоративная демографическая политика, социальная ответственность российских организаций, опыт реализации ИДИ ФНИСЦ РАН корпоративной демографической политики.

Несмотря на расширенные программы государственного стимулирования в сфере демографического развития, в настоящее время перед российским обществом остро стоит ряд демографических и социальных проблем: снижается рождаемость, происходит естественная убыль населения, рождение детей в семье сопровождается снижением уровня жизни. Эти тенденции создают угрозу демографической безопасности России и вызывают озабоченность и беспокойство ученых, экспертов, политиков, работодателей [1]. В этой связи актуальными являются разработанные Институтом демографических исследований при участии автора «Концептуальные основы корпоративной демографической политики российских организаций на период до 2030 г.».

В рамках Концепции, корпоративная демографическая политика российских организаций – представляет собой целостную систему принципов, задач, норм правил поведения и приоритетных мер, реализуемых в организациях, направленных на поддержку государственных решений в области демографии, обязательных для всех участников процесса управления персоналом и разработанных с учетом внутриорганизационных условий и внешних демографических вызовов, стоящих перед страной и конкретным регионом [2].

Реализация корпоративной демографической политики, на наш взгляд, может решать следующие задачи: улучшение социально-психологического климата на предприятии; усиление трудовой мотивации и создание условий для трудовой активности работников одновременно как в сфере профессионального труда, так и в семейно-родительской сфере; снижение показателей текучести персонала, повышение лояльности работников; улучшение состояния здоровья работников и их детей.

Корпоративная демографическая политика, выступая составной частью социальной ответственности, может компенсировать недостаточность оказываемой государством помощи семьям с детьми и усилить оказываемую в области родительства поддержку на макро-уровне. При этом государство способно активизировать корпоративную демографическую политику организаций комплексом мер (благоприятный налоговый режим; субсидии и льготы; предоставление преимуществ при получении государственных заказов и т.д.). Ключевой целью реализации российскими организациями корпоративной демографической политики является обеспечение наиболее благоприятных нравственных, экономических и социальных условий для реализации сотрудниками предприятия родительских и других семейных функций при условии их занятости на рынке труда.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект №20-18-00256 «Демографическое поведение населения в контексте национальной безопасности России».

В качестве примера положительного опыта реализации корпоративной демографической политики в российских научных организациях можно привести деятельность Института демографических исследований (ИДИ) ФНИСЦ РАН. Ежегодно в ИДИ ФНИСЦ РАН проводятся мероприятия, направленные на укрепление семейных ценностей в молодежной среде, пропаганду многопоколенной российской семьи. В 2021 г., среди детей, внуков и правнуков сотрудников прошёл конкурс детского рисунка «Моя счастливая семья», приуроченный к Международному Дню семьи (15 мая) [3].

Конкурс направлен на повышение роли и значимости семьи, многопоколенности, распространение положительного опыта семейных отношений, нравственное воспитание детей средствами художественного творчества, развитие корпоративной культуры коллектива ИДИ ФНИСЦ РАН на основе ценностей благополучной семьи и детства. 15 мая 2022 г. был подведен итог Всероссийского конкурса корпоративной социальной рекламы «Благополучная семья – фундамент российского общества»[4]. Победителями конкурса социальной рекламы в номинации «Многодетная семья» стали научные работники из Вологодского центра РАН, в номинации «Молодая семья» научные работники ИДИ ФНИСЦ РАН. Цель Конкурса – повышение роли и значимости традиционной российской семьи (в том числе, молодой и студенческой), распространение положительного опыта семейных отношений среди молодежи, популяризация ценности материнства, отцовства и детства средствами социальной рекламы, а также развитие корпоративной культуры в российских научных и образовательных организациях на основе ценностей благополучной семьи и детства.

Таким образом, разработанные ИДИ ФНИСЦ РАН Концептуальные основы корпоративной демографической политики российских организаций на период до 2030 г.» служат основой для работы российских организаций в сфере пропаганды семейного образа жизни, благополучной детной (многодетной) семьи; поддержки, укрепления и защиты семьи как фундаментальной основы российского общества, сохранения традиционных семейных ценностей, повышения роли семьи в жизни общества, повышения авторитета родительства в семье и обществе, профилактики и преодоления семейного неблагополучия, улучшения условий и повышения качества жизни российских семей.

Вопросы, связанные с реализацией в РФ Концепции корпоративной демографической политики российских организаций рассматривались 21 января 2022 г. на Межрегиональном научно-методологическом семинаре, организованном ИДИ ФНИСЦ РАН. На мероприятии активное участие приняли руководители научных организаций, ведущие ученые, представители бизнеса. Был представлен опыт корпоративной поддержки российских семей в Вологодской, Волгоградской, Свердловской областях, а также обозначены проблемы реализации корпоративной демографической политики на региональном уровне.

На наш взгляд, в странах с негативными демографическими прогнозами корпоративная демографическая политика может стать одним из важнейших элементов социальной ответственности бизнеса. Цели корпоративной демографической политики имеют два уровня: 1) глобальные – снижение социальной напряженности в обществе, повышение количественных и качественных результатов родительства; 2) локальные – повышение лояльности и результативности персонала предприятия – то есть работников, уже имеющих детей или же намеревающихся стать родителями.

Библиографический список

1. Ростовская Т.К., Шабунова А.А., Багирова А.П. Концепция корпоративной демографической политики российских организаций в контексте социальной ответственности бизнеса // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2021. – Т. 14, № 5. – С. 151-164.
2. Багирова А.П., Вавилова А.С. Корпоративная демографическая политика как поддержка реализации государственной пронаталистской политики: содержание и потенциальные эффек-

ты // II Всероссийский демографический форум с международным участием: материалы форума (Москва, 4–5 декабря 2020 г.) / отв. ред. С.В. Рязанцев, Т.К. Ростовская; ФНИСЦ РАН. – М.: ООО «Объединенная редакция», 2020. – С. 271-274.

3. Итоги конкурса детского рисунка «Моя счастливая семья» // ИДИ ФНИСЦ РАН [сайт]. – URL: <https://idrras.ru/news/2021/may/itogi-konkursa-detskogo-risunka.html>.

4. Итоги всероссийского конкурса корпоративной социальной рекламы // ИДИ ФНИСЦ РАН [сайт]. – URL: <https://idrras.ru/news/2022/may/itogi-vserossijskogo-konkursa-korporativnoj-sotsialnoj-reklamy.html>.

РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОБРАЗОВАНИИ

Жибуляк Е.С.

*Алтайский филиал РАНХиГС
Россия, г. Барнаул*

*Научный руководитель – Проказина Н.В.
Алтайский филиал РАНХиГС
Россия, г. Барнаул*

Аннотация. За длительный период времени в нашей стране накоплен большой опыт в сфере образования. Социально-экономическое развитие страны, ее культурный и научный потенциал напрямую зависят от системности и последовательности реализации вопросов образования, которую осуществляет государственная политика. Современное образование – одно из средств решения важнейших проблем как общества, так и отдельных ее субъектов.

Ключевые слова: государственная политика, образование, образовательные учреждения, государство, методы реализации.

Государственная политика представляет собой деятельность органов государственной власти, направленная на решение поставленных целевых ориентиров и задач, определенных в соответствии с проблемами, существующими в конкретных отраслях и сферах функционирования управленческой системы [5, с. 47]. Государственная политика всегда характеризуется тремя важными компонентами:

- субъект – тот, кто осуществляет такую политику;
- объект – направленность деятельности субъекта;
- методы – способы и средства, используемые субъектом политики для оказания управленческого воздействия на объект.

Образование – социальная сфера деятельности, направленная на осуществление передачи знаний и опыта об окружающей действительности из поколения в поколения, от одного человека к другому. Для решения проблем функционирования сферы образования государство проводит соответствующую политику, обуславливая применение вышепредставленных компонентов. Так, субъектами проведения такой политики являются органы государственной власти, преимущественно исполнительной ветви, во главе с Правительством РФ. В сфере образования – это его федеральные министерства в лице Министерства науки и высшего образования и Министерства просвещения. Определившись с субъектами осуществления государственной политики в сфере образования необходимо отметить и ее объекты. Это непосредственно:

- образовательные учреждения, в которых осуществляется предоставление соответствующих услуг заявителям. К таким учреждениям можно отнести: ВУЗы, колледжи, ПТУ, школы и т.д.;

- уровни образования. В РФ это – дошкольное, начальное, основное, среднее специальное и высшее образование. Каждый такой уровень характеризуется своими особенностями проведения образовательного процесса и оказания соответствующих услуг.

Методы реализации государственной политики в сфере образования:

Метод правового регулирования. Данный метод основывается на регламентировании правовых основ осуществления государственной политики в сфере образования. В РФ это, безусловно, Конституция РФ. Например, именно Конституция устанавливает в ч. 1 ст. 43 право человека на образование в независимости от наличия различных социально-классовых ограничений [1]. Нельзя не отметить и основополагающий правовой акт в сфере образования – это Федеральный закон РФ «Об образовании». Проводя анализ его положений, можно выделить ключевые принципы осуществления государственной политики в сфере образования: признание приоритетности образования, гуманистический характер образования и т.д. [2].

Метод программного регулирования. Данный метод основывается на проведении государственной политики как в сфере образования, так и в других социально-экономических сферах с использованием государственного программирования или программно-целевого подхода. Он строится на реализации входящих в его состав государственных программ. В сфере образования такая государственная программа несет название – «Развитие образования». Срок ее реализации 2018-2025 гг. Направленность программы – совершенствование системы управления образованием и развитие качества предоставления соответствующих услуг [3]. На основании доклада Министерства экономического развития РФ о мониторинге реализации государственных программ РФ в 2020, государственная программа «Развитие образования» имеет процент эффективности 85,4%, что относит ее к категории среднеэффективных программ по эффективности и качеству реализации [6].

Метод проектного регулирования. Данный метод строится на проектном управлении, как элементе социально-экономического развития отраслей и сфер жизнедеятельности государства. Основывается на действии национальных проектов. В сфере образования такой проект несет название – «Образование». Срок реализации – 2018-2024 гг. Направленность проекта – воспитание духовно-развитой личности и обеспечение высокой конкурентоспособности российского образования на международной арене [4]. Одним из конкретных направлений реализации метода проектного регулирования выступает национальная система учительского роста как приоритетное направление в государственной стратегии развития образования в Российской Федерации. На уровне регионов есть эффективные модели ее реализации [9]. В целом, эффективность реализации Национального проекта «Образование» в 2020 г. равна 82,9%. Он занимает 5 место среди всех национальных проектов России по степени эффективности своей реализации [8].

Метод стратегического планирования. Данный метод строится на обеспечении стратегического развития государства и его сфер жизнедеятельности. Обусловлен действием различных документов в виде стратегий, планов, прогнозов. В сфере образования – это Прогноз социально-экономического развития РФ на период до 2036 г. Одно из его направлений – совершенствование образования за счет воспитания социально ответственной личности и совершенствования качества оказания соответствующих услуг [7].

Таким образом, в целом, можно отметить, что государственная политика в сфере образования в нашей стране имеет обоснованный характер своей реализации за счет регламентирования функционирования ее основных элементов – объект, субъект, методы. Они реализуются в полной мере и подкреплены действием правовой базы, что позволяет государственной политике в сфере образования РФ иметь должный уровень своего осуществления и совершенствования в целях воспитания духовно-развитой личности и обеспечения высокой конкурентоспособности российского образования на международной арене.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. – 2020. – № 144,
2. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 53 (ч. I). – ст.7598.
3. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования»: Постановление Правительства РФ от 26.12.2017 № 1642 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 1 (ч. II). – ст. 375.
4. Паспорт национального проекта «Образование»: Постановление президиума Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам от 24.12.2018 № 16 // Доступ из Справ.-прав. системы Консультант Плюс
5. Альгин А.П. Государственная политика и управление в 2 ч. Ч. 2. Уровни, технологии, зарубежный опыт: учебник для вузов / А. П. Альгин [и др.]; под редакцией Л. В. Сморгунова. – М.: Юрайт, 2021. – 484 с.
6. Мониторинг реализации государственных программ РФ в 2020 г. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/f8d449b176a3ff1735af63da3b18fc2c/I-III_2020.pdf.
7. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2036 г. – URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/a5f3add5deab665b344b47a8786dc902/prognoz2036.pdf>.
8. Отчет о промежуточных результатах экспертно-аналитического мероприятия «Мониторинг хода реализации мероприятий национального проекта «Образование». – URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/9f3/9f381090ef30beaa53a5ff14018ab4aa.pdf>.
9. Проказина Н.В., Ланцев В.Л. Роль общественно-профессиональных объединений педагогов в условиях модернизации системы учительского роста // Вестник института социологии. – 2020. – Т. 11, № 2. – С. 157-173.

КАДРОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СТРАТЕГИИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ АГРАРНОЙ ЭКОНОМИКИ

Щетинина И.В., Деревянко Ю.О.

*Сибирский НИИ экономики сельского хозяйства СФНЦА РАН,
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН
Россия, г. Новосибирск*

Аннотация. Статья посвящена необходимости обеспечения квалифицированными кадрами сельского хозяйства России и ее регионов на примере Сибири. Квалифицированные кадры требуются в современных условиях для освоения сельскохозяйственными товаропроизводителями новейших научно-технических достижений. Это является важной стратегической задачей для развития сельскохозяйственного производства на инновационной основе и обеспечения продовольственной безопасности страны.

Ключевые слова: сельское хозяйство, инновационное развитие, кадры, новая техника и технологии.

Важность развития аграрной экономики в современных условиях сложно переоценить. Сельское хозяйство является основой АПК и обеспечивает продовольственную безопасность страны. Импортозамещение в сфере обеспечения населения продуктами питания в свете происходящих политических событий (ввод западных санкций и др.) стало одной из основных

стратегических целей, потребовавших ускоренного развития сельского хозяйства на основе инновационного развития, реиндустриализации и модернизации производства.

Для того, чтобы повысить эффективность сельского хозяйства, необходимо применение инновационных технологий, которое невозможно без высококвалифицированных, хорошо подготовленных кадров. Современные специалисты должны обладать передовыми знаниями и опытом для внедрения инноваций в сельскохозяйственное производство, иметь навыки работы с новейшими технико-технологическими устройствами, быть готовыми к применению новых сортов сельскохозяйственных культур и пород животных, новых форм организации труда и производства.

В настоящее время техническая оснащенность сельскохозяйственных предприятий является серьезной проблемой. Высокая стоимость техники, отсутствие денежных средств у значительного числа сельскохозяйственных товаропроизводителей на ее покупку, недостаточный уровень квалификации кадров – всё это сдерживает развитие аграрного производства и поступление новой техники в хозяйства.

Отсюда отмечается падение уровня технической оснащенности сельского хозяйства во многих регионах России [1]. В некоторых регионах Сибири износ техники достигает 80-100% [2]. В Новосибирской области сроки фактической эксплуатации машин и оборудования превышают нормативные в 2-3 раза. Время простоев по техническим причинам составляет 25-30% от общего рабочего времени. В результате этого техническая готовность тракторов и сельскохозяйственных машин снижается до 60-70% [3-5]. В сельскохозяйственных организациях Алтайского края за последние пять лет также наблюдается значительное сокращение техники и прослеживается отчетливая тенденция сокращения приобретения новой техники за последние 12 лет (табл. 1), вследствие чего увеличивается технологическая нагрузка на сельскохозяйственные машины.

Таблица 1. – Приобретено новой сельскохозяйственной техники, шт.

Вид сельскохозяйственной техники		Год				
		2008	2017	2018	2019	2020
1. зерноуборочные комбайны	Российская Федерация	6638	3706	3210	2714	3316
	Алтайский край	331	170	142	132	165
	Новосибирская область	226	72	73	86	97
2. Картофелеуборочные комбайны	Российская Федерация	263	85	84	72	42
	Алтайский край	1	0	0	0	0
	Новосибирская область	5	0	0	0	2
3. Тракторы	Российская Федерация	15143	8655	7889	7814	нет данных
	Алтайский край	486	294	163	259	нет данных
	Новосибирская область	286	127	131	170	нет данных

Помимо приобретения новой техники, для повышения эффективности сельскохозяйственного производства необходимо внедрение новых технологий, которые также потребуют от работников сельского хозяйства новых знаний. В настоящее время ведутся разработки технологий, которые основаны на стыке разных наук: молекулярной, структурной и клеточной биологии, биоинженерии, биоорганической химии, биофизики, клеточных технологий,

биоинформатики и др. (Институт биоорганической химии им. академиков М.М. Шемякина и Ю.А. Овчинникова Российской академии наук – ИБХ РАН, Центр компетенций НТИ ИБХ РАН, Сибирский федеральный научный центр агробиотехнологий Российской академии наук – СФНЦА РАН и др.).

Все эти исследования направлены на создание высокопродуктивных сортов растений, пород животных, ветеринарных препаратов, технологий производства сельскохозяйственного сырья и пищевых продуктов, рационального использования ресурсного потенциала в аграрном секторе экономики, разработки и применения конкурентоспособных адаптированных к местным условиям агробиотехнологий, изменение текущего уровня цифровизации сельского хозяйства и др. [6]. Цифровизация сельского хозяйства необходима для повышения эффективности и устойчивости сельскохозяйственного производства на основе управления технологическими процессами и процессами принятия решений [7]. Новые технологии способствуют значительному повышению уровня производства сельскохозяйственной продукции, росту ее качества, снижают риски возможных ошибок, вероятность нарушения сроков выполнения технологических операций, сокращают трудозатраты.

Так, в СФНЦА РАН разработаны новые технологические решения для создания специализированных ферм, где учтены все требования производства продукции животноводства. Например, модульная ферма на 300 коров мясного направления. Ее прогнозируемая рентабельность – 45%, валовой прирост живой массы – 1500 ц, выход телят на 100 коров – 85-90%.

На основе использования лучшего отечественного и мирового генофонда голштинской породы путем воспроизводительного скрещивания была создана отечественная высокопродуктивная, адаптированная к природно-климатическим условиям Сибири порода крупного рогатого скота «Сибирячка» с генетическим потенциалом более 10 тыс. кг молока в год. Продуктивность 10129 коров на момент апробации породы составила в среднем 7461 кг молока жирностью 3,78% и содержанием белка 3,16% [8]. Сравнительный анализ показал, что продуктивность новой породы значительно выше, чем других пород в среднем по регионам Сибирского федерального округа (СФО) (табл. 2).

Таблица 2. – Превышение продуктивности коров породы «Сибирячка» над среднегодовыми фактическими значениями в регионах СФО, 2019-2020 гг.

Наименование региона	Надоеено молока на 1 корову в среднем за год		
	Факт, кг	Превышение продуктивности коров породы «Сибирячка» (7461 кг)	
		кг	%
Республика: Алтай	3777	3684	97,5
Тыва	809	6652	в 8,2 раза
Хакасия	4338,5	3122,5	72,0
Край: Алтайский	5084,5	2376,5	46,7
Красноярский	5999,5	1461,5	24,4
Область: Иркутская	5823	1638	28,1
Кемеровская	5772,5	1688,5	29,3
Новосибирская	5238	2223	42,4
Омская	5001,5	2459,5	49,2
Томская	6659,5	801,5	12,0

Увеличению продуктивности животных также способствует содержание их в светлых, сухих, хорошо проветриваемых помещениях с соблюдением всех правил и требований технологии производства молока, говядины, свинины и другой продукции. Современные технологии, применяемые в сельском хозяйстве, обеспечивают выполнение технологических операций практически без участия механизаторов, появляется возможность совмещения нескольких

операций в одной машине. Но для работы с такими современными технологиями работники сельского хозяйства должны обладать необходимыми знаниями и иметь практический опыт.

То есть необходимым условием современного эффективного сельскохозяйственного производства является высокая квалификация кадров, их образовательного и интеллектуального уровня с учетом цифровизации аграрного производства. Это является объективным условием для успешного функционирования отрасли в долгосрочной перспективе.

Федеральной научно-технической программой развития сельского хозяйства на 2017-2025 гг., утвержденной постановлением Правительства РФ от 25 августа 2017 г. № 996, предусмотрена подготовка кадров по новым направлениям и специальностям, соответствующим направлениям реализации данной Программы, а также увеличение числа высокотехнологичных рабочих мест. Существуют также программы периодической переподготовки и повышения квалификации работников АПК, что необходимо для освоения новой техники и технологий. Но все эти плановые мероприятия напрямую не связаны с внедрением определенного вида приобретаемой техники и технологий конкретными хозяйствами.

Для того, чтобы преодолеть разрыв между общепринятым плановым процессом подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров для сельского хозяйства, предлагается дополнительно проводить следующие адресные мероприятия. Одновременно с приобретением новой техники и внедрением технологий в сельскохозяйственных организациях, которые приобретают эту технику или проводят внедрение новых эффективных пород животных, сельскохозяйственных культур и передовой технологии в соответствии с госпрограммой развития сельского хозяйства, должно быть предусмотрено обучение сотрудников с адресным финансированием такой переподготовки и/или повышения квалификации за счет государственных бюджетных средств, предусмотренных на данную модернизацию производства.

Механизм предоставления государственных средств для подготовки работников сельского хозяйства к освоению новой техники и внедрению новых технологий по разработанным программам может быть в определенной степени аналогичен господдержке по приобретению технических средств и оборудования для сельскохозяйственного производства, которая предоставляется в виде компенсации части затрат – в настоящее время в размере 30%. В соответствии с проведенными расчетами такая компенсация затрат может быть установлена на 2022-2025 гг. для переподготовки и повышения квалификации кадров в размере 40%. Общая сумма затрат, которую целесообразно компенсировать сельскохозяйственным товаропроизводителям при внедрении новой техники и технологий за счет федерального бюджета и внебюджетных источников на указанный период может составить от 600 до 1056 млн руб. Эта величина может меняться в зависимости от потребности в подготовке специалистов к работе с инновациями.

Следующим направлением повышения квалификации кадров, позволяющим перейти к инновационной аграрной экономике, может стать консультирование и обучение работе на новом оборудовании или с новыми технологиями работников сельского хозяйства теми организациями, которые реализуют им это оборудование или технологии: производители сельскохозяйственной техники, их представители, разработчики новых технологий и др. Такой опыт имеется в Центре компетенций НТИ ИБХ РАН и планируется к внедрению в ряде организаций, сотрудничающих с СФНЦА РАН.

Для широкого использования такого опыта сельскохозяйственным товаропроизводителям, включая хозяйства населения (ЛПХ, МП), можно предложить вносить в договор купли-продажи пункт о проведении инструктажа с последующим консультированием их по работе с данным видом нового оборудования или технологии на период освоения. Это позволит товаропроизводителям в кратчайшие сроки освоить инновации и снизить риски убытков при приобретении дорогостоящих технологий, техники, оборудования и др., например, комбай-

нов по ценам в Новосибирской области – от 1,5 до 6 млн руб., тракторов – от 1,1 млн руб. до 12 млн руб. и т.д.

Таким образом, в условиях перехода к инновационной аграрной экономике повышению квалификации кадров должны оказывать помощь как государство, финансируя переподготовку и повышение квалификации работников по программам научно-технической модернизации сельского хозяйства, так и поставщики новой техники и технологий, что будет способствовать ускорению освоения инноваций и увеличит количество квалифицированных кадров, способных работать на новом оборудовании и применять инновационные технологии на практике. Такой подход позволит освоить максимальное количество рекомендованных сельскому хозяйству научно-технических достижений и адресно профинансировать необходимую переподготовку и повышение квалификации работников сельского хозяйства.

Библиографический список

1. Сельское хозяйство в России. 2021: Статистический сборник / Росстат. – М., 2021. – 100 с.
2. Першукевич П.М., Кашеваров Н.И. Стратегия социально-экономического развития АПК Сибирского федерального округа в условиях глобализации и интеграции: монография. – Новосибирск: СФНЦА РАН, 2018. – 315 с.
3. Альт В.В., Савченко О.Ф., Добролюбов И.П., Елкин О.В. Обоснование методики автоматизации разработки диагностических систем энергетического мониторинга тракторных двигателей // Научно-техническое обеспечение АПК Сибири: Материалы Международной научно-технической конференции, (г. Новосибирск, 07-08 октября 2021 г.). – Новосибирск: ГУ Редакция журнала «Сибирский вестник сельскохозяйственной науки» СО РАСХН, 2021. – С. 142-148.
4. Першукевич П.М., Тю Л.В. Стратегия развития АПК Сибири до 2035 года: социально-экономические аспекты // АПК: Экономика, управление. – 2018. – № 12. – С. 4-12.
5. Тю Л.В. Проблемы развития технической базы сельского хозяйства Новосибирской области // Роль бизнеса и власти в развитии агропромышленного комплекса: материалы XV международной научно-практической конференции (г. Барнаул, 14–15 сентября 2016 г.). – Барнаул: Алтайский дом печати, 2016. – С. 141-143.
6. Программа развития // СФНЦА РАН. – URL: https://sfsc.ru/science/development_program.
7. Черненко И.М., Кельчевская Н.Р., Пельмская И.С., Алмусаеди Х.К.А. Возможности и угрозы цифровизации для развития человеческого капитала на индивидуальном и региональном уровнях // Экономика региона. – 2021. – Т. 17, № 4. – С. 1239-1255.
8. Яранцева С.Б., Герасимчук Л.Д., Шишкина М.А. Новая порода крупного рогатого скота молочного направления Сибирячка // Сибирский вестник сельскохозяйственной науки. – 2019. – Т. 49, № 6. – С. 62-70.

АДАПТАЦИЯ СИСТЕМЫ ОБУЧЕНИЯ ПЕРСОНАЛА К УСЛОВИЯМ ГЛОБАЛЬНОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Фомичев А.Н.

*Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
Россия, г. Москва*

Аннотация. В представленной работе на основании применения новейших достижений теории и практики организации обучения персонала комплексно исследованы организационные проблемы, возникающие при осуществлении дистанционного обучения работников в условиях глобальной цифровизации общемировой экономической системы. На основании ре-

зультатов проведенного исследования автором даны рекомендации по оптимизации системы дистанционного обучения персонала современных организаций с целью наиболее эффективной адаптации указанной системы к современным социально-экономическим условиям цифровизации хозяйственных процессов.

Ключевые слова: обучение персонала, цифровизация, дистанционное образование, организационные проблемы.

Цифровизация, как отдельных отраслей экономики, так и нашей жизни в целом, безусловно выдвигает новые требования к особенностям организации процесса обучения, повышения квалификации, переподготовки и адаптации персонала современных организаций. Одним из таких требований является необходимость освоения методов и способов дистанционного обучения работников всех уровней управления и любых функциональных направлений профессиональной деятельности [1].

В свете вышеизложенного тема проведенного в рамках представленной работы исследования видится актуальной и отвечающей насущным требованиям специфики социально-экономического развития. Целью исследования является решение организационных проблем дистанционного обучения персонала, возникающих в процессе цифровизации хозяйственной деятельности и образовательной сферы. В соответствии с поставленной целью в работе решаются следующие ключевые задачи:

1. Изучить и обобщить имеющиеся в работах отечественных и зарубежных авторов теоретические материалы, касающиеся вопросов организации дистанционного обучения персонала.

2. Выявить, проанализировать и детально описать организационные проблемы, возникающие в ходе подготовки и осуществления дистанционного обучения персонала современных организаций.

3. Разработать предложения по оптимизации процесса дистанционного обучения персонала с целью устранения указанных выше организационных проблем.

Безусловно максимально широкое внедрение дистанционного обучения персонала является необходимым и неотъемлемым фактором развития системы управления человеческим капиталом организации в условиях цифровизации социально-экономических процессов. Тем не менее, указанный процесс неизбежно сопряжен с рядом проблемных вопросов организационного характера, на которых необходимо остановиться более подробно. Даже поверхностный взгляд на организационные проблемы внедрения и использования дистанционного обучения персонала в условиях цифровизации хозяйственных отношений позволяет выделить три ключевые группы таких проблем [2]. К первой группе можно отнести проблемные вопросы технического характера. В состав второй группы входят аспекты кадрового обеспечения дистанционного образовательного процесса. Третья группа касается проблем формирования и развития культуры дистанционного обучения. Остановимся на каждой из поименованных выше групп более подробно.

К организационным проблемам дистанционного обучения технического характера можно буквально отнести следующие.

Во-первых, ограниченное количество и недостаточные технические возможности каналов Интернет-соединений, жизненно необходимых для проведения учебных занятий в дистанционном формате.

Во-вторых, низкая скорость Интернет-соединения, не всегда позволяющая оперативно и качественно демонстрировать видеоматериалы высокого разрешения.

В-третьих, неприспособленности большинства видов оргтехники и гаджетов для проведения или просмотра учебных занятий в дистанционном режиме.

И наконец, в-четвертых, несовершенное программное обеспечение, предназначенное для обслуживания интерактивных веб-мероприятий.

Проблемы кадрового обеспечения дистанционных форм обучения персонала основываются на сложившемся дуализме подготовленности к ним научно-педагогического состава. Так с одной стороны, лучше всего с организацией проведения дистанционных занятий справляются молодые специалисты, в совершенстве владеющие современными гаджетами и технологиями их эксплуатации не только в учебном процессе, но и в системе социальных коммуникаций в целом. С другой стороны, у молодых ученых недостаточно профессионального и жизненно опыта, так необходимого при подготовке персонала любого профиля и любых уровней управления [3]. Таким опытом, безусловно обладают научно-педагогические кадры старшего поколения. Но большинство представителей данной категории специалистов крайне неохотно осваивают новые коммуникационных технологии, необходимые для проведения учебных занятий в дистанционном формате. Некоторые представители старой школы предпочитают выход на пенсию, альтернативе освоения дистанционных образовательных технологий.

Вопросы формирования культуры дистанционного обучения связаны, в первую очередь, с необходимостью изменения на более серьезное отношения к дистанционному обучению, как научно-педагогических работников, так и самих обучающихся.

Обобщая изложенные выше организационные проблемы, можно предложить ряд мер по оптимизации процесса дистанционного обучения персонала в целях более эффективной его адаптации к условиям цифровизации современных социально-экономических отношений. К таким предложениям можно отнести:

1. Техническую доработку каналов интернет соединение с целью расширения их пропускной способности.
2. Стимулирование процесса создания высокоскоростных технологий передачи данных, основанных даже не на стандарте 5g, а на внедрении 6g технологии.
3. Разработка новых видов компьютеров или иных гаджетов, максимально адаптированных к нуждам дистанционного обучения.
4. Создание программных средств нового поколения, позволяющих максимально эффективно проводить учебные занятия в дистанционном формате.
5. Переподготовка научно-педагогических кадров, особенно старой школы, по программам освоения навыков дистанционного обучения [4].
6. Пропаганда как на государственном, так и на общественно-политическом уровне дистанционных форм обучения персонала.

Библиографический список

1. Мягих К.В. Совершенствование системы обучения персонала организации путем введения системы дистанционного обучения // Гагаринские чтения – 2018: Сборник тезисов докладов XLIV Международной молодежной научной конференции, Москва-Барнаул-Ахтубинск, 17–20 апреля 2018 г. – Москва-Барнаул-Ахтубинск: Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), 2018. – С. 134-135.
2. Фомичев А.Н. Метод дискретной передачи информации, как инструмент управления коммуникативными дисфункциями // Научный вестник МГИИТ. – 2013. – № 5(25). – С. 62-72.
3. Фомичев А.Н. Закон надежности трудовой деятельности и особенности его применения в дисфункциональном менеджменте // Предпринимательство. – 2012. – № 2. – С. 83-88.
4. Фомичев А.А. Совершенствование методов мотивации сотрудников таможенных органов // Экономика, управление и общество: теория, методология и практика: Материалы межвузовской очной научно-практической конференции, посвященной Году науки и технологий. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2021. – С. 302-310.
5. Кухарский Я.О. Профессиональное обучение и повышение квалификации персонала: проблемы дистанционного обучения // Гуманитарный научный журнал. – 2021. – № 3. – С. 70-74.

6. Мягих К.В. Совершенствование системы обучения персонала организации путем введения системы дистанционного обучения // Гагаринские чтения – 2018: Сборник тезисов докладов XLIV Международной молодежной научной конференции, Москва-Барнаул-Ахтубинск, 17–20 апреля 2018 г. – Москва-Барнаул-Ахтубинск: Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), 2018. – С. 134-135.

7. Фомичев А.Н. Диагностика и конструктивизация психологических дисфункций в системе управления персоналом // Управление человеческими ресурсами: труды научно-практической конференции (Москва, 01–31 января 2012 г.). – М.: РГГУ, 2012. – С. 32-37.

РЕСУРСНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ И ДОСТУПНОСТЬ ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ НАСЕЛЕНИЮ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

Воробьев С.П., Гончарова Н.П.

*Алтайский филиал РАНХиГС
Россия, г. Барнаул*

Аннотация. В статье определены основные тенденции объемов оказания медицинской помощи населению России в 2020 г. и допандемийный период. Выявлено, что в условиях пандемии COVID-19 доступность медицинской помощи резко снизилась по причине неблагоприятной эпидемиологической ситуации в стране и ее регионах, введения карантина в медицинских организациях.

Ключевые слова: медицинские организации, финансирование, доступность медицинской помощи, Алтайский край, пандемия.

Пандемия COVID-19 стала, с одной стороны, вызовом развития не только российского, но и мировой системы здравоохранения, с другой стороны, обострила целый ряд противоречий, связанных с финансированием, доступностью и ресурсным обеспечением медицинских организаций.

Сразу отметим, что в силу отсутствия официальных статистических сведений за 2021 г. авторы анализировали лишь 2020 г. Анализируемый период достаточно сложно сопоставлять с предшествующими периодами по объемам финансирования, однако очевидно, что неблагоприятная эпидемиологическая ситуация привела не только к снижению финансового обеспечения и финансовых результатов медицинских организаций, в том числе вследствие приостановки проведения диспансеризации и профилактических осмотров [1], но и доступности для населения медицинской помощи. Так, распоряжением Правительства РФ для создания превентивных мер распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19 на территории Российской Федерации и в целях обеспечения охраны здоровья населения страны временно было приостановлено осуществление всероссийской диспансеризации взрослого населения, которая была предусмотрена на 2020 г. в распоряжении Правительства Российской Федерации 2019 г. [2, 3]. Аналогичное положение содержалось в Постановлении Правительства РФ от 3 апреля 2020 г. № 432 «Об особенностях реализации базовой программы обязательного медицинского страхования в условиях возникновения угрозы распространения заболеваний, вызванных новой коронавирусной инфекцией», в котором было отмечено, что «...приостанавливается проведение профилактических мероприятий в части диспансеризации, в том числе пребывающих в стационарных организациях детей сирот и детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, а также детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в том числе усыновленных (удочеренных), принятых под опеку (попечительство) в приемную или патронатную семью, и профилактических медицинских осмотров гражд-

дан, в том числе несовершеннолетних» [4]. В первую очередь, принятие подобных нормативно-правовых актов негативно сказалось на финансовом обеспечении медицинских организаций, которые формировали основную долю доходов за счет поступлений из системы ОМС и имели приписное население. Для них приостановление диспансеризации и профосмотров привело к существенному недофинансированию, поскольку они по подушевому нормативу формировали только часть финансовых ресурсов. Остальные средства они получали на содержание ФАПов (при их наличии), выполнение отдельно оплачиваемых видов диагностических исследований и т.д. Выплаты стимулирующего характера за впервые выявленные онкологические заболевания также автоматически были приостановлены, поскольку они выплачиваются только за впервые выявленные онкологические заболевания в ходе диспансеризации и профосмотров определенных контингентов населения. Это тоже причина недополучения средств медицинскими организациями, работающими в системе ОМС – средства в размере порядка 1,2 млрд руб. не включаются в субвенции, передаваемые Федеральным фондом ОМС и остаются в составе нормированного страхового запаса Федерального фонда [5]. Для системы ОМС – это сэкономленные средства, а для конкретных медицинских организаций – недополученные средства.

Цепные темпы роста общего количества посещений врачей (в т.ч. профилактические) за период 2015-2019 гг. варьировали от 97,33% до 101,24%, что не определяет каких либо тенденций и закономерностей, поскольку зависит от численности и структуры населения страны, однако в 2020 г. относительно 2019 г. данный показатель снизился до 84,45%, что определяется неблагоприятной эпидемиологической ситуацией в стране и ее регионах. При этом дифференция темпов роста общего количества посещений врачей по регионам и городам федерального значения в 2019 г. была несущественной (вариация от 92,95% до 108,62%, среднее значение 101,24%), а в 2020 г. дифференция усилилась (вариация от 64,26% до 94,62%, среднее значение 84,45%) (рис. 1).

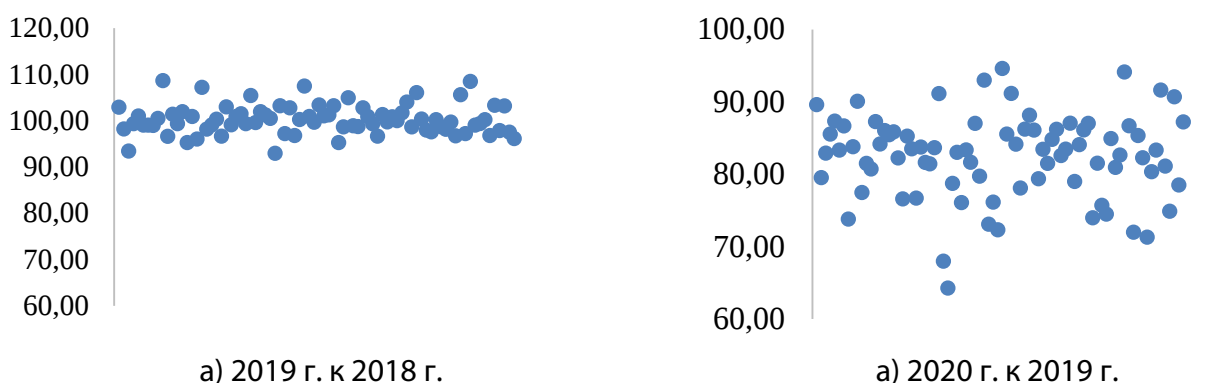

Рисунок 1. – Темпы роста число посещений врачей (в т.ч. профилактические) по субъектам РФ, % (составлено авторами по [6])

Если же учитывать численность населения по субъектам РФ, то среднелюдное количество посещений медицинских организаций, подведомственных Минздраву РФ, за 2015-2020 гг. снизилось до 6,9 ед.; доля взрослого населения, подлежащих и прошедших профилактические осмотры, снизилось с 88,7% до 58,4% или на 30,3 п.п.; занятость койки в стационарах снизилась с 319 дней до 272 дней или на 14,73%. Снизилась также хирургическая активность в медицинских организациях: в стационарах с 57,4‰ до 46,2‰ или в 1,24 раза, в амбулаторно-поликлинических организациях с 35,8‰ до 29,2‰ или в 1,23 раза (табл. 1). Основная причина снижения объемов оказания первичной медико-санитарной в 2020 г. – введение в медицинских организациях карантина (в т.ч. по причине выявления в них случаев заражения сотрудников коронавирусом), на что указали в среднем 38,1% респондентов от общего количества человек, не получивших медицинскую помощь [6]. Основная причина снижения объемов ока-

зания специализированной медицинской помощи – длительная и неоднократная приостановка оказания плановой медицинской помощи.

Таблица 1. – Основные показатели доступности медицинской помощи населению в России (составлено авторами по [6, 7]).

Показатели	2015 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	
				всего	+, – к 2015 г.
Профилактические осмотры взрослого населения, % от числа подлежащих осмотрам	88,7	96,5	94,4	58,4	-30,3
Среднедушевое число посещений медицинских организаций, единиц/чел.	н.д.	8,3	8,4	6,9	-1,4*
Среднее число дней занятости койки в стационарах, дни	319	313	311	272	-47
Численность оперированных пациентов в стационарах – всего, тыс. человек	8408	8545	8511	6769	-1639
в т.ч. на 1000 человек населения, ‰	57,4	58,2	58,0	46,2	-11,2
Численность оперированных пациентов в амбулаторно-поликлинических организациях – всего, тыс. человек	5245	5169	5230	4277	-968
в т.ч. на 1000 человек населения, ‰	35,8	35,2	35,6	29,2	-6,6
Удельный вес населения старше 15 лет, обратившихся за оказанием первичной медико-санитарной помощью, но не получивших ее, % от общего количества респондентов				4,8	х
в т.ч. в городских населенных пунктах				5,0	х
в сельских населенных пунктах				4,0	х
Удельный вес респондентов, указавших причину «введение карантина» как основную причину неполучения первичной медико-санитарной помощи, %				38,1	х
в т.ч. в городских населенных пунктах				39,8	х
в сельских населенных пунктах				31,0	х

* 2020 г. к 2018 г.

Распространение коронавируса COVID-19 привело к трансформации инструментов развития всей системы здравоохранения. С одной стороны, скорость принятия управленческих решений позволила своевременно отреагировать на распространение неблагоприятной эпидемиологической ситуации в стране и регионах, перепрофилировать множество медицинских организаций и/или их отделения в «ковидные» и не допустить ухудшения ситуации, а с другой стороны, по мнению экспертов [8, 9], привела к существенной разбалансировке финансового состояния медицинских организаций, в том числе вследствие изменения структуры их расходов, а также появлению выпадающих доходов от снижения объемов оказания медицинской помощи. Кроме того, только часть поступающего в ковидные отделения больниц узкоспециализированного оборудования и лекарственных препаратов при улучшении эпидемиологической ситуации может быть использована для оказания медицинской помощи по другим профилям.

Однако отложенные эффекты еще предстоит оценить, и связаны они с возможным ухудшением состояния здоровья и повышению заболеваемости/смертности населения страны вследствие неоказания медицинской помощи, в том числе плановой специализированной.

Библиографический список

1. Стародубов В.И., Кадыров Ф.Н., Обухова О.В., Базарова И.Н., Ендовицкая Ю.В., Несветайло Н.Я. Влияние коронавируса COVID-19 на ситуацию в российском здравоохранении // Менеджер здравоохранения. – 2020. – № 4. – С. 58-71.
2. О временном приостановлении проведения Всероссийской диспансеризации взрослого населения РФ: Распоряжение Правительства РФ от 21 марта 2020 г. №710-р // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
3. О проведении в 2019 г. и 2020 г. Всероссийской диспансеризации взрослого населения РФ Распоряжение Правительства РФ от 27 июня 2019 г. №1391-р // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
4. Об особенностях реализации базовой программы обязательного медицинского страхования в условиях возникновения угрозы распространения заболеваний, вызванных новой коронавирусной инфекцией Постановление Правительства РФ от 3 апреля 2020 г. № 432 // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
5. О методических рекомендациях по способам оплаты медицинской помощи за счет средств обязательного медицинского страхования. Письмо Минздрава России №11-7/и/2-11779, ФФОМС № 17033/26-2/и от 12.12.2019 // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
6. Здравоохранение в России. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13218>.
7. Среднее число посещений лечебно-профилактического учреждения на 1 жителя. – URL: <https://fedstat.ru/indicator/41657>.
8. Стародубов В.И., Кадыров Ф.Н., Обухова О.В., Базарова И.Н., Ендовицкая Ю.В., Несветайло Н.Я. Влияние коронавируса COVID-19 на ситуацию в российском здравоохранении: Аналитический доклад. – URL: https://mednet.ru/images/materials/news/doklad_cniioiz_po_COVID-19-2020_04_26.pdf.
9. Тимербулатов В.М., Тимербулатов М.В. Здравоохранение во время и после пандемии COVID-19 // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. – 2020. – № 2. – С. 77-87.

РОЛЬ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В СТРАТЕГИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Мищенко В.В.

*Алтайский государственный университет
Россия, г. Барнаул*

Мищенко И.К.

*Финансовый университет при Правительстве РФ, Алтайский филиал
Россия, г. Барнаул*

Аннотация. В статье приведено понятие транспортной инфраструктуры региона, отмечены принципиальные особенности и дана характеристика транспортной системы Алтайского края. Проанализирована динамика показателей развития транспортной инфраструктуры, особое внимание уделено автомобильному транспорту. Среди факторов, способствующих развитию транспортной системы, отмечено участие региона в реализации национальных проектов. Выделены стратегические документы, определяющие перспективы развития транспортной системы региона. Выявлены стратегические проблемы транспортной инфраструктуры Алтайского края, оказывающие значительное влияние на социально-

экономическое развитие региона и требующие отражения в стратегических документах региона.

Ключевые слова: транспортная инфраструктура, автомобильный транспорт, национальные проекты, стратегическое развитие, Алтайский край.

Под транспортной инфраструктурой региона понимается совокупность различных видов транспортных средств и обслуживающих их объектов, взаимодействующих на всей его территории для перемещения людей и грузов. Для транспортной инфраструктуры Алтайского края характерны следующие принципиальные особенности.

Во-первых, транспортная система сформировалась, когда край был внутренней составной частью огромной страны с учетом прежней специализации республик и регионов, и с тех пор с позиций инфраструктурных объектов принципиально не изменилась, а по отдельным видам транспорта деградировала.

Во-вторых, в результате распада страны регион приобрел статус приграничной территории, внешняя граница России в крае составляет более 800 км, что накладывает определенную специфику на состояние и деятельность транспортной инфраструктуры и предъявляет дополнительные требования к работе транспорта. По территории региона проходят железная дорога, связывающая республики Средней Азии с Транссибирской магистралью, и автомагистраль, соединяющие Россию с Монголией, Казахстаном, государствами Центральной Азии.

И в-третьих, транспорт, несмотря на сокращение его доли в ВКР края, остается одной из базовых отраслей экономики, важнейшей составляющей производственной и социальной инфраструктуры, и продолжает играть значительную роль в обеспечении мобильности и занятости населения.

Транспортная система Алтайского края охватывает все основные виды транспорта общего пользования: железнодорожный, воздушный, автомобильный, а также водный (речной). Кратко охарактеризуем каждый.

Железнодорожный транспорт. Длина железнодорожной сети в Алтайском крае составляет 1803 км и включает следующие магистрали:

- федеральную трассу Турксиб – от Транссибирской магистрали из Новосибирска через Барнаул, Рубцовск, в Казахстан через Семей на Алматы, а затем в Среднюю Азию;
- линию из Новосибирской области (ст. Татарская) на Славгород и Кулунду;
- Среднесибирскую дорогу от Омска на ст. Карасук Новосибирской области к Камню-на-Оби, Барнаулу с выходом в Кемеровскую область (пос. Артышта);
- Южносибирскую дорогу – от Павлодара в Республике Казахстан на Кулунду и Барнаул, далее – в Новокузнецк, Абакан, Тайшет, Усть-Кут;
- узкоколейную железную дорогу в составе ОАО «Кучуксульфат».

В 2020 г., по данным Алтайкрайстата [1], по железной дороге было перевезено более 9,5 млн т грузов. Из них в основном уголь (75% для 11 ТЭС региона и оптовых баз для отопления котельных сельских районов), а также кокс с крупнейшего промышленного предприятия региона – АО «Алтай-кокс». Доли строительных грузов, зерна, химикатов небольшие, а готовой продукции – незначительная. Значение железнодорожных перевозок продолжает снижаться. Станции (разъезды) и погрузочно-разгрузочные пункты есть только в 29 районах из 59.

Воздушный транспорт. Если в начале 1990-х гг. каждый из районов субъекта РФ имел аэродром, то в настоящее время остался лишь аэропорт в Барнауле. Общее количество людей, пользующихся воздушным транспортом, не изменилось из-за увеличения вместимости современных самолетов, и составляет порядка 300 тыс. чел. в год. В условиях форс-мажора используются вертолетные площадки.

Речной транспорт. По территории края протекает много крупных и средних рек, суммарной протяженностью более 5 тыс. км, но лишь около 780 км используется для судоход-

ства, и этот показатель сокращается с каждым годом. В 2020 г. водным транспортом было перевезено около 600 тыс. т грузов.

Автомобильный транспорт. Регион является лидером среди субъектов Федерации по протяженности автомобильных дорог, составляющей 54 322 км, из которых федерального значения («Чуйский тракт», трассы «Барнаул – Рубцовск – Казахстан» и «Барнаул – Павловск – граница с Казахстаном») – 1027,3 км; регионального и (или) межмуниципального значения – 15784 км; местного – 37529,6 км. Край занимает одно из первых мест в Сибири по показателям густоты и наполняемости автодорог. В структуре перевозимых грузов преобладают строительные материалы, продукты сельского хозяйства, главным образом зерно и продукты его переработки, лес, каменный уголь, нефтепродукты. Динамика основных показателей деятельности автомобильного транспорта в Алтайском крае в 2016-2020 гг. приведена в таблице 1.

Таблица 1. – Основные показатели деятельности автомобильного транспорта в Алтайском крае в 2016-2020 гг.

Наименование показателя	2016	2017	2018	2019	2020	Изменение 2020/2016	
						+ (-)	%
Протяженность автомобильных дорог общего пользования – всего, км	55693,3	55563,7	54834,0	54330,2	54277,4	-1415,9	97,46
в том числе с твердым покрытием, км	37035,8	37097,7	36042,3	36493,6	35343,7	-1692,1	95,43
из них с усовершенствованным покрытием, км	19216,9	19184,3	17232,9	17496,5	17255,2	-1961,7	89,79
Перевезено грузов автомобильным транспортом организаций всех видов деятельности, ¹⁾ млн т	30,8	29,6	31,7	29,0	27,8	-3,0	90,26
Грузооборот автомобильного транспорта организаций всех видов деятельности, ¹⁾ млн т-км	2210,1	2358,1	2729,0	2797,6	3047,6	837,5	137,89
Перевезено пассажиров автобусами общего пользования, ²⁾ млн чел.	174,9	171,3	167,1	155,5	112,3	-62,6	64,21
Пассажирооборот автобусов общего пользования, ²⁾ млн пасс-км	1784,4	1802,7	1807,7	1825,1	1249,6	-534,8	70,03

¹⁾ Без оценки деятельности микропредприятий.

²⁾ По юридическим лицам (включая субъекты малого предпринимательства) и индивидуальным предпринимателям.

Источник: Рассчитано авторами по данным Алтайкрайстата [1].

Проведенные расчеты на основе официальных данных Алтайкрайстата демонстрируют удручающую динамику результатов развития и использования автотранспорта в крае за 5 лет. Сокращение произошло по всем показателям, за исключением «грузооборота автомобильного транспорта организаций всех видов деятельности». Оценочные данные за 2021 г. свидетельствуют, что тенденция принципиально не изменилась. Частично это можно объяснить объективными факторами (выведением из оборота значительного количества не используемых в сельской местности дорог; влиянием микропредприятий; ростом количества автомобилей в личном пользовании населения), но, по нашему мнению, значительную роль мог сыграть еще

один фактор – сокращение реальных доходов населения и, как следствие, рост теневой экономики, когда все большее количество грузов и людей перевозится физическими лицами на личных автомобилях, и, естественно, не находит отражения в официальной статистике.

Приоритеты и направления развития транспортной инфраструктуры в Алтайском крае в современный период определяют следующие стратегические документы:

- федеральный проект «Безопасные и качественные дороги» (с 2017 г.);
- национальный проект «Безопасные и качественные автомобильные дороги», включающий подпроекты «Дорожная сеть» «Общесистемные меры развития дорожного хозяйства», «Безопасность дорожного движения» (с 2019 г.);
- Государственная программа «Развитие транспортной системы Алтайского края» (утв. 05.08.2021) [2];
- Стратегия социально-экономического развития Алтайского края до 2035 г. (утв. 06.09.2021) [3].

Реализация национального проекта «Безопасные и качественные дороги» осуществляется на территории городских округов Барнаула, Бийска, Новоалтайска, а также на региональных дорогах. В качестве регионального элемента национального проекта сформирована Рубцовская агломерация. Плановые показатели, приведенные в таблице 2, в целом достигаются.

Таблица 2. – Плановые показатели реализации федерального проекта «Безопасные и качественные дороги» в Алтайском крае

Основные показатели	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Число мест концентрации ДТП (аварийно опасных участков)	97	92	83	76	66	56	50
Доля региональных дорог, соответствующих нормативам	38	39,4	40	41,7	44,8	47,9	51
Доля качественных дорог в Бийской агломерации	46,9	54,2	60,8	69,5	76,8	84,8	87,7
Доля качественных дорог в Барнаульской агломерации	63,4	68,7	70,7	74,3	78,5	83	86,1

Источник: Паспорт федерального проекта «Безопасные и качественные дороги» в Алтайском крае.

Начата реализация государственной программы «Развитие транспортной системы Алтайского края», цель которой – повышение доступности транспортных услуг для населения края и устойчивое функционирование транспортной системы региона. Общий объем финансирования Программы составит 58 656 млн руб., в том числе из федерального бюджета – 2461,5; из краевого бюджета – 52 934,5 и из внебюджетных источников – 3 260 млн руб.

Проведенное исследование позволило выявить ряд стратегических проблем транспортной инфраструктуры Алтайского края, оказывающих значительное влияние на социально-экономическое развитие региона.

1. Низкая роль отраслей транспортного комплекса региона (железных и автомобильных дорог, включая дорожное строительство, авиации) в общем размере поступающих налогов и страховых взносов. В сумме это примерно 2,7 млрд руб., т.е. не больше 1,5% от собранных в 2021 г. в Алтайском крае налогов и социальных взносов, причем только 43,6% из них остается в регионе, а основная часть поступает в Пенсионный фонд России и федеральный бюджет.

2. Низкая пропускная способность автомобильных дорог в крупных городах Алтая, не соответствующая постоянно возрастающему потоку транспортных средств при минимальном изменении систем дорог, мостов и путепроводов в городах.

3. Неразвитость авиационного транспорта и авиационных перевозок, устаревший аэропорт в столице края – Барнауле. Это привело к быстрому усилению роли горно-алтайского аэропорта Республики Алтай в развитии туризма. Но только к 2026 г. прогнозируется радикальная реконструкция столичного аэропорта с новым большим зданием, повышением уровня обслуживания и удлинением взлетно-посадочной полосы.

4. Недостаточный уровень транспортной инфраструктуры, сдерживающий развитие одной из главных отраслей специализации региона – туризма. Река Обь делит Алтайский край на две части: левобережный и правобережный Алтай, но при этом только в одном населенном пункте – Барнауле есть автомобильные мосты через Обь. С туристической точки зрения, это приводит к необходимости проехать в предгорья края, являющиеся самой привлекательной и самой освоенной территорией юга Западной Сибири, к большому объездному пути через весь город из северной и южной частей края. Отсутствие других мостовых переходов через Обь создает негативные моменты в перемещении товаров и людей барнаульской агломерации численностью 900 тыс. чел., а также ведет к удорожанию многих товаров из других частей края, затрудняет торговлю с Кузбассом и Красноярским краем.

5. Дополнительное негативное влияние транспортного фактора на социально-демографические показатели региона: сокращение рабочих мест в селах, их постепенная деградация, отток молодежи, снижение доходов и т.д.

На наш взгляд, перечисленные проблемы должны были найти решение, хотя бы частичное, в стратегических документах субъекта Федерации. Но в них, к сожалению, отсутствует долгосрочное стратегическое видение и преобладают тактические подходы. Поэтому в Стратегии Алтайского края до 2035 г. необходимо внести дополнения по развитию транспортной системы и сделать Стратегию одним из важных рычагов долгосрочного позитивного развития территории.

Библиографический список

1. Основные показатели деятельности организаций транспорта в Алтайском крае // Алтайкрайстат. – URL: <https://akstat.gks.ru/folder/34971>.
2. Государственная программа «Развитие транспортной системы Алтайского края»: утверждена постановлением Правительства Алтайского края от 05.08.2021 № 295 «Об утверждении государственной программы Алтайского края «Развитие транспортной системы Алтайского края» // Доступ из Справ.-прав. системы Консультант Плюс.
3. Стратегия социально-экономического развития Алтайского края до 2035 г.: Закон Алтайского края от 06.09.2021 № 86-ЗС. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/2200202109080001>.

ПОТРЕБНОСТЬ В СОЦИАЛЬНОМ ЖИЛЬЕ КАК НОВЫЙ ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Арцибашев А.И.

*Алтайское краевое Законодательное Собрание,
Алтайский государственный университет
Россия, г. Барнаул*

Аннотация. В статье затрагивается тема социально-экономического развития Алтайского края. В связи с низкими показателями средней заработной платы и существенной долей в регионе сельского населения вопрос выбора стратегии социально-экономического развития особенно актуален. В статье на основе анализа потребности в социальном жилье выдвигается

предложение использовать в качестве драйвера роста региона – массовое строительство социального жилья.

Ключевые слова: социальное жилье, строительство, социально-экономическое развитие, Алтайский край, ветхое и аварийное жилье, дети-сироты, малообеспеченные и многодетные семьи.

Алтайский край – крупный регион Сибири, с высокой численностью и существенной долей сельского населения 42,9% (в целом по России этот показатель равен – 25,3%) [3]. Такой низкий уровень урбанизации сложился исторически. В крае долгое время пищевая промышленность и сельское хозяйство занимали и продолжают занимать лидирующее положение. Сегодня регион находится на первом месте в стране по производству муки и крупы, на втором месте по производству сыров и сливочного масла, на четвертом по производству макаронных изделий и молока [1]. Однако, в связи с рыночными реформами постсоветского периода, общим технологическим развитием, автоматизацией производства огромное количество трудовых ресурсов оказалось не задействовано на селе, люди оказались без доступа к рабочим местам, что до сих пор приводит к деградации сельских и не столичных городских территорий, оптимизации социальной сферы. Только среди зарегистрированных безработных 75% – это граждане, проживающие в сельской местности, при этом вакансий на селе размещено всего 20% от общего количества по краю. В каждом пятом населенном пункте вообще отсутствует какой-либо работодатель-товаропроизводитель [4]. Кроме этого, сложно оценить фактическую безработицу, большая часть из которой – это люди занятые в нетоварном личном подсобном хозяйстве и не зарегистрированные в службе занятости.

Вместе с тем с каждым годом возрастает нехватка рабочей силы. Несмотря на попытки остановить убыль трудовых ресурсов ежегодно наблюдается возрастающий отток экономически активного населения из края. За последние пять лет ежегодная убыль населения удвоилась, с -15,6 тыс. чел. в 2017 г. до -28,3 тыс. чел. в 2021 г. [5]. Данная убыль также закладывается в план развития края. Согласно стратегии социально-экономического развития региона до 2035 г. при базовом сценарии население края должно сократиться до 2051,5 тыс. чел. с нынешних (на 1 января 2022 г.) 2268,2 тыс. чел. [1].

Разбалансировка структуры занятости в крае между селом и городом, низкая средняя заработная плата (32,8 тыс. руб.) в сравнении с другими регионами Сибири, общая депрессивность региона приводят не только к оттоку населения из края и деградации территории, но также, как парадоксально бы это не звучало, открывают возможные резервы для экономического роста.

Одним из таких резервов роста является строительный комплекс края. Существенная потребность в улучшении жилищных условий как сельского, так и городского населения, огромная нехватка социального жилья, ветшающие основные фонды обращают наше внимание именно на эту отрасль. Развитие строительства влечет за собой увеличение производства местных строительных материалов (песок, щебень, ЖБИ, цемент, кирпич, газобетон, стеклопакеты, отделочные материалы), развитие деревообрабатывающей промышленности, развитие коммунальной инфраструктуры, благоустройство городских и сельских пространств, загрузка транспортной отрасли для перевозки строительных материалов, изготовление мебели, развитие сферы услуг, мелкого предпринимательства в новых кварталах, повышение уровня занятости населения и в целом увеличение качества жизни в крае и замедление оттока населения. Как следствие всего этого рост социально-экономических показателей по всему региону.

В Алтайском крае из года в год регистрируется огромная потребность в социальном жилье. Согласно государственной программе Алтайского края «Обеспечение доступным и комфортным жильем населения Алтайского края» от 15.06.2020 по состоянию на 1 января 2020 г. нуждающихся в улучшении жилищных условий [2, с. 67] условий молодых семей было около

12 000 [2, с. 37], детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот по состоянию на 01.01.2019 около 7 180 чел. [2, с. 59]. Кроме этого, более 43 000 малообеспеченных и многодетных семей официально стоят в очереди и нуждаются в улучшении жилищных условий.

В соответствии с данными статистики более 35% жилищного фонда введено в эксплуатацию до 1970 г. и нуждается в капитальном ремонте или сносе. С каждым годом объем жилищного фонда, подлежащего реконструкции или сносу, увеличивается. Большая часть семей, проживающих в ветхом и аварийном жилье, не способна выполнить реконструкцию, произвести снос жилья и самостоятельно улучшить свои жилищные условия. По состоянию на 10.04.2022 в крае 699 объектов признано аварийными и подлежащими сносу. В общей сложности это 281 408 м² общей площади, переселения ждут 15 075 чел. [6]. Как правило, сейчас признаются аварийными малоэтажные объекты (до 2 этажей). Однако, на горизонте уже тот период, когда в массовом порядке к границе аварийности будут подходить дома 60-70-х гг. постройки (массовая застройка пяти и девятиэтажных зданий).

Есть еще несколько категорий, претендующих на социальное жилье, – молодые учителя, врачи участвующие в программах по привлечению молодых специалистов. В общей сложности в Алтайском крае, по предварительным прогнозам, уже сейчас около 200 тыс. чел. (почти каждый десятый в крае) ожидают в очереди и нуждаются в улучшении жилищных условий.

Таким образом, массовое строительство социального жилья может стать не только долгожданным улучшением качества жизни для сотен тысяч жителей края, но и мощным фактором для развития всей экономики региона. Для этого нужны существенные первоначальные вложения, сравнимые с годовым бюджетом региона, но без инвестирования в экономику не стоит ожидать заметного роста. Инвестирование государства в такую отрасль как строительство, для такого региона как Алтайский край способно дать не только экономический импульс, но и что немаловажно существенно улучшить ситуацию в социальной сфере.

Библиографический список

1. Об утверждении стратегии социально-экономического развития Алтайского края до 2035 года: Закон Алтайского края от 6 сентября 2021 г. № 86-ЗС // Доступ из Справ.-прав. системы Консультант Плюс.
2. Об утверждении государственной программы Алтайского края «Обеспечение доступным и комфортным жильем населения Алтайского края» от 15 июня 2020 г.: Постановление Правительства Алтайского края № 266 // Доступ из Справ.-прав. системы Консультант Плюс.
3. Характеристика Алтайского края РФ // Министерство экономического развития Алтайского края. – URL: <https://econom22.ru/economy/AltaiRegionCharacteristic>.
4. Булатова Г.А. Трудовые ресурсы Алтайского края: проблемы формирования и использования // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. – 2017. – № 2. – С. 11-24.
5. Численность населения Алтайского края // Федеральная служба государственной статистики. – URL: <https://akstat.gks.ru/folder/33247>.
6. Открытые данные аварийного жилищного фонда по Российской Федерации // Государственная корпорация – Фонд содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства. – URL: <https://www.reformagkh.ru/opendata>.

НИЗКИЙ УРОВЕНЬ ВОВЛЕЧЕНИЯ БИЗНЕСА КАК ОДНА ИЗ ПРОБЛЕМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И БИЗНЕС-СТРУКТУР ПРИ РАЗРАБОТКЕ СТРАТЕГИЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

Наумов А.Н.

*Департамент экономического развития Владимирской области
Россия, г.Владимир*

Ружицкая И.В.

*Владимирский филиал РАНХиГС
Россия, г. Владимир*

Аннотация. В статье рассматривается низкий уровень вовлеченности бизнеса как одна из значимых проблем взаимодействия власти и бизнес-структур, связанных с разработкой стратегий социально-экономического развития регионов. В статье отражен круг вопросов и проблем, в решении которых бизнес готов более активно принимать участие.

Ключевые слова: стратегия, власть, бизнес, частно-государственное партнерство, взаимодействие власти и бизнеса.

Социально-экономическое развитие регионов страны является актуальной задачей государственной политики регионального развития, для решения которой важно определение наиболее эффективно действующих инструментов. В настоящее время при разработке стратегий социально-экономического развития важным считается проведение анализа имеющихся ресурсов в регионе, выявление имеющихся сильных и слабых сторон и возможностей для установления основных точек роста, которые позволят определить приоритеты и направления дальнейших действий в рамках разрабатываемой стратегии развития, в том числе обеспечение инвестиционной привлекательности территории за счет географического положения и наличия удобных магистральных транспортных путей или имеющегося потенциала земельных ресурсов, позволяющих увеличить доходную базу местных бюджетов, обеспечение качественных социальных услуг, перспективы решения жилищных вопросов, стабильного заработка через гарантии трудоустройства на предприятиях и др. В результате стремление к эффективности развития требует решений, обеспечивающих стабильное функционирование регионов, через задействование вышеперечисленных факторов.

Вместе с тем задачи повышения социально-экономической устойчивости регионов, связанные с эффективностью стратегий их развития, во многом зависят от взаимодействия органов власти и бизнес-структур, их тесного сотрудничества, способного повысить разработку стратегий регионов. В этом случае основные проблемы состоят в слабой вовлеченности в данный процесс бизнес-структур, их вялом взаимодействии с органами власти, поскольку приходится увязывать многие направления развития в регионах с постоянными процессами реформирования, наличием кризисов и иными социальными явлениями. В целом это проявляется в особенностях функционирования отношений «власть-бизнес» через понимание предпринимательства и их влияния на региональную стратегию и политику.

Основные документы стратегического планирования в субъектах Российской Федерации базируются на различных данных, используемых для подготовки как непосредственно самой стратегии социально-экономического развития, так и дальнейших планов по её реализации, где основные показатели, исследуемые в динамике для всех сфер общественно-политической жизни, формируют органы государственной статистики.

С одной стороны, статистические данные – это единственный официальный источник информации, который в динамике дает возможность проследить различные сферы, их взаимосвязь и влияние друг на друга, сделать определенные выводы, определить основные слабые и сильные стороны этих взаимосвязей. В тоже время необходимо отметить, что не всегда использование этих данных позволяет стратегически точно определить ключевые позиции для развития региона. Когда речь идет о бюджетных инвестициях в социальный сектор, то в этом направлении все относительно стабильно и понятно. Показатель населения соотносится с критериями обеспеченности в социальных услугах, и как следствие, позволяет прогнозировать инвестиции в развитие человеческого капитала (медицина, образование, государственные и муниципальные услуги и т.д.). Другое дело, когда речь заходит о формировании прогноза в сфере промышленности, инвестиций, строительстве и внешнеэкономической деятельности, где опираться только на данные статистики при подготовке стратегических документов недостаточно. Это связано с тем, что бизнес, как правило, имеет свои приоритетные задачи и методы или планы по их достижению, а проследить тенденции изменений в пользу тех или иных направлений разработчикам стратегий социально-экономического развития не всегда удастся оперативно (в случаях, если опираться только на данные, которые уже являются свершившимся фактом). В этой связи возникает необходимость при разработке региональных стратегии социально-экономического развития использования планов конкретного бизнеса в отраслях, относящихся к реальному сектору экономики.

В то же время сам бизнес не всегда готов идти навстречу публичной власти и раскрывать все свои планы по развитию, переориентации или по прекращению деятельности. Подобная «закрытость» деловых кругов и формальный подход при подготовке первичной информации могут серьезно сдвинуть вектор направления развития региона при прогнозировании, а впоследствии и при реализации стратегических документов субъекта.

В связи с этим необходимо вовлекать бизнес в процесс подготовки стратегии как явными способами (путем включения в рабочие группы по разработке стратегии социально-экономического развития основных крупных представителей предприятий по тем отраслям, в которых регион имеет сильные компетенции), так и в лояльной форме, то есть в виде проведения конкурсов (в том числе творческих) среди представителей бизнеса в различных отраслях на предмет прогнозов будущего (форумы футурологов).

На современном этапе с учетом анализа существующей проблемы институты взаимодействия государства, общества и бизнеса указывают на необходимость более тесного взаимодействия бизнес-структур и органов власти при разработке стратегий социально-экономического развития регионов и их реализации, поскольку это является залогом развития социально-экономической системы в целом. В рамках возможных сценариев взаимодействия органов власти и бизнес-структур одним из вариантов более тесного сотрудничества предложена автором Р.М. Нуреевым возможность его развития в форме социального частного-государственного партнерства [5].

Обоснованием возможного развития взаимодействия органов власти и бизнес-структур можно считать результаты проведенных в 2016 г. исследований работы органов местного самоуправления и региональной власти с участием целевых групп из представителей деловых сообществ четырех административных центров Уральского федерального округа: Тюмени, Екатеринбурга, Челябинска и Кургана [2]. Проведенные исследования по оценке работы органов местного самоуправления и региональной власти по решению основных проблем и задач в целом показали, что сама оценка качества управленческих решений органов местного самоуправления и региональной власти была оценена с точки зрения готовности взаимодействия органов власти и бизнес-структур.

По оценкам проведенных исследований с участием экспертов был определен в целом средний уровень компетентности и готовности муниципальных властей к диалогу, где только

треть экспертов оценили возможность власти справиться с решением основных проблем региона, а 43% экспертов оценивали его достаточно низким (экспертами выступали сотрудники региональных органов власти и местного самоуправления, представители делового сообщества региона (руководители компаний или предприятий, заместители руководителей), активные общественные деятели и сотрудники НКО). Проведенная оценка деятельности власти явно указывает на недостаточное взаимодействие сообщества и руководства региона, а также на недоверие представителей делового сообщества к представителям различного уровня государственной власти как федерального, так и регионального уровня для возможности эффективного сотрудничества субъектов [6].

В результате исследований были определены направления и проблемы, по которым представители бизнес-сообщества готовы к участию в их решении – это по вопросам развития экономической сферы, инвестиционной политики, нормирования предпринимательской деятельности, что позволит учесть интересы сторон. При этом в развитии экономической сферы приоритет отдается частно-государственному партнерству, что в первую очередь направлено на сохранение имеющихся производств и объектов промышленности [7].

С другой стороны исследования показали неготовность бизнеса принять активное участие в управлении регионом, где необходимы формы взаимодействия, которые предполагают более высокий уровень ответственности, например, участие в разработке законопроектов, а также по вопросам, связанным с защитой прав потребителей, миграционной политикой регионов и по вопросам социальной сферы.

В результате исследований определены проблемы региона, в решении которых представители делового сообщества готовы принять участие, и где наблюдается тенденция усиления сотрудничества власти и бизнеса. В первую очередь это проявляется в таких сферах, как электроэнергетика, транспорт, здравоохранение, образование. Предприятия в этих сферах имеют стратегическое значение и не могут быть приватизированы, но, с другой стороны, государство не всегда обладает достаточным объемом средств, необходимым для их поддержки и развития, что требует усиления сотрудничества власти и бизнеса.

Кроме того, были определены формы и виды партнерства, которые рассматриваются бизнес-сообществом как наиболее успешные и эффективные – это участие в деятельности общественной палаты, советов, экспертных групп, при контроле деятельности органов власти, в рамках открытых дискуссионных площадок. На примере работы в общественных советах Екатеринбурга, Кургана, решениях которых принимались с участием таких бизнес-сообществ, хотя носят рекомендательный характер, но фактически они в дальнейшем становятся официальными постановлениями и актами. Таким образом, отражена практика более активного привлечения бизнеса к деятельности, где в составе различных экспертных групп по некоторым вопросам принимают участие представители бизнеса и также в деятельности общественной палаты региона или города. При этом, если учитывать круг проблем и интересов экспертов, который может быть достаточно широк, то необходимо формировать экспертные группы по максимально широкому спектру прикладных конкретных проблем региона, отрасли и городской жизни. Так, например, в рамках комитетов Городской Думы могут быть созданы условия для функционирования экспертных площадок. Бизнес также готов более активно участвовать в контроле за принятыми властью решениями и включаться в открытые дискуссионные площадки, которые при более активном использовании интернет технологий позволят расширить возможности для обсуждения актуальных проблем бизнеса. Подобный опыт есть уже в регионах России (например, по Нижегородской области), который показал достоинства и недостатки такого взаимодействия [4].

Возможность участия в социально значимых проектах отражают примеры активного участия бизнесменов в спортивных мероприятиях, поддерживающих молодежь и детское творчество, которые активно спонсируют мероприятия и участвуют в благотворительности

(например, в Екатеринбурге, Тюмени, где развиты два направления – это молодежное предпринимательство и предпринимательское сообщество) [5].

В проведенных исследованиях велись поиски факторов и причин низкой активности бизнес сообщества, где были определены возможные причины, влияющие на степень активности деловых сообществ в общественной жизни региона – это отсутствие возможностей или желания у представителей бизнеса и отсутствие какой-либо региональной или муниципальной программы по привлечению бизнеса к тесному сотрудничеству с органами власти, в результате чего отсутствовал конструктивный диалог бизнеса и власти [6].

Вместе с тем бизнес-сообщество российских регионов обладает потенциалом и стратегиями встраивания в систему поддержки региона на различных уровнях – от социального партнерства до намерения включиться в совещательные, контролирующие, дискуссионные площадки. Основные проблемы текущего этапа – это оформление возможных форм взаимодействия, привлекательных для бизнес-структур, и эффективных для органов региональной власти (например, открытие закрытой уникальной интернет-площадки, Общественной палаты и др.). С их помощью возможно более тесное взаимодействие органов власти и бизнеса, что позволит формированию более точных прогнозов в сфере промышленности, инвестиций, строительстве и внешнеэкономической деятельности при разработке стратегий социально-экономического развития регионов.

Библиографический список

1. Гусяков В.Ю. Перспективы и проблемы комплексного социально-экономического развития // Стратегическое управление: теория, практика и проблемы. Материалы XIV региональной научно-практической конференции 16.12.2016 Т. 2 Будущее земли Русской. – Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2016. – 249 с.
2. Емельянова Е.В., Новгородцева А.Н., Сивкова Н.И. Взаимодействие органов власти и бизнес-структур на региональном уровне: формы участия // XI Международная конференция: Российские регионы в фокусе перемен. – Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2016. – Ч. 1. – С. 592-601.
3. Лапыгин Д.Ю. Стратегия региона: концепция построения системы инструментов: монография. – Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2015. – 106 с.
4. Макарова Е.В. Современный подход к стратегическому планированию на уровне субъекта Российской Федерации // Стратегическое управление: теория, практика и проблемы: материалы XV межрегиональной научно-практической конференции. – Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2018. – 290 с.
5. Постсоветский институционализм / под общ. ред. Р.М. Нуреева. – Ростов на Дону, 2016. – URL: <http://rustem-nureev.ru/wpcontent/uploads/2011/01/postsov2006.pdf>.
6. Степанова А.В. Роль социального партнерства в социально-экономическом развитии (на примере взаимодействия градообразующего предприятия и органов муниципального управления) // Региональная экономика: теория, проблемы, практика. Материалы VII международной научно-практической конференции. – Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2014. – С. 150-153.
7. Колягин С.О. Частно-государственное партнерство: понятие, нормативная база // Социально-экономические явления и процессы. – 2014. – № 9. – С. 65-72.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ ЧАСТНОГО БИЗНЕСА И ГОСУДАРСТВА КАК РЕЗЕРВ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ДИНАМИКИ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Исабагандова П.Г.

Калужский филиал РАНХиГС
Россия, г. Калуга

Научный руководитель – Круглов В.Н.
Калужский филиал РАНХиГС
Россия, г. Калуга

Аннотация. Современные экономические условия ставят перед органами государственной власти и органами местного самоуправления принципиально новые задачи в вопросах социально-экономического развития, которые обусловлены динамичностью развития внешней среды и ее изменчивостью. Актуальные вызовы и угрозы внешней среды обуславливают необходимость активного поиска эффективных инструментов социально-экономического развития, которые позволяют минимизировать расходы государственных и муниципальных финансов и достигать поставленных целей в установленные сроки. В контексте важности поиска таких инструментов возрастает важность развития механизмов сотрудничества государственных и частных институтов, основанного на взаимовыгодных условиях и прозрачности взаимодействия. Государственно-частное партнерство является одним из механизмов привлечения финансового и человеческого капитала в государственный сектор с целью повышения эффективности его функционирования. Актуальность данного исследования обусловлена важностью развития института государственно-частного партнерства в современных экономических условиях и построения эффективной инфраструктуры взаимодействия частного и государственного секторов. Объектом данного исследования является государственно-частное партнерство, а предметом – практика его применения в Калужской области и перспективы его развития. Целью данного исследования является рассмотрение реализации механизма государственно-частного партнерства в Калужской области и определения перспективных направлений его развития. Конечным результатом данного исследования будут сформулированные на основании анализа реализации механизма государственного-частного партнерства в Калужской области предложения о перспективных направлениях его развития.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, Калужская область, инвестиции, государственный сектор, частный сектор.

Целью государственной политики в различных сферах управления всегда является общественный прогресс, выраженный в постоянном совершенствовании форм организации и способов взаимодействия различных социальных институтов. В настоящее время динамично изменяющиеся условия внешней среды, ее новые угрозы и вызовы обуславливают необходимость поиска новых управленческих инструментов социально-экономического развития, которые отвечают требованиям эффективности и адаптивности. В контексте важности поиска таких инструментов возрастает важность развития механизмов сотрудничества государственных и частных институтов, основанного на взаимовыгодных условиях и прозрачности взаимодействия сторон. Взаимодействие государства и бизнеса является одной из характеристик демократического уклада управления, поскольку он признает и гарантирует самостоятельность и независимость предпринимательства и социальную ориентированность институтов управления. Организация механизмов такого взаимодействия предполагает нормативное, социальное, материальное и иное ресурсное обеспечение, которое необходимо для формирования и поддержки каналов связи и сотрудничества сторон. Важнейшим принципом

регулирования сотрудничества институтов власти и субъектов предпринимательства является равенство – механизмы организации взаимодействия не должны ограничивать свободу действий и выбора вторых и при этом должны быть достаточны для удовлетворения целей и задач первых.

Одним из наиболее эффективных и распространенных в мировой практике форм сотрудничества бизнеса и государства является государственно-частное партнерство. Суть и смысл государственно- частного партнерства понимается двояко: во-первых, это система отношений государства и бизнеса, построенная на договорной основе, а во-вторых, это сами проекты, реализуемые в рамках сотрудничества государственного и частного сектора с целью международного, национального, регионального и местного социально-экономического развития. В широком смысле под государственно-частным партнерством понимается совокупность разнообразных форм взаимодействия государственного и частного секторов (как правило, долгосрочного) с целью решения общественно значимых вопросов на условиях двусторонней выгоды. Можно сказать, что государственно-частное партнерство представляет собой механизм решения различных общественно значимых проблем органами власти с привлечением представителей бизнеса путем предложения им некоей выгоды от сотрудничества. Особую актуальность институт государственно-частного партнерства приобрел в условиях мирового экономического кризиса в связи с потребностью в поддержке как государственного, так и частного сектора [3, с. 203].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что механизм государственно-частного партнерства является одним из наиболее эффективных в современных условиях форм организации взаимодействия институтов управления и частного предпринимательства, совершенствование и развитие которых на данный момент необходимо для обеспечения стабильного и последовательного социально-экономического развития.

Зарубежная практика реализации механизмов государственно-частного партнерства показывает, что она имеет достаточно широкий спектр бизнес-моделей и форм отношений. Наиболее общая форма применения данного механизма – это использование ресурсов частного сектора для удовлетворения общественных потребностей через систему публичной власти. Области реализации механизмов государственно-частного партнерства в развитых зарубежных странах разнообразны: транспорт, культура, коммунальное хозяйство, экология и т.д. Сотрудничество государственного и частного секторов в данных сферах происходит в рамках установленных законодательством норм об особенностях реализации данного механизма во исполнение различных целей. Отличительной чертой зарубежной организации проектов государственно-частного партнерства является высокая инициативность субъектов предпринимательства в вопросах участия в них, которая обуславливает достаточно высокий уровень конкуренции между субъектами бизнеса, которые стремятся стать участниками указанных проектов.

Формы реализации государственно-частного партнерства различаются по степени ответственности, которую берет на себя каждая из сторон в рамках отдельного проекта в области технического обслуживания, финансового обеспечения, владения правами собственности на объекты и т.д. Наиболее распространенными формами сотрудничества государственного и частного секторов являются контракты на управление, договоры об аренде, концессия (вид договора, заключаемый между органом власти и предпринимателем, на основании которого недвижимое государственное или муниципальное имущество реконструируется за счет частных средств на условиях возможности безвозмездного пользования реконструируемыми объектами инвесторами); контракты на строительство и т.д. Признанными мировыми лидерами в области развития форм государственно-частного партнерства признаются США и Франция [2, с. 23].

В зарубежных странах реализуемые в рамках сотрудничества государственного и частного секторов проекты распространены во всех отраслях народного хозяйства. Данный меха-

низм решения общественно значимых вопросов реализуется за счет поощрения частных финансовых вливаний в государственные проекты, которые не представляют коммерческого интереса на обычных условиях. Однако наиболее привлекательным для иностранного бизнеса в проектах государственно-частного партнерства является предоставление инвесторам монополии на безвозмездное пользование финансируемыми ими объектами.

Российский опыт внедрения государственно-частного партнерства в основном связан с возрастанием роли государства в экономике и одновременно ослабления его финансовых возможностей в области экономического развития. Нынешние российские приоритеты в области сотрудничества с бизнесом сместились от так называемого «добровольного социального спонсорства к сотрудничеству на взаимовыгодных условиях [4, с. 489].

Несмотря на то, что фактически проекты государственно-частного партнерства были реализованы в отечественной практике еще в 2000 г., а в последующем регулировались законодательством о концессионных соглашениях, законодательное закрепление механизма государственно-частного партнерства в России было осуществлено с момента принятия в 2015 г. федерального закона о государственно-частном партнерстве, положения которого регламентировали его основные формы, цели и основания реализации. Однако закон имеет больше декларативный характер, а реальная реализация проектов государственно-частного партнерства основана на федеральном законодательстве о концессионных соглашениях. В соответствии с федеральным законом, сторонами соглашения о государственно-частном или муниципально-частном партнерстве является публичный орган и частный инвестор [1].

В соответствии с заключенным между органом власти и частным инвестором соглашение второй обязуется за счет собственных или заемных финансовых средств осуществлять техническое обслуживание и эксплуатацию объекта, а первый – предоставлять инвестору возможность возникновения права собственности на объект соглашения. То есть в процессе реализации проекта государственно-частного партнерства публичный партнер заинтересован в содержании объекта соглашения, находящегося в государственной или муниципальной собственности за счет средств частного инвестора, а то время как инвестор получает возможность получения прибыли от безвозмездной эксплуатации объекта соглашения в течение определенного времени (несмотря на то, что объект по-прежнему остается в государственной или муниципальной собственности). Основной принцип организации государственно-частного партнерства заключается в соблюдении баланса интересов сторон – каждая из них должна быть в полной мере удовлетворена социально-экономическими эффектами, которые возникают впоследствии выполнения ими договорных обязательств.

Объектами соглашения, в соответствии с законом, могут являться различные виды движимого и недвижимого имущества: общественный транспорт, автомобильные дороги, порты, суда, линии связи и коммуникации, объекты благоустройства территории, объекты образования, культуры, спорта и т.д. Исходя из установленного законом перечня объектов соглашения можно сделать вывод о том, что они представляют собой важнейшие инфраструктурные элементы, эксплуатация и техническое обслуживание которых является весьма финансово затратным, что и объясняет такие приоритеты в привлечении к софинансированию их содержания частного капитала. Привлечение средств субъектов предпринимательства позволяет государству, во-первых, снижать бюджетные расходы на содержание и обслуживание различных объектов, а во-вторых, развивать институты гражданского общества, являющиеся одними из наиболее значимых характеристик демократического общества.

Несмотря на то, что в отечественной практике относительно немного проектов, реализуемых в рамках соглашений о государственно-частном или муниципально-частном партнерстве (около 150), впечатляет объем инвестиций, привлекаемых публичным сектором в рамках такого сотрудничества. На рисунке 1 представлены объемы инвестиций, привлекаемых публичным сектором в рамках соглашений о государственно-частном (муниципально-частном) партнерстве в Калужской области [7].

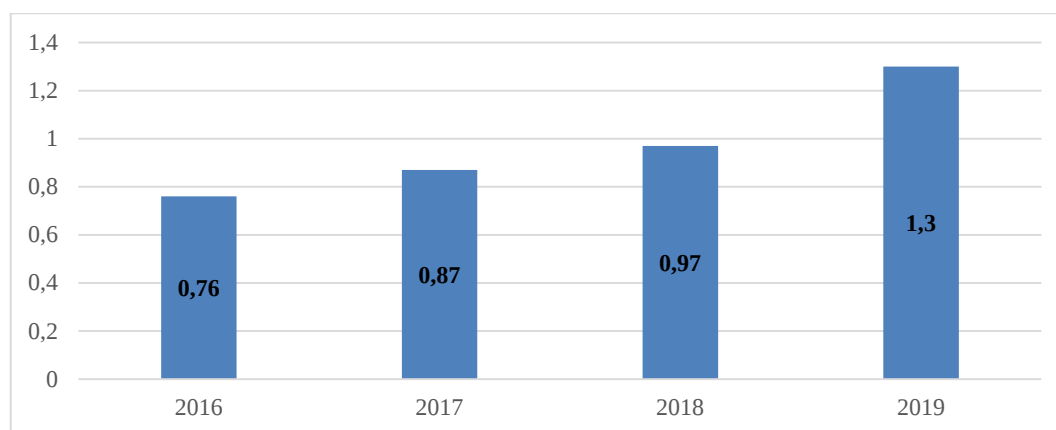

Рисунок 1. – Динамика объемов инвестиций, привлекаемых публичным сектором в рамках соглашений о государственно-частном партнерстве в Калужской области, млрд руб. (за период 2016-2019 гг.)

Исходя из рисунка, можно сделать вывод о том, что за период 2016-2019 гг. в Калужской области наблюдался рост объемов, привлекаемых в рамках соглашений о государственно-частном партнерстве инвестиций в публичный сектор. На данный момент в Калужской области заключено 22 соглашения о государственно-частном партнерстве в различных сферах деятельности (табл. 1) [5, с. 151].

Таблица 1. – Распределение по сферам деятельности соглашений о государственно – частном партнерстве в Калужской области

Сфера деятельности	Количество соглашений
Культура	1
Социальная сфера	1
Инфраструктура	1
Обращение с ТКО	2
Инвестиционные обязательства	2
Коммунальное хозяйство	15

Исходя из таблицы 1, можно сделать вывод, что наиболее распространенным видом соглашений о государственно-частном партнерстве в Калужской области являются концессионные соглашения в сфере коммунальной инфраструктуры, конкретнее – в отношении объектов теплоснабжения.

В 2012 г. в структуре Агентства регионального развития Калужской области было образовано подразделение, которое на данный момент является автономным региональным оператором в сфере реализации проектов государственно-частного партнерства на территории региона. В полномочия Центра государственно-частного партнерства входит разработка и реализация инвестиционных проектов в регионе с привлечением частного капитала. По официальным данным Центра, Калужская область на 2019 г. занимала 7 место в ЦФО по уровню развития механизмов государственно-частного партнерства [7, с. 45]. Стоит также отметить, что именно Центром ГЧП в Калужской области было разработано и реализовано единственно в России соглашение о государственно-частном партнерстве в отношении объектов культурного наследия – каретного сарая и ткацкого корпуса усадьбы «Полотняный завод» в Дзержинском районе [8]. В соответствии с концессионным соглашением, заключенным в 2012 г. между Министерством экономического развития и ЗАО «ИК Альпинекс Австрия» на 49 лет, в обязательства инвестора входит реконструкция указанных объектов культурного наследия, а обязательства региональный органов власти – предоставление реконструированных помещений в аренду концессионеру с возможностью их коммерческого использования [6, с. 34].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что сотрудничество публичного и частного секторов в Калужской области динамично развивается, а его формы весьма разнообразны. Стоит отметить, что регион является одним из лидеров в ЦФО и России по уровню развитости данного механизма, во многом благодаря именно единственному на данный момент в России реализуемому проекту государственно-частного партнерства в отношении объекта культурного наследия [9].

Однако с целью комплексного развития региона и механизмов взаимодействия бизнеса и власти необходимо искать новые перспективные пути реализации проектов в рамках государственно-частного партнерства. Одним из перспективных направлений развития данного механизма мы считаем привлечение частного капитала в сферу IT и благоустройства. Эти два направления могут быть объединены в рамках идеи привлечения частных инвесторов к цифровой трансформации городов в Калужской области, актуальной ввиду современных национальных приоритетов. С целью реализации данного проекта необходимо [10]:

- усовершенствование законодательства в области реализации механизмов государственно-частного партнерства (в частности – принятия регионального закона о формах применения данного механизма);
- создание проекта по финансированию разработок цифровых решений для городской среды за счет средств частного сектора на условиях монопольного права размещения рекламы на устанавливаемых объектах.

Также в рамках реализации решения необходимо разработать проект по привлечению инвесторов с обозначением всех ожидаемых выгод заключения соглашения в данной сфере и планируемыми объемами инвестиций и прибыли. При разработке политики привлечения инвесторов к участию в проекте цифровизации городов необходимо исходить из того, что он может быть среднесрочным, а сроки окупаемости вложенного капитала – достаточно короткими. Реализация предложенного решения позволит обеспечить социально-экономическое развитие региона и увеличить темпы цифровизации городских пространств, а также посодействовать развитию механизма государственно-частного партнерства в Калужской области.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что государственно-частное партнерство является эффективным механизмом социально-экономического развития регионов, который нуждается в постоянном развитии и совершенствовании ввиду своей значимости в вопросах формирования как точек роста экономики, так и доверительных отношений между государством и гражданским обществом.

Библиографический список

1. О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 31. – ст. 4398.
2. Аверкиева Е.С. Государственно-частное партнерство как институт стимулирования предпринимательской деятельности // Journal of Economic Regulation. – 2017. – № 4. – С. 23-29.
3. Круглов В.Н. Проблемы финансирования инновационного развития малого и среднего бизнеса в Российской Федерации // Финансовая экономика. – 2018. – № 8. – С. 201-203.
4. Круглов В.Н. Инструменты государственного регулирования инновационного развития региона // Финансовая экономика. – 2019. – № 1. – С. 489-491.
5. Круглов В.Н., Тютин Д.В. Качество жизни как императив современного экономического развития // Modern Economy Success. – 2020. – № 2. – С. 145-151.
6. Савченко И.И. Государственно-частное партнерство в России: современное состояние и проблемы развития // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. – 2019. – № 5. – С. 34-39.

7. Федорова Е.А., Довженко С.Е. Анализ факторов, влияющих на эффективность развития государственно-частного партнерства в России // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2018. – № 3. – С. 45-51.
8. Официальный сайт органов власти Калужской области. – URL: <http://admoblkaluga.ru>.
9. Официальный сайт Центра государственно-частного партнерства Калужской области. – URL: <http://ppp-kaluga.ru>.
10. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – URL: <https://kalugastat.gks.ru>.

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ СИЛОВЫХ СТРУКТУР НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Лушников М.С.

*Калужский филиал РАНХиГС
Россия, г. Калуга*

*Научный руководитель – Круглов В.Н.
Калужский филиал РАНХиГС
Россия, г. Калуга*

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются вопросы противодействия коррупции. Подчеркнуто, что коррупция – это негативное контрпродуктивное социальное явление, ведущее в конечном итоге к деградации общества. Отмечено, что оно проявляется в использовании служебного положения в личных целях, для получения материальной или иной выгоды. Освещены вопросы деятельности Министерства обороны Российской Федерации в борьбе с коррупцией, проводимые мероприятия, способствующие уменьшению коррупционной составляющей в повседневной деятельности.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, борьба с коррупцией.

Поднимая к рассмотрению тему коррупции, стоит отметить следующий очень важный аспект. Первое, с чем сталкивается исследователь данного вопроса – это то, что он имеет давнюю историю и является одной из глобальных проблем общества. Бывший Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан на сессии Генассамблеи ООН назвал коррупцию «социальной чумой». Сегодня коррупция сравнима с быстро распространяющимся вирусом, отсутствие противодействия которому непременно ведет к деградации государства, социума и личности в целом. Главным стимулом к коррупции является возможность получения экономической прибыли, связанной с использованием властных полномочий, а главным сдерживающим фактором – риск разоблачения и наказания. [1, с. 69].

В частности, говоря о государстве, мы сталкиваемся с высоким уровнем коррумпированности чиновников, использующих свой административный ресурс в интересах частных лиц, недобропорядочных слоев населения, что зачастую пагубно влияет на развитие страны в целом. «Коррупция ослабляет демократию и правопорядок, что ведет к нарушениям прав человека, искажает рыночные механизмы, ухудшает качество жизни людей, способствует организованной преступности, терроризму и другим угрозам международной безопасности. Это опаснейшее явление присутствует во всех странах – больших и малых, богатых и бедных...» [2].

Россия не является исключением, коррупция в нашей стране также является серьезной угрозой, которая ведет к ряду глобальных проблем ее развития. Политическая, экономическая, социально-культурная составляющая, общенациональное развитие, доверие к власти,

престиж страны на международной арене, абсолютно все сферы подвержены влиянию этого опасного явления. Коррупция – прямая угроза национальной безопасности. Борьба с коррупцией равно, как и повышение эффективности ее предупреждения в государственных органах Российской Федерации и ее субъектов сегодня является одной из приоритетных задач руководства страны. В целях повышения эффективности борьбы с коррупционными деяниями в 2018 г. в антикоррупционное законодательство были внесены определенные поправки, затрагивающие вопросы взыскания в пользу государства «коррупционнонажитых» средств, отчетности о финансовом состоянии чиновников, сроков привлечения к ответственности, а также «конфликта интересов». Тем не менее, подобные начинания не увенчались успехом, коррупционность чиновников продолжала процветать [3, с. 202].

Очередным этапом противодействия коррупции возможно отметить 2020 г. Произошла смена большого количества чиновников, внесены поправки в Конституцию Российской Федерации, а также в иные нормативно-правовые акты нашей страны. Отдельное внимание уделено судебной системе и требованиям к лицам, занимающим государственные должности. Эффективность упомянутых действий мы увидим уже в ближайшем будущем.

В настоящее время дальнейшая деятельность по предупреждению коррупции в органах государственной власти направлена на усиление открытости принятия различного рода решений, их доступность для граждан Российской Федерации, прозрачность, понятность и обоснованность. Также ведется работа над ключевой причиной роста коррупции – конфликтом интересов на государственной службе. Здесь важно, не только выработка рекомендаций и методического материала по данному вопросу, но и их строгое выполнение [4, с. 491].

В тоже время основной акцент, по нашему мнению, целесообразно сделать на формировании у всего общества «неприязни» к коррупции, выработке у населения страны понимания важности борьбы с этим «злом». Достигаться это должно в совокупности с развитием экономического и социального благосостояния всех граждан государства, правильным воспитанием будущих поколений, а также уменьшением финансового разрыва «бедных» и «богатых».

Как уже было сказано ранее, коррупция присутствует во всех органах государственной власти, и борьба с ней ведется во всех ее эшелонах. Это пагубное явление не обошло стороной и Министерство обороны Российской Федерации. Еще на слуху у многих история, связанная с бывшей сотрудницей Евгенией Васильевой, которая нанесла ущерб государству в размере почти 650 млн руб. Она была приговорена к 5 годам лишения свободы в колонии общего режима за мошенничество. Тем не менее, там Васильева провела не долго. Районный суд, где находится данное исправительное учреждение, удовлетворил ходатайство об условно-досрочном освобождении Васильевой, которая, как было объявлено, возместила ущерб в размере 200 млн. руб. Ее освобождение вызвало волну негодования и общественной критики. Очередной громкий случай прозвучал весной 2021 г., когда Хамовнический районный суд Москвы приговорил бывшего замруководителя управления Минобороны России по конкурентным процедурам Александра Боровкова к 5,5 годам колонии и многомиллионному штрафу за превышение должностных полномочий и особо крупную взятку. По данным следствия в результате деятельности экс-чиновника Минобороны России на не выгодных для ведомства условиях потеряло более 650 млн руб. Полученную им взятку в размере 368 млн руб. СМИ назвали рекордной в истории министерства [5, с. 147]. Подобные преступления, естественно, вызывают негодование общества.

Проблематика коррупции не может и не должна оставаться без решения. Борьба с ней является одной из приоритетных задач Минобороны России. Вопрос антикоррупционной деятельности стоит на особом контроле у Министра обороны Российской Федерации. Организована кропотливая и тщательная работа органов военного управления на данном направлении. В 2013 г. на основе проведенного анализа основных нарушений антикоррупционного законодательства и планов противодействия коррупции, был выявлен перечень основных причин

нарушений, включающий в себя как слабое знание нормативно-правовой базы, регулирующих сферу противокоррупционной деятельности, так и низкий контроль руководства [6].

В этой связи в целях профилактики коррупционных правонарушений в Минобороны России организована работа по оказанию консультативной помощи военнослужащим и гражданским служащим по вопросам, связанным с применением на практике требований к служебному поведению и общих принципов служебного поведения государственных служащих. Проводится правовое просвещение сотрудников Министерства обороны Российской Федерации. На постоянной основе осуществляются проверки выполнения требований антикоррупционного законодательства в ведомственных органах военного управления, а также достоверности и полноты сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых военнослужащими и гражданскими служащими. Ведется огромная ведомственная нормативно-правовая работа. Минобороны России принимает активное участие в проводимых российских и международных антикоррупционных мероприятиях. В целях противодействия коррупции в Минобороны России постоянно принимаются специальные целевые антикоррупционные положения и приказы. Это лишь небольшой список предпринимаемых мер противодействия коррупционной деятельности. Работа ведется кропотливо с большим энтузиазмом. Тем не менее, статистика показывает, что коррупция продолжает набирать обороты.

Для чего необходимо проводить указанную работу в оборонном ведомстве? К чему может привести ее отсутствие? Отвечая на эти вопросы, хотелось бы напомнить, что деятельность оборонного ведомства страны направлена на безопасность всего государства. Коррупция может процветать в различных подразделениях министерствах. Это и кадры, начиная от подготовки военнослужащих, имеется ввиду поступление на военную службу, заканчивая назначением на ту или иную должность, или подбором гражданского персонала. Коррупция может пагубно сказаться на вооружении российской армии. Недобропорядочные чиновники ведомства, преследуя свою выгоду, могут отдать предпочтение не востребованной и качественной продукции военного назначения, а более выгодному для «своего кармана» предложению. В итоге на вооружение российской армии поступит «бесполезная», но дорогостоящая военная техника. Строительство различных объектов Минобороны России, вопросы, отданные на аутсорсинг гражданским организациям, вещевого, имущественного, продовольственного и иного обеспечения постоянно находятся «под прицелом коррупции».

Развитие коррупции пагубно влияет на административный аппарат Министерства обороны Российской Федерации и, как следствие, ведет к подрыву обороноспособности нашей Родины. Увлеченные в коррупционные схемы единичные работники оборонного ведомства, в случае если они захватывают управляющие должности, фактически становятся «предателями» государства. Сегодня можно с уверенностью сказать, что многоуровневый контроль за военнослужащими и гражданскими служащими Министерства обороны Российской Федерации дает определенные положительные результаты.

В тоже время присутствие в законодательстве и подзаконных нормативных законах действиях недостатков и «лазеек», формирующих посылы разным коррупционным злоупотреблениям, является одним из основных факторов развития данной проблемы.

Работа по искоренению коррупции должна вестись не только в оборонном ведомстве, но и во всем государственном аппарате и обществе в целом. Необходимо предпринимать самые крайние и дальновидные меры. Для успешного противодействия коррупции необходимо применять современные технологии, опыт развитых стран, добившихся значительных успехов в борьбе с ней. При этом важно учитывать менталитет населения нашей страны.

Например, переход на электронные счета расчета дал определенные положительные результаты по контролю за движением финансовых средств, выявлению коррупционных схем. Но, на долго ли это? С развитием криптовалюты, в условиях ее бесконтрольности, вопросы

коррупции, по моему мнению, будут становиться еще более острой. Коррупция «идет в ногу со временем», для борьбы с ней необходимо предпринимать стратегические долгосрочные меры.

Необходимо ясно осознавать, что самое главное – это воспитание в умах всего общества нетерпимости к коррупции и понимания крайней пагубности различных видов ее деятельности. Важно вывести ее в разряд наиболее жестоких преступлений. Надо постоянно проводить соответствующую пропагандистскую работу, совершенствовать нормативно-правовые акты, повышать эффективность контроля со стороны надзорных органов за исполнением законов и должностных обязанностей всеми государственными служащими и обществом в целом. В государственных органах необходимо организовать деятельность под иерархическим и параллельным антикоррупционным контролем со взаимной ответственностью, важно установить достойную зарплату должностным лицам и осуществлять ротацию кадров на всех без исключения уровнях. Вся деятельность должна реализовываться непосредственно на практике, а не на словах или бумаге.

Подводя итог, хотелось бы еще отметить следующее, проблема коррупции и борьбы с ней имеет большую историю. Она процветала до нас, останется и после. Накопленный в разных странах опыт развития коррупции и противодействия ей показывает, что нечеткость, неполнота, поверхностность суждений в этой области способствует росту коррупционных деяний, а также приводит к искажению правосознания той или иной нации. Отдельными гражданами коррупция воспринимается не столько как правонарушение, сколько как «норма жизни», которая всех устраивает и используется обеими сторонами коррупционной «сделки» [6].

Стоит поставить вопрос о том, на сколько мы сами приемлем наличие подобного явления в обществе. Готов ли социум в нравственном плане жить без коррупции во всех ее ипостасях и формах, или все-таки нам хотелось бы получить ту или иную справку «побыстрее», так сказать, за «шоколадку»? С чего начинается коррупция? Лишь честно ответив самим себе на эти вопросы, радикально изменив мышление по данному направлению, возможно воспитать в умах будущего поколения упомянутую «неприязнь» к столь опасному явлению. Пусть это будет первый небольшой шаг. Но как говорят, «все великие дела начинались с малого».

Библиографический список

1. Айрапетян Э.С. Причины и условия, порождающие коррупцию в Российской Федерации в современных условиях // Актуальные вопросы юридических наук: материалы Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, ноябрь 2012 г.). – Челябинск: Два комсомольца, 2012. – С. 68-71.
2. Ванновская О.В. Психология коррупционного поведения государственных служащих: монография. – 2-е изд. – М.: Юрайт, 2020.
3. Круглов В.Н. Проблемы финансирования инновационного развития малого и среднего бизнеса в Российской Федерации // Финансовая экономика. – 2018. – № 8. – С. 201-203.
4. Круглов В.Н. Инструменты государственного регулирования инновационного развития региона. // Финансовая экономика. – 2019. – № 1. – С. 489-491.
5. Круглов В.Н., Тютин Д.В. Качество жизни как императив современного экономического развития // Modern Economy Success. – 2020. – № 2. – С. 145-151.
6. Овчинников О.А., Тришкин С.В. Правовые и социальные аспекты, оказывающие влияние на антикоррупционную ситуацию в России // Административное право и процесс. – 2012. – № 5.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ ТЕРРИТОРИЙ

Кондратьев В.П.

*Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС
Россия, г. Орел*

Аннотация. В статье рассматривается проблема создания современных механизмов управления развитием субъектов Российской Федерации и особая роль подготовки государственных гражданских служащих к решению задач перспективного развития, а также оценки эффективности созданных институтов управления на основе социологического мониторинга.

Ключевые слова: государственная гражданская служба, стратегическое планирование.

На протяжении трех десятилетий постсоветской эпохи вопрос внедрения принципов стратегического управления в развитие регионов и макрорегионов, отдельных сфер российской экономики и национальной экономики в целом ставился неоднократно. При этом окончательного ответа ни на этот вопрос, ни на массу сопутствующих, фактически, не состоялось.

Уже в самом начале XXI в. пришло осознание, что деятельность в сфере экономического и социального развития исключительно в соответствии с потребностями текущего рыночного момента не является действенной альтернативой тотальному государственному планированию с пятилетним циклом, принятому в СССР. Тогда же наметилась воля отдельных регионов к разработке среднесрочных и долгосрочных документов, фиксирующих цели, задачи и ресурсы их развития. Эти инициативы стимулировались на федеральном уровне, хотя консенсус в отношении подходов к планированию социально-экономического развития не был достигнут и оформлен юридически за исключением нескольких ведомственных нормативных актов. К концу нулевых годов выявился достаточно значимый факт российской теории и практики развития территорий: между наличием либо отсутствием документов перспективного планирования (стратегиями, программами, планами) с одной стороны и темпами, а также уровнем социально-экономического развития региона – с другой, отсутствует корреляция, которую можно было бы проследить на уровне макроэкономических и демографических параметров. Нередко программные документы, утвержденные с соблюдением всех процедур, включая публичное обсуждение, вскоре после принятия обнаруживали растущее расхождение с жизнью и утрачивали свою практическую роль задолго до формального завершения срока действия.

Тем не менее, работа над программами и стратегиями расширялась, накапливался практический опыт. С 2008 г. одной из главных проблем проектируемого и скоординированного развития российских регионов и макрорегионов становятся регулярные потрясения мировой и российской экономики, требующие всякий раз перехода на «ручное управление» для удержания ситуации в пределах «умеренного» сценария и избегания перехода к «негативному». Экономическая несамостоятельность большинства субъектов Российской Федерации ставила их в сложную ситуацию, при которой внутренние планы и ресурсы их достижения оказывались не вполне соизмеримыми как по отношению к вызовам и рискам, спровоцированным колебаниями мировой экономики, так и по отношению к положительным инициативам федерального уровня. То есть активное противостояние первым, как и поддержка вторых оказывались на грани возможностей регионов, что, безусловно, сужало сферу реализации собственно региональных инициатив. Частично это компенсировалось общим экономическим ростом, который положительно отражается на благосостоянии регионов. Однако тема

программ и стратегий регионального развития в этой ситуации закономерно отстывает на второй план: использование их в качестве политических деклараций властей на основе социального консенсуса об ориентирах развития или предвыборных программ – в отличие от предыдущего десятилетия – теряет свою привлекательность и практическую роль именно по причине своей декларативности.

Вместе с тем, к концу второго десятилетия нашего века был в целом завершен длительный процесс формирования российского законодательства в сфере стратегического планирования. В сложившейся системе документов нашли отражение как общие концептуальные вопросы управления развитием, так и новые инструменты государственной поддержки развития экономики, технологий и социальной сферы: приоритетные проекты, государственные программы и т.д.

Обстоятельства новейшего времени, включая пандемию и санкции недружественных государств, закономерно повлекли за собой централизацию управления во многих сферах, включая те, которые предусматривали широкие полномочия субъектов Российской Федерации. Это позволило оперативно принимать важные решения для поддержания безопасности и благополучия в национальных масштабах.

В описанном сложном контексте в сфере управления развитием регионов возникла и требует решения «здесь и сейчас» весьма амбициозная задача: обеспечить реализацию уникального пути и собственной миссии региона, predeterminedенные его географическим положением, экономическим потенциалом, историей и культурой, при этом активно задействуя не только потенциал самой территории, но и возможности и ресурсы, формируемые на федеральном уровне.

С учетом сказанного, стратегическое планирование, освоенное многими регионами, должно не только получить более широкое распространение, но и активно надстраиваться институтами стратегического управления. Опыт двух предшествующих десятилетий регионального стратегирования в России показал, что наличие планов, в том числе закрепленных региональным законодательством, само по себе не является гарантией их реализации. Поэтому создание стратегически ориентированных органов управления, структур, способных проводить и транслировать актуальную идеологию развития, является одной из ключевых задач региональных органов государственного управления.

С практической точки зрения выработка и реализация среднесрочных и долгосрочных планов развития региона является сложным и непрерывным процессом взаимодействия между его высшим руководством и органами исполнительной власти, в котором идет поиск баланса между «амбициозностью» и «выполнимостью» задач. При этом классическая теория дихотомии власти «амбициозность» соотносит с политическим уровнем власти, а «выполнимость» – с административным.

Особенность административного уровня власти, то есть государственных органов, основной состав которых – гражданские служащие, чиновники, состоит в том, что создание устойчивой мотивации к развитию здесь достаточно затруднительно, что является специфической, объективной чертой функционирования государственного аппарата. Задача стимулирования чиновников в зависимости от практических результатов их деятельности, несмотря на непрекращающиеся попытки, не нашла достаточно эффективного и универсального разрешения ни в России, ни за рубежом. Привязку функций и полномочий каждого конкретного государственного служащего к результатам социально-экономического развития с учетом высокой вариативности изменений каждого из учитываемых факторов сегодня следует признать невозможной. Тем не менее, понимание важности совершенствования государственных институтов, прежде всего органов исполнительной власти, является одним из ключевых факторов успешной реализации планов, программ и стратегий развития регионов.

Развитие компетенций гражданских служащих в сфере стратегического управления может и должно опираться на весь спектр инструментов профессионального развития. Отметим, что сегодня кроме традиционных дополнительных профессиональных программ в число этих инструментов входят семинары, тренинги, мастер-классы, конференции, круглые столы, служебные стажировки [1].

На наш взгляд, логическим продолжением мер по созданию стратегически ориентированных исполнительных органов и подготовки профессиональных кадров для них должна стать регулярная объективная оценка состояния государственной гражданской службы на основе социологических опросов. Такие опросы, проводимые на регулярной основе среди гражданских служащих и населения, то есть социологический мониторинг, позволил бы сформировать каналы обратной связи для контроля результативности усилий по созданию механизмов стратегического управления.

Можно представить несколько групп переменных, значение которых должно отслеживаться в рамках мониторинга:

1. «Базовые». Они предполагают оценку качества исполнения основной функциональной роли гражданских служащих. С позиций государственных служащих «базовые» параметры должны характеризовать понимание ими своих профессиональных целей и оценку уровня их достижения. С позиций населения «базовые» параметры говорят о степени удовлетворенности граждан работой органов исполнительной власти – прежде всего там, где между ними происходит непосредственное взаимодействие.

2. Переменные второй группы можно назвать вторичными или условными. Они призваны описать состояние условий, обеспечивающих выполнение гражданскими служащими основных функций. Сюда можно отнести, в частности, степень правовой урегулированности вопросов прохождения гражданской службы, характер и уровень накладываемых ограничений, статус гражданской службы как профессиональной деятельности, условия для профессиональной самореализации, социальное положение чиновника и наличие возможных преимуществ, которые дает гражданская служба, ресурсообеспеченность гражданской службы в широком смысле, престижность, наличие социальных гарантий и других форм защиты. Эта группа переменных не менее значима по сравнению с первой, поскольку дает определенные ключи к расшифровке значений «базовых» переменных.

3. Третья группа переменных связана с социальной оценкой характера и динамики происходящих изменений. В этой связи отсутствие изменений в сфере государственного управления, фиксируемое в общественном сознании, особенно на фоне низких значений «базовых» переменных может расцениваться как тревожный симптом. Опросы могут фиксировать оцениваемый темп изменений и, возможно, их вектор: соответствие – несоответствие социальным ожиданиям.

Проведение опросов и первичная обработка данных могут быть осуществлены силами региональных научных и образовательных организаций, что, в свою очередь, даст дополнительный импульс к взаимовыгодному сотрудничеству ученых, экспертов и органов государственной власти по вопросам развития территорий.

Библиографический список

1. О профессиональном развитии государственных гражданских служащих Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 21 февраля 2019 г. № 68 // Доступ из Справ.-прав. системы Консультант Плюс.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИНСТРУМЕНТОВ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОПОРЯДКА

Бекмурадов К.А.

Калужский филиал РАНХиГС
Россия, г. Калуга

Научный руководитель – Круглов В.Н.
Калужский филиал РАНХиГС
Россия, г. Калуга

Аннотация. На основе системного подхода автором исследован процесс активизации законодательного творчества на федеральном уровне. Нормативно-правовое обеспечение происходящей в секторах народного хозяйства деятельности является неотъемлемой частью экономической стратегии развития всей страны, а потому само направление данных разработок является не просто актуальным, а востребованным самим временем. Предлагаются новые подходы к использованию уже существующих инструментов принятия и развития законодательной базы. В частности, это касается факультативных парламентских согласительных процедур, обладающих весьма высоким ресурсом дальнейшего развития. Даются обоснованные выводы и предложения по использованию предлагаемых инструментов.

Ключевые слова: исполнительная власть, законодательная власть, программно-целевое обеспечение, согласительные процедуры, инструменты, регулирование, консенсус.

Основой правопорядка, как известно, является высококачественная работа правоохранительных органов и высокий уровень гражданского правосознания. В свою очередь, для построения системы государственных органов, в их числе правоохранительных, необходим отлично построенный, отлаженный и бесперебойно работающий государственный механизм [1]. Фундаментом работы органов исполнительной власти, в частности, и государственных органов в целом является правоприменение. Нормативно-правовые акты, которые регламентируют правоотношения в области реализации своей компетенции государственными органами, требуют постоянной актуализации, совершенствования. Положения нормативно-правовых актов обязаны изменять законодатели в соответствии с современными тенденциями, в том числе в области организации правопорядка [2, с. 201]. Конституция Российской Федерации, принятая на всенародном голосовании 12.12.1993, предусматривает организацию системы и структуру государственных органов, устанавливает основные требования к ней. основополагающие начала обеспечения современного правопорядка заложены в положениях Конституции России.

Настоящее исследование проведено в аспекте воздействия процесса нормативно-правового регулирования на положения, определяющие компетенцию государственных органов, обеспечивающих их функционирование, статус должностных лиц, взаимодействие с гражданами, все виды ответственности и т.д., т.е. на нормативно-правовое регулирование обеспечения правопорядка, только в части законодательного регулирования на федеральном уровне и уровне субъектов Российской Федерации [3, с. 490]. В результате исследования установлено, что одним из негативных факторов, влияющих на законодательный процесс, является отсутствие нормативно-правового регулирования процессов согласования интересов, как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов. По нашему мнению, хорошо продуманные, соответствующие современным тенденциям инструменты преодоления разногласий, безусловно, окажут позитивное влияние на законодательный процесс, соответственно и на нормативно-правовое регулирование современного правопорядка [4, с. 150].

Парламентские согласительные процедуры являются необходимым элементом законодательного процесса. Они служат, в том числе для превентивного устранения разногласий, а также для контроля над конфликтной ситуацией. Для оптимизации изложения изученного материала разработана авторская классификация парламентских согласительных процедур, включающая положения исследований И.М. Степанова и Т.Я. Хабриевой, И.Н. Рязанцева, Н.В. Кудрявцева: внутрипалатные согласительные процедуры; межпалатные согласительные процедуры; межинституциональные согласительные процедуры; федеративно-институциональные согласительные процедуры; факультативные (иные) парламентские согласительные процедуры. На наш взгляд, именно последние, в некотором смысле, опережают время в части возникновения необходимости нормативно-правового регулирования, в том числе и общественных отношений, обеспечивающих общественный порядок. Факультативные (иные) парламентские согласительные процедуры отвечают вызовам глобализации и всеобщим мировым тенденциям развития государства и обеспечения правопорядка, в том числе и международного (мирового).

Положения ч. 5. ст. 26 Регламента Государственной Думы предоставляют дополнительный перечень форм выражения парламентских согласительных процедур. Для выяснения фактического положения дел и общественного мнения по вопросам законопроектной деятельности и по другим вопросам, находящимся в ведении комитетов и комиссий, комитеты и комиссии могут организовывать парламентские слушания, проводить конференции, совещания, круглые столы, семинары и принимать участие в их работе.

Известно, что в палатах Федерального Собрания проводятся лекции, семинары, круглые столы, на которые в качестве соорганизаторов приглашаются выдающиеся специалисты по различным направлениям общественной и политической жизни, а в качестве слушателей приглашают студентов, аспирантов различных учебных заведений. На мероприятиях данной направленности проходят обсуждения, вырабатываются решения, проводятся исследования о восприятии и понимании различных общественно-политических реалий, выявляется общественное мнение и предпринимаются попытки его трансформации и перенаправления либо изучения и корректировки. Таким образом, такие мероприятия можно отнести к парламентским согласительным процедурам в широком смысле, имеющим превентивный характер и, что интересно, имеющим обратный вектор воздействия.

Также приобретает свою актуальность такое новое политическое явление, как стадия «нулевого чтения», укоренившееся и зарекомендовавшее себя в практике зарубежных стран. Подобную деятельность органов государственной власти по согласованию своей позиции в отношении проекта закона представляется возможным также отнести к согласительной. Любимовым А.П. представлена дефиниция рассматриваемой парламентской процедуры, которая «...представляет собой отработку законопроектов в режиме предварительного согласования, в результате чего определяются приоритеты опережающих действий противоборствующих сторон, оттачиваются лоббистские механизмы» [5, с. 3]. Названную процедуру необходимо отнести именно к парламентским согласительным, возникающим в практической деятельности Федерального Собрания, в связи с тем, что необходимым ее условием является наличие текста законопроекта, по которому проводится процедура предварительного согласования – стадия «нулевого чтения». Вместе с тем важными условиями «нулевого чтения» законопроекта являются: представление текста законопроекта; обоснование необходимости его принятия, включающее развернутую характеристику законопроекта, его целей, места в системе действующего законодательства, прогноза социально-экономических и иных последствий его принятия; составление справки о состоянии законодательства в данной сфере правового регулирования; уточнения перечня законов и иных нормативно-правовых актов, отмены, изменения, дополнения или принятия которых потребует принятие данного законопроекта; представление финансово-экономического обоснования материальных и иных затрат на реализацию законопроекта. В СССР имела практика создания подготовительных

комиссий, которые осуществляли подготовку и корректировку текста законопроекта, после чего согласовывали его положения с органами исполнительной власти и иными заинтересованными лицами [6, с. 14]. Таким образом, имеющаяся практика «нулевых чтений» в Федеральном Собрании – это хорошо забытые старые инструменты согласования интересов участников законотворческой деятельности.

Надо сказать, что у этой парламентской согласительной процедуры имеется ряд особенностей. Например, «нулевое чтение» может протекать в различных формах, в зависимости от субъектного состава. Итак, в том случае, если процесс согласования не выйдет за пределы Государственной Думы, то данная парламентская процедура будет протекать в форме внутрипарламентской. Если в процессе согласования участвуют представители Президента России или Правительства, то соответственно в форме межинституциональной. Т.е. «нулевое чтение» законопроекта – парламентская согласительная процедура, которая может быть выражена в любой разработанной нами форме. Несмотря на положительные результаты, которые может принести стадия «нулевого чтения», имеются также отрицательные факторы, оказывающие негативное влияние на законодательный процесс. В первую очередь это, конечно, отсутствие нормативно-правового регулирования рассматриваемой стадии законодательного процесса на федеральном уровне, что, возможно, способствует различным злоупотреблениям со стороны участников и других аффилированных лиц [7, с. 33].

Интерес также вызывает процесс медиации, который по совокупности признаков, возможно отнести к согласительным процедурам, но парламентскими их назвать не представляется возможным.

Актуальность согласительных процедур в целом и парламентских согласительных процедур в частности подтверждается признанием государственными органами их значимости. Верховный Суд Российской Федерации, признавая необходимость усиления согласительных процедур, внес в Государственную Думу Российской Федерации проекты федеральных законов, положения которых обязывают участников процессуальных правоотношений предварительно изыскивать всевозможные пути досудебного урегулирования спора, а после возбуждения судебных дел в качестве приоритетного способа разрешения конфликта рассматривать мировое соглашение. Расширяется круг лиц, способствующих достижению согласия, т.е. судебных согласительных процедур, появляются судебные примирители, устраняются пробелы, касающиеся медиации и статуса медиаторов, судьи, находящиеся в отставке, также привлекаются для примирения сторон и т.д.

Интересен опыт Европейского союза, в котором законодательный процесс проходит в форме консультаций и совместного принятия решений, которые рассматриваются согласно разработанной классификации в качестве иных парламентских согласительных процедур.

В том случае если, изучив положительную практику реализации положений законодательства о медиации, разработать единое унифицированное соглашение о медиации на федеральном уровне, которое будет ретранслировано на уровень субъектов Российской Федерации, возможно будет усовершенствовать механизмы согласования интересов и устранения коллизий в парламентской деятельности. Т.е. необходимо разработать единые общие правила согласования интересов и устранения разногласий между любыми субъектами и в различных областях права. Согласно этим правилам при возникновении спорной ситуации, коллизии либо конфликта интересов будет привлекаться аккредитованный медиатор. Например, после отклонения закона, принятого Государственной Думой, Советом Федерации будет привлекаться медиатор, но обладающий специальной компетенцией, т.е. в этом случае парламентарий, но действовать он будет по общим правилам. И медиатора (арбитра) возможно будет привлекать, например, когда согласительная комиссия так и не сможет прийти к позитивному результату. Либо, возможно, заключить соглашение между высшими органами управления субъекта Российской Федерации, положения которого при конфликтной ситуации выведут из конфликтной ситуации, поспособствуют выработке согласованного решения и позволят внести в действующее законодательство положения, не позволяющие возникнуть спору и коллизии.

В итоге все иные парламентские согласительные процедуры по характеризующим признакам можно отнести к межинституциональным, но расположение их описания в настоящем параграфе вызвано аморфностью принимаемых на них решений, а также сущностью объединений, которые носят надгосударственные и наднациональный характер, на основе которых процедуры принимаются.

Результаты данных процедур могут показаться не столь важными как те, которые являются в чистом виде межинституциональными, но в первую очередь в них нас заинтересовала методика. И, безусловно, диспозитивный характер, который в большей части освобожден от политических окрасок.

Таким образом, несмотря на первоначально кажущуюся бесперспективность решений, принятых на лекциях, семинарах, круглых столах и др., они являются более демократичными, аполизированными и способствуют выявлению действительной позиции их субъектов. Мало того, они в некоторой степени опережают события, так как носят по большей части научный характер.

Библиографический список

1. Законопроекты № 421476-7 «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Верховном Суде Российской Федерации» в связи с совершенствованием примирительных процедур», № 421600-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием примирительных процедур», № 421494-7 «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с совершенствованием примирительных процедур» внесены в Государственную Думу 21.03.2018. –URL: Режим доступа: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/421494-7>.
2. Круглов В.Н. Проблемы финансирования инновационного развития малого и среднего бизнеса в Российской Федерации. // Финансовая экономика. – 2018. – № 8. – С. 201-203.
3. Круглов В.Н. Инструменты государственного регулирования инновационного развития региона. // Финансовая экономика. – 2019. – № 1. – С. 489-491.
4. Круглов В.Н., Тютин Д.В. Качество жизни как императив современного экономического развития // Modern Economy Success. – № 2. – 2020. – С. 145-151.
5. Любимов А.А. «Нулевое чтение» законопроектов как инструмент согласования интересов // Представительная власть-XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. – 2005 – № 1 (61). – С. 3.
6. Степанов И.М., Хабриева Т.Я. Парламентское право России. – М., 1999. – С. 14.
7. Рязанцев И.Н. Парламентские процедуры в Российской Федерации (вопросы теории и практика): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. – С. 33.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ РАЗВИТИЯ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА (НА ПРИМЕРЕ МО «ГОРОД САРАТОВ»)

Заигралова С.В.

*Поволжский институт управления – филиал РАНХиГС
Россия, г. Саратов*

Аннотация. Статья посвящена анализу стратегических задач муниципальной политики в сфере малого и среднего предпринимательства на региональном уровне.

Ключевые слова: стратегия, развитие, муниципальная политики, регион, предпринимательство.

Развитие малого и среднего предпринимательства (далее – МСП) на местном уровне – это действенный инструмент роста реальных доходов населения, уменьшения социальных проблем, а также один из методов осуществления политики местных органов власти, формирующей цивилизованную конкурентную среду. Основным стратегическим документом г. Саратов является Стратегия социально-экономического развития муниципального образования «Город Саратов» до 2030 г. (далее – Стратегия), ориентированная на долгосрочную перспективу и гибкий подход к достижению поставленных целей в зависимости от социально-экономических условий [1].

В рамках реализации стратегической цели № 2 «Обеспечение динамичного и устойчивого экономического развития города Саратова» предусмотрены такие направления ее реализации, как:

- стимулирование субъектов предпринимательства к увеличению доли рынка и повышению эффективности ведения бизнеса, освоению перспективных ниш на мировом и российском рынках;
- развитие механизмов имущественной и финансовой поддержки субъектов малого предпринимательства.

Для этого предусматривается:

- разработка муниципальных программ развития малого и среднего предпринимательства;
- формирование перечня предпринимательских и инвестиционных вакансий, которые могут быть предоставлены субъектам инвестиционной и предпринимательской деятельности;
- создание условий для развития предпринимательства и обеспечение деятельности инфраструктуры поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства на территории муниципального образования «Город Саратов».

Стратегическими ориентирами в экономике выражены ростом объема отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами, увеличением инвестиций в основной капитал, ростом оборота розничной торговли, общественного питания, объем платных услуг населению по всем секторам реализации. Согласно прогнозам Стратегии оборот розничной торговли в городе должен увеличиться со 166,6 млрд руб. в 2018 г. до 293,3 млрд руб. к 2030 г. Все это должно быть достигнуто с помощью реализации целей Стратегии, в том числе в части увеличения поддержки субъектам МСП.

На основе положений Стратегии разработан План мероприятий по реализации Стратегии социально-экономического развития муниципального образования «Город Саратов» до 2030 г. – документ стратегического планирования, включающий в себя комплекс мероприятий по реализации проектов для устойчивого развития с указанием ответственных исполнителей [2]. План закрепляет обязательства органов местного самоуправления перед населением г. Саратова и представляет собой систему действий по реализации стратегических целей и задач. Планом предусмотрено внедрение лучших муниципальных практик в сфере создания благоприятных условий для бизнеса, а также налаживание партнерских связей с бизнес-структурами и бизнес-сообществами, в том числе в рамках деятельности Совета по развитию малого и среднего предпринимательства на территории муниципального образования «Город Саратов».

Важным инструментом, применяемым органами местного самоуправления для стимулирования развития МСП, является разработка и реализация муниципальных программ. Основной целью муниципальных программ поддержки МСП является обеспечение благоприятных условий для развития предпринимательства на основе повышения качества и эффективности мер поддержки на местном уровне. В рамках Стратегии предусмотрена разработка муниципальных программ развития МСП. Как уже было отмечено ранее, в городе действовала муниципальная программа «Развитие малого и среднего предпринимательства в муниципальном образовании «Город Саратов на 2017-2019 гг.» [3]. Ей на смену пришла муниципальная программа «Развитие малого и среднего предпринимательства в муниципальном образовании «Город Саратов» на 2020-2022 гг.» [4].

Целью муниципальной программы является создание условий для развития предпринимательства и обеспечение деятельности инфраструктуры поддержки субъектов МСП на территории муниципального образования «Город Саратов». Задача программы – создание условий для доступа субъектов малого и среднего предпринимательства муниципального образования «Город Саратов» к информационным и имущественным ресурсам. Ожидаемым конечным результатом реализации муниципальной программы являются: совершенствование и развитие информационно-консультационной системы поддержки субъектов МСП; улучшение технической оснащённости мероприятий, направленных на поддержку и развитие предпринимательства; увеличение количества субъектов МСП, которым оказана имущественная поддержка.

Таким образом, формирование муниципальной политики невозможно без учета стратегических задач и целей, стоящих перед государством в целом. Органы местного самоуправления, формируя муниципальную политику, с одной стороны, учитывают и принимают за основу требования законодательства Российской Федерации и субъектов РФ, устанавливающие рамки компетенции субъектов муниципального управления, с другой стороны, муниципальная политика формируется исходя из принципа самостоятельности органов местного самоуправления в решении вопросов местного значения. Стратегические задачи местной политики развития малого предпринимательства на территории города Саратова определены следующими документами:

- Стратегией социально-экономического развития муниципального образования «Город Саратов» до 2030 г., касающейся части стимулирования субъектов предпринимательства к увеличению доли рынка и повышению эффективности ведения бизнеса, освоению перспективных ниш на мировом и российском рынках, а также развития механизмов имущественной и финансовой поддержки субъектов малого предпринимательства.

- Планом мероприятий по реализации Стратегии социально-экономического развития муниципального образования «Город Саратов» до 2030 г., которым предусмотрено внедрение лучших муниципальных практик в сфере создания благоприятных условий для бизнеса, а также налаживание партнерских связей с бизнес-структурами и бизнес-сообществами, в том числе в рамках деятельности Совета по развитию малого и среднего предпринимательства на территории муниципального образования «Город Саратов».

- Муниципальной программой «Развитие малого и среднего предпринимательства в муниципальном образовании «Город Саратов» на 2020-2022 гг.», направленной на создание условий для доступа субъектов малого и среднего предпринимательства муниципального образования «Город Саратов» к информационным и имущественным ресурсам.

Библиографический список

1. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития муниципального образования «Город Саратов» до 2030 года»: решение Саратовской городской Думы № 13-102 от 16.02.2017 (ред. от 26.03.2020) // Доступ из Справ.-прав. системы Консультант Плюс.
2. Об утверждении плана мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития муниципального образования «Город Саратов» до 2030 г.: Постановление администрации муниципального образования «Город Саратов» от 16.11.2017 № 3502 // Доступ из Справ.-прав. системы Консультант Плюс.
3. Об утверждении муниципальной программы «Развитие малого и среднего предпринимательства в муниципальном образовании «Город Саратов» на 2017-2019 гг.: Постановление администрации муниципального образования «Город Саратов» от 05.07.2016 № 1786 // Саратовская панорама. Спецвыпуск. – 2016. – № 38.
4. Об утверждении муниципальной программы «Развитие малого и среднего предпринимательства в муниципальном образовании «Город Саратов» на 2020-2022 гг.: Постановление администрации муниципального образования «Город Саратов» от 14.10.2019 № 2191 // Саратовская панорама. Спецвыпуск. – 2019. – № 96.

Раздел 4

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ И ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ ГРАЖДАН

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО В СФЕРЕ ТРУДА КАК МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ ТРУДОВЫХ ПРАВ ГРАЖДАН В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

Капура Н.А.

*Управление Алтайского края по труду и занятости населения
Россия, г. Барнаул*

Аннотация. Реалии сегодняшнего дня, обусловленные необходимостью формирования долгосрочных прогнозов, технологической перенастройки производственных и общественных процессов, диктуют новые задачи в сфере труда и занятости населения. Эти задачи можно эффективно решать в рамках социального партнерства. В статье приведена практика взаимодействия органов власти Алтайского края, работодателей и профсоюзов по улучшению условий труда, повышению заработной платы и ее легализации, обеспечению занятости, развитию кадрового потенциала, формированию социально ответственной позиции работодателей. Вносятся предложения по совершенствованию трудового законодательства.

Ключевые слова: социальное партнерство, соглашение, трехсторонняя комиссия, объединения работодателей, профсоюзы, труд, занятость, заработная плата, охрана труда, социально ответственный работодатель.

В 2022 г. Алтайский край отмечает свое 85-летие и 30-летие региональной системы социального партнерства. Юбилейный год для края накладывает особую ответственность не только за сохранение сформировавшейся системы социального партнерства, но и за дальнейшее ее развитие, придание нового импульса эффективному сотрудничеству сторон. За прошедшие 30 лет в крае накоплен огромный опыт взаимодействия сторон социального партнерства. Мы научились решать главные вопросы за столом переговоров, учитывать мнение друг друга, находить разумные компромиссы. Диалог – основной инструмент социального партнерства.

Главной переговорной площадкой является краевая трехсторонняя комиссия по регулированию социально-трудовых отношений. Начав свою деятельность в 1992 г., в период кризисных явлений в экономике и социальной сфере, комиссия из структуры по урегулированию конфликтных ситуаций со временем превратилась в орган, определяющий приоритеты развития социально-трудовой сферы региона. Этому способствовали принятые законы «О социальном партнерстве в Алтайском крае» и «О краевой трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений». Сегодня в лице представителей делового сообщества и профессиональных союзов мы видим надежных партнеров в решении ключевых задач, многие из которых реализуются посредством совместного участия в рабочих органах (рабочих группах, комиссиях и комитетах), созданных на принципах социального партнерства.

Так, например, в результате системной работы краевой рабочей группы по вопросам выплаты заработной платы удастся ликвидировать долги по зарплате в организациях. А на уровне территориальных рабочих групп проводить консультации с работодателями края, имеющими низкий уровень заработной платы с целью ее повышения и (или легализации). По итогам работы коллегиальных органов порядка 80% работодателей принимают решения о повышении ее уровня. Для региона ключевой задачей остается борьба с нелегальной занятостью.

стью. Стороны социального партнерства принимают непосредственное участие в работе по легализации трудовых отношений, формируется общий план работы. В итоге ежегодно трудовые договоры оформляются более чем с 20 тыс. работников, регистрируют трудовую деятельность порядка 2000 индивидуальных предпринимателей и глав крестьянских (фермерских) хозяйств.

Ситуация в области охраны труда, здоровьесбережения работников находится на контроле краевой рабочей группы по охране труда и безопасности производства. Близка к завершению специальная оценка условий труда. Ведется целенаправленная работа по повышению качества и конкурентоспособности трудовых ресурсов. Развитие профессиональных компетенций граждан реализуется в рамках национального проекта «Демография», региональной программы содействия занятости населения, а также в ходе профориентации молодежи.

В регионе широко представлена система СПО (54 организации), что способствует формированию устойчивого спроса на подготовку высококвалифицированных рабочих кадров.

В 2021 г. под потребности работодателей организовано обучение 5,2 тыс. человек. В крае реализуется более 300 образовательных программ по различным сферам деятельности. Помощь в выборе профессии с учетом потребностей рынка труда получили порядка 52 тыс. жителей края, в том числе более 16 тыс. подростков. В 2022 г. категории участников мероприятий по организации профессионального обучения и дополнительного профессионального образования расширены, в том числе работниками промышленных предприятий. Обучение пройдут 5,9 тыс. человек.

Совместные усилия социальных партнеров в рамках деятельности рабочей группы по развитию системы квалификаций направлены на повышение профессионального уровня работников, способствуют снижению издержек работодателей, повышение производительности труда. По результатам ведомственной отчетности в 2021 г. каждый третий работник не соответствовал требованиям профстандартов по уровню (профилю) образования. Более 90% таких работников уже приступили или завершили соответствующее обучение.

Сегодня система социального партнерства в Алтайском крае сформирована, трехсторонняя комиссия является органом, определяющим приоритеты развития социально-трудовой сферы края в проактивном формате.

На принципах социального партнерства в крае создана сеть специализированных коллегийных органов. Это рабочие группы в составе краевой трехсторонней комиссии по вопросам охраны и оплаты труда, развитию системы квалификаций, координационные комиссии, общественные советы и другие органы. Аналогично работа выстраивается в городах и районах края. Регулярно проводятся встречи и консультации с профсоюзными лидерами и руководителями объединений работодателей. Руководители крайкомов профсоюзов являются постоянными членами общественных советов созданных в органах исполнительной власти края. Объединениями работодателей и профсоюзов согласовываются проекты краевых нормативных правовых актов, регулирующих трудовые отношения. Все договоренности закрепляются в региональных соглашениях. Если 30 лет назад система социального партнерства Алтайского края начиналась с одного соглашения, то сегодня она включает в себя более 100 соглашений краевого уровня и уровня городов и районов.

Основным документом является Региональное трехстороннее соглашение на 2021–2023 гг. (четырнадцатое по счету). С 2010 г. заключается региональное соглашение о размере минимальной заработной платы в Алтайском крае. Вот уже который год для работодателей реального сектора экономики размер регионального МРОТ устанавливается на 20% выше федерального (в 2022 г. – 16638 руб. без учета компенсационных выплат и районного коэффициента) [1].

Региональными отраслевыми соглашениями охвачена не только бюджетная сфера региона, но и агропромышленный комплекс, организации строительства и ЖКХ, наземного городского электрического транспорта, дорожного хозяйства. На территориальном уровне трех-

сторонние соглашения заключаются во всех городах и районах края, а в ряде территорий – отраслевые соглашения в сферах образования и культуры. Также на уровне сельских советов муниципальных образований заключено порядка 1000 соглашений о совместном содержании объектов социальной сферы. В регионе широкое распространение получил проект по поддержке местных инициатив. Его реализация осуществляется с участием местных бизнес сообществ. Программы по комплексному развитию сельских территорий способствуют формированию сбалансированного подхода, на основе социального партнерства, в развитии муниципалитетов.

Различные соглашения, как форма закрепления взвешенных интересов сторон соцпартнерства, направлены, в первую очередь, на человека. В принимаемых соглашениях установлены существенные социальные гарантии для работников. Можно назвать некоторые из них. Так, в Региональном трехстороннем соглашении ежегодно устанавливаются повышенные обязательства по темпам роста средней заработной платы в организациях внебюджетного сектора экономики, в зависимости от ее среднего уровня.

В 2022 г. в организациях реального сектора экономики, где средняя заработная плата сложилась в размере менее 22 тыс. руб., темп роста должен составить не ниже 120%. Чуть меньше, но не ниже 115% должна вырасти зарплата в организациях, где работники получают от 22 до 26 тыс. руб. Если средняя заработная плата составляет более 26 и менее 35 тыс. руб., темп роста – не ниже 110%. Работодатели с уровнем средней зарплаты более 35 тыс. руб. должны будут производить индексацию заработной платы на уровень инфляции. В результате совместных действий заработная плата в регионе за 5 лет выросла в 1,5 раза.

Также в соглашениях предусматривается содействие работникам, нуждающимся в улучшении жилищных условий, в получении безвозмездных субсидий и кредитов на строительство (приобретение) жилья за счет средств организаций. Сегодня работодатели строят жилье для своих работников, берут обязательства по созданию доступной инфраструктуры, участвуют в проведении детской оздоровительной кампании через софинансирование не менее 45% стоимости путевки, выделяют средства в размере не менее 2% от фонда оплаты труда для обеспечения работников и членов их семей путевками на санаторно-курортное лечение и оздоровление. Предусматривается финансирование спортивных, культурно-массовых мероприятий, оказание материальной помощи нуждающимся работникам, шефской помощи детским учреждениям (школам, детским садам, спортивным клубам и поддержке других направлений).

В соглашения включены дополнительные (сверх установленных государством норм) единовременные пособия в случаях гибели работника на производстве, либо установления работнику инвалидности вследствие несчастного случая на производстве по вине работодателя, при установлении профессионального заболевания. Обязательства, установленные соглашениями, служат основой для дополнения и развития коллективных договоров при их заключении и реализации. В крае достаточно развиты коллективно-договорные отношения в организациях сельских территорий – охвачено более 87% работающих.

Существенной мотивацией организаций Алтайского края к участию в социальном партнерстве является активная поддержка властью социально ответственного поведения и защиты интересов работника, как более уязвимого участника трудовых отношений. Старт проекту «Социально ответственный работодатель Алтайского края» дан в 2009 г. [2]. Сегодня в краевом реестре социально ответственных работодателей насчитывается более 360 представителей реального сектора экономики и непромышленной сферы, обеспечивающих эффективную занятость более 65 тыс. чел.

Достойная заработная плата, комфортные условия труда, социальные гарантии работникам и членам их семей – важнейшие составляющие их корпоративной политики. На интерактивном портале управления Алтайского края по труду и занятости населения размещены лучшие практики работы порядка 70 организаций по 9 направлениям. Наши работодатели традиционно за-

нимают призовые места в конкурсе «Российская организация высокой социальной эффективности». С 2010 г. 11 алтайских работодателей получили заслуженные награды.

Развитию кадрового потенциала региона способствуют краевые конкурсы «Лучший по профессии» и «Лучший шеф-наставник», получившие широкое общественное признание благодаря развитию системы социального партнерства. Целью конкурсов является популяризация востребованных профессий, привлечение молодежи в реальный сектор экономики и создание условий развития профессионального мастерства. За годы проведения конкурсов в нем приняли участие более 190 работодателей (898 участников), 233 победителя отмечены краевыми наградами.

Для дальнейшего проведения эффективной социально-экономической политики, обеспечивающей право граждан на достойный труд, есть необходимость в совершенствовании законодательной базы (стоит отметить, что сегодня в регионе сформирована достаточная законодательная база для основ социального партнерства). Озвучу лишь некоторые положения:

На наш взгляд, порядок присоединения работодателей к соглашениям, установленный Трудовым кодексом РФ, не завершен.

1. Отказ, направляемый работодателем должен быть мотивированным, однако критерии для определения сторонами соглашений его мотивированности до сих пор законодательно не определены. В связи с чем, уже есть прецеденты, когда суд отменяет решение сторон соглашения и признает отказ мотивированным.

2. Для органов исполнительной власти, осуществляющих функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере труда, установлено право на проведение консультаций с работодателями, отказавшимися от присоединения к соглашениям. В указанных консультациях обязаны принимать участие представители работников, работодателей и сторон соглашения. Вместе с тем в Трудовом кодексе не установлена обязательность исполнения работодателем решений, принятых по итогам таких консультаций.

Считаем, что данная проблематика с реализацией трудового законодательства характерна для всех регионов страны и региональным законодательством это не урегулировать. Предлагаем выйти с инициативой устранить этот правовой пробел путем внесения изменений в ст. 48 и 133.1 Трудового кодекса Российской Федерации.

Трудовым законодательством установлено, что в системе социального партнерства могут принимать участие исключительно полномочные представители работодателей и работников, т.е. отвечающие требованиям Федеральных законов от 12.01.1996 № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» для профсоюзов и от 27.11.2002 № 156-ФЗ «Об объединениях работодателей» для бизнес сообщества.

Особенно медленно выполнение данной нормы проходит на муниципальном уровне. Это обусловлено как субъективными факторами (прямое нежелание работодателей объединяться в сообщество), так и объективными (финансовая и «общественная» нагрузка на участников объединения: регистрация объединения как юридического лица влечет необходимость формирования штата сотрудников такого объединения, либо возложение функции по администрированию финансовой, практической деятельности объединения на сотрудников одной из организаций, входящей в объединение, либо в ряде случаев на сотрудников районных администраций). Если субъективные факторы – это зона ответственности органов власти, то объективные – требуют обсуждения на федеральном уровне.

Библиографический список

1. Социальное партнерство // Интерактивный портал по труду и занятости населения Алтайского края. – URL: https://portal.22trud.ru/content/социальное_партнерство.
2. Социальная ответственность работодателей // Интерактивный портал по труду и занятости населения Алтайского края. – URL: https://portal.22trud.ru/content/социальная_ответственность_работодателей.

О РАЗВИТИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА АЛТАЙСКОГО КРАЯ В СФЕРЕ ТРУДА И ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Солнцева И.В.

*Алтайское краевое Законодательное Собрание
Россия, г. Барнаул*

Аннотация. Рынок труда и занятости регулируется федеральным и региональным законодательством. В статье обозначены законы Алтайского края, обеспечивающие социально-трудовые отношения, охрану труда, контроль за соблюдением трудового законодательства, установление величины прожиточного минимума в Алтайском крае, установление в Алтайском крае квоты приема на работу инвалидов. Отмечаются современные проблемы в трудовой сфере.

Ключевые слова: закон, труд, занятость, социально-экономическое развитие, работодатель, работник.

Труд и занятость – это важная и многоплановая область, касающаяся интересов каждого человека, основной индикатор эффективности социально-экономического развития региона.

Законодательное регулирование данной сферы осуществляется в рамках пяти краевых законов. Алтайский край одним из первых среди субъектов Российской Федерации создал законодательную базу в сфере социального партнерства. В октябре 2002 г. был принят закон «О краевой трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений» от 07.10.2002 № 62-ЗС, а в июне 2007 г. – закон «О социальном партнерстве в Алтайском крае» от 14.06.2007 № 55-ЗС. Они стали основой для решения социально-трудовых вопросов, определения механизмов взаимодействия органов государственной власти края с органами местного самоуправления, работодателями, работниками и их объединениями.

В соответствии с законом о краевой трехсторонней комиссии обеспечивается деятельность главного органа социального партнерства в крае, осуществляется разработка и принятие Регионального соглашения, контроль за его выполнением. Сложившаяся нормативно-правовая база постоянно совершенствуется, в том числе на основании предложений Управления по труду и занятости населения. Так, были внесены изменения в части уточнения прав краевой трехсторонней комиссии, а также восполнен правовой пробел в части порядка присоединения работодателей к региональным соглашениям.

В целях эффективной реализации основных направлений государственной политики в сфере охраны труда в регионе в 2007 г. был принят закон Алтайского края «Об охране труда в Алтайском крае» от 07.05.2007 № 36-ЗС. Его принятие способствовало повышению уровня профилактической работы по сокращению производственного травматизма и профессиональной заболеваемости, основанного на эффективном взаимодействии с федеральными органами, осуществляющими государственный контроль (надзор), объединениями работодателей и профессиональными союзами по вопросам охраны труда.

Согласно изменениям федерального законодательства последняя редакция краевого закона «Об охране труда в Алтайском крае» была в ноябре 2021 г. Внесенные изменения разграничили полномочия Правительства Алтайского края и уполномоченного органа исполнительной власти Алтайского края в области охраны труда, а также деятельности служб и комитетов (комиссий) по охране труда организаций. За последние 10 лет значительно возросло внимание работодателей и работников к вопросам безопасности труда, формированию новых форм работы в коллективах, направленных на предупреждение производственных травм и заболеваний. В результате наблюдается поэтапное снижение случаев производственного травматизма со смертельным и тяжелым исходом.

Особую значимость для регулирования трудовых отношений имеет принятый в марте 2020 г. краевой закон «Об осуществлении ведомственного контроля за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, в Алтайском крае» от 05.03.2020 № 16-ЗС. С целью повышения эффективности его реализации в 2021 г. в данный закон были внесены изменения: введена система мониторинга исполнения закона. Уполномоченным органом по проведению данного мониторинга определено управление Алтайского края по труду и занятости населения. По данным органов исполнительной власти края и органов местного самоуправления наибольшее количество нарушений выявлено по вопросам оплаты и нормирования труда, а также охраны труда. Одна из основных задач органов законодательной и исполнительной власти – это соблюдение прав человека труда. Необходимо не только незамедлительно устранять выявленные нарушения, но и предупреждать их. В этих целях реализуется проект по повышению социальной ответственности работодателей.

Федеральным законом от 24.10.1997 № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» установлен новый порядок расчета величины прожиточного минимума по социально-демографическим группам. Соответствующие изменения приняты законом Алтайского края от 23.06.2021 № 56-ЗС «О порядке установления величины прожиточного минимума в Алтайском крае и о признании утратившими силу отдельных законов Алтайского края», и теперь величина прожиточного минимума устанавливается постановлением Правительства Алтайского края. В данном направлении специалистами Управления по труду и занятости населения Алтайского края проводится огромная работа. Управление ответственно относится к определению данного критерия, поскольку величина прожиточного минимума является базой для установления мер социальной поддержки для жителей края, размера заработной платы и основой для параметров краевого бюджета по многим направлениям.

В целях обеспечения доступности рабочих мест для трудоустройства инвалидов Алтайским краевым Законодательным Собранием совместно с Управлением были приняты изменения в краевой закон № 51-ЗС от 06.07.2018 «Об установлении в Алтайском крае квоты приема на работу инвалидов» и установлена квота приема на работу инвалидов для работодателей с численностью работников от 35 до 100 чел. в размере 3%. После принятия законопроекта количество квотируемых рабочих мест для трудоустройства инвалидов достигло 7 тыс., что на 2 тыс. больше, чем было до принятия новой нормы. В целом за счет принятых мер в Алтайском крае общий уровень занятости инвалидов увеличился с 20% до 25,8%.

На постоянной основе в государственную программу Алтайского края «Содействие занятости населения Алтайского края» Управлением вносятся предложения о внесении изменений на рассмотрение в Алтайское краевое Законодательное Собрание и получают поддержку. Настало время перемен и нам еще предстоит осознать их масштаб. От успешного решения задач в трудовой сфере, раскрытия профессионального и личного потенциала работников во многом зависит социальное и экономическое развитие региона и повышение реальных доходов людей.

В приветственном обращении к собравшимся на VI-м Международном форуме труда, проходившем в Санкт-Петербурге в марте 2022 г., Председатель Совета Федерации ФС РФ В. Матвиенко отметила необходимость достойно отвечать на современные вызовы – это самозанятость, удаленный труд, непрерывное обучение, использование новых форм профессионального образования, его стандартов и квалификаций во многих отраслях экономики [1].

В настоящее время комитетом по труду, социальной политике и делам ветеранов Государственной Думы совместно с фракцией «Единая Россия» разрабатывается новый законопроект, где, в частности, будет дано определение понятия «самозанятый», оговорены права самозанятых и возможности социального страхования и социальной защиты. Также планируется дать определение «платформенной» и «неконвенциональной» занятости. Поддержка та-

кого законопроекта позволит легализовать работу большего количества наших граждан, которые получают право на пенсии и социальные пособия [2].

Библиографический список

1. VI Санкт-Петербургский Международный Форум Труда принял свыше 5300 делегатов // Экспресс-online.северо-запад. – URL: <https://expertnw.com/novosti-partnerov/vi-sankt-peterburgskiy-mezhdunarodnyy-forum-truda-prinyal-svyshe-5300-delegatov>.
2. Исаев А. Новый закон о занятости будет направлен на легализацию трудовой деятельности // Государственная Дума РФ. – URL: <http://duma.gov.ru/news/53339>.

ОРГАНЫ ВЛАСТИ И ПРОФСОЮЗНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ: ВЕКТОР ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Грузных С.Н.

*Департамент труда и занятости населения Томской области
Россия, г. Томск*

Аннотация. Поиск путей и методов обеспечения достойного труда, удовлетворяющего потребностям современного человека – непростая задача, реализация которой невозможна без совместных усилий трех сторон – власти, бизнеса и профсоюзных организаций. По этой причине трехсторонняя комиссия Томской области стала площадкой, на которой обсуждаются принципы концепции достойного труда в регионе. В статье показан опыт работы исполнительных органов государственной власти Томской области в выстраивании диалога с профсоюзными организациями региона.

Ключевые слова: социальное партнерство, профсоюзные организации, трехсторонняя комиссия, объединения работодателей.

Уважение к человеку труда, социальное партнерство – положения, которые закреплены в Конституции России. В Томской области взаимоотношения органов власти и региональных профсоюзных организаций выстроены максимально слаженно.

Начало совместной работы положено 30 лет назад, в 1992 г., когда сформировалась трехсторонняя комиссия. Для социального партнерства Томской области 2022 г. стал юбилейным. На текущий момент трехсторонняя комиссия Томской области на паритетной основе объединяет 33 человека. Это представители исполнительных органов государственной власти Томской области, объединения работодателей, профсоюзные организации. Круг работодателей, вовлеченных в работу комиссии, объединяет большое количество сфер деятельности: агропромышленный сектор, лесопромышленность, производство пищевых продуктов, строительство, крупные производственные предприятия региона. Профсоюзные организации охватывают сферу автомобильного транспорта, агропромышленного комплекса, здравоохранения, культуры и народного образования, лесную сферу, нефтяной и газовой промышленности, связи, строительства, электроэнергетики. За тридцатилетний период работы трехсторонней комиссии постепенно накапливался опыт взаимодействия со сторонами, в частности, с региональными профсоюзными организациями.

В Томской области действуют два закона: от 13.01.2003 № 11-ОЗ «О социальном партнерстве в Томской области», от 09.12.2013 № 216-ОЗ «О наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями по регистрации коллективных договоров». Ежегодным стало заключение соглашения об установлении регионального уровня минимальной заработной платы, а также областного трехстороннего соглашения, которое объединяет все социально значимые вопросы.

Ни для кого не ново наличие закона о социальном партнерстве на территории региона. Как и у большинства регионов, закон о социальном партнерстве Томской области включает в себя основные принципы регулирования работы сторон – работодателей, профсоюзов и органов власти на всех уровнях. Однако, не во всех регионах указанный закон включает в себя понятие «Социально-ответственный работодатель» и предусматривает меры поддержки для такой категории работодателей. Это понятие появилось благодаря инициативе региональных профсоюзных организаций, а областная трехсторонняя комиссия поддержала данную инициативу.

Социально-ответственные работодатели включаются в реестр в случае их соответствия критериям отбора, а при оказании им мер государственной поддержки учитывается их нахождение в реестре и наличие статуса «Социально-ответственный работодатель». Критерием для включения в реестр служит наличие у работодателя коллективного договора, участие в реализации соглашений о социальном партнерстве различных уровней и содействие созданию деятельности профсоюзной организации.

Работа в формировании устойчивой системы социального партнерства продолжилась посредством принятия закона о переданных полномочиях. Это существенно облегчило процедуру уведомительной регистрации коллективных договоров организациям и индивидуальным предпринимателям, находящимся в отдаленных районах Томской области.

В Томской области ежегодно заключается региональное соглашение о минимальной заработной плате [1]. В минимальную заработную плату не включаются оплата сверхурочной работы, работы в ночное время, в выходные и нерабочие праздничные дни, работы, выполняемой в порядке совмещения профессий (должностей), районный коэффициент и процентная надбавка за стаж работы в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях. Таким образом, в 2022 г. минимальная зарплата в Томске составляет 18 057 руб., а, например, в северном районе, в г. Стрежевом – 30 558 руб.

Вектором развития социального партнерства в нашем регионе стало соглашение о социальном партнерстве [2]. На текущий период заключено уже 15-е по счету – на 2020–2022 гг. В соглашении сделан акцент на 7-ми направлениях работы:

- экономическая политика;
- оплата труда;
- рынок труда и содействие занятости;
- социальные гарантии;
- охрана труда;
- социальное партнерство.

Серьезное внимание уделено реализации экономической политики и оплаты труда. При непосредственном участии региональных профсоюзов разрабатываются документы стратегического планирования, проекты нормативных актов в сфере оплаты труда работников, а также проект регионального бюджета.

Итоги реализации принятых на себя обязательств в рамках соглашения ежегодно рассматриваются на заседаниях трехсторонней комиссии. Это также стало инициативой наших региональных профессиональных союзов. Профсоюзные организации привлекаются для организации мониторингов своевременности выплаты заработной платы в организациях региона, благодаря чему имеем низкий уровень задолженности по заработной плате перед работниками: проводятся консультации с работодателями по выработке необходимых мер и методик, обеспечивающих защиту прав работников.

Повышение уровня жизни работников Томской области реализуется через социальные гарантии, установленные соглашением. Не менее 60% регионального бюджета направлено на социальные расходы региона. Благодаря инициативе профсоюзных организаций Администрация Томской области постановлением закрепила возможность ежегодного санаторно-курортного лечения работников региона. Стоит отметить, что не все субъекты Российской Федерации имеют, либо сохранили такую меру поддержки.

В рамках реализации государственной политики в сфере охраны труда региональные профсоюзные организации привлекаются к участию в заседаниях координационного совета по вопросам охраны труда и рабочей группы по рассмотрению тяжелых и смертельных несчастных случаев. Организуются совместные с профсоюзными организациями посещения работодателей региона для исключения формального подхода к реализации профилактических мероприятий, направленных на ликвидацию причин возникновения несчастных случаев, разрабатываются «дорожные карты» с конкретными мерами, проводится оценка эффективности принятых мер.

В рамках ежемесячного «Дня департамента в муниципальных образованиях Томской области» для специалистов по охране труда проводятся тренинги, в рамках которых даются пошаговые инструкции по внедрению на предприятии безопасной системы охраны труда; рассматривается состояние охраны труда на производственных площадках, изучаются документы, даются практические рекомендации. Помимо работы со специалистами по охране труда в рамках «Дня департамента» проводятся заседания территориальных трехсторонних комиссий, где представители муниципальных образований Томской области могут озвучить проблемные моменты в сфере занятости населения, оплаты труда, с которыми сталкивается муниципальное образование.

Учитывая важность сохранения жизни и здоровья работника в процессе трудовой деятельности, в регионе посредством реализации корпоративных программ здоровья и спартакиады трудящихся проводятся профилактические мероприятия для поддержания здоровья работников. При взаимодействии с профсоюзами дважды в год, летом и зимой, у трудовых коллективов, независимо от организационно-правовой формы собственности, есть возможность посостязаться друг с другом. Новым обязательством для сторон трехстороннего соглашения стало участие в организации мероприятий «Готов к труду и обороне».

Начиная с 2021 г., в связи со сложившейся эпидемиологической обстановкой, трехсторонняя комиссия начала работу по стимулированию работодателями работников к прохождению вакцинации от новой коронавирусной инфекции. Членами трехсторонней комиссии разработаны рекомендации по внесению изменений в коллективные договоры организаций Томской области, содержащие положения по стимулированию работников к прохождению вакцинации от новой коронавирусной инфекции в части предоставления работникам дня отдыха с сохранением заработной платы в день получения первого компонента вакцины, а также в день получения второго компонента вакцины. Рекомендации по предоставлению оплачиваемых выходных дней работникам, проходящим вакцинацию против коронавирусной инфекции (COVID-19), разработанные трехсторонней комиссией, распространены среди широкого круга работодателей Томской области. Дополнительной мерой для стимулирования работодателями работников к прохождению вакцинации от новой коронавирусной инфекции стала выдача работодателям сертификата «Территория здоровья». Сертификат выдается работодателям, организовавшим в течение последних 6 месяцев проведение профилактических прививок работников против новой коронавирусной инфекции, и работники которых вакцинированы против новой коронавирусной инфекции в количестве не менее 80% от среднесписочной численности работников.

Таким образом, любые преобразования в экономике и социальной сфере Томской области осуществлялись благодаря совместным усилиям органов власти, работодателей и профсоюзных организаций, и в этом смысле социальное партнерство является действенным инструментом повышения качества жизни населения, соблюдения принципов достойного труда.

Библиографический список

1. Региональное соглашение о минимальной заработной плате // Департамент труда и занятости населения Томской области. – URL: <https://tomsk.gov.ru>.
2. Областное соглашение о социальном партнерстве // Департамент труда и занятости населения Томской области. – URL: <https://tomsk.gov.ru>.

ПОВЫШЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РАБОТОДАТЕЛЕЙ НА УРОВНЕ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Варнавская И.П.

*Министерство труда и социального развития Омской области
Россия, г. Омск*

Аннотация. Социальное партнерство – системная, комплексная работа, направленная на эффективное решение вопросов обеспечения социально-экономического развития региона, повышения качества жизни и благосостояния граждан, поддержания социальной стабильности в регионе. В статье представлен опыт работы Омской области в решении вопросов повышения социальной ответственности работодателей на уровне муниципальных образований Омской области.

Ключевые слова: социально-трудовые отношения, социальное партнерство, работодатели, социальная ответственность, развитие.

Вопросы регулирования социально-трудовых отношений и развития системы социального партнерства сегодня актуальны как никогда. Принятые на федеральном уровне изменения в Трудовом кодексе Российской Федерации наделили работодателя практически неограниченной полнотой ответственности за соблюдение требований трудового законодательства на рабочих местах. То есть, фактически ему предоставляется возможность самостоятельно оценивать соблюдение требований трудового законодательства на каждом рабочем месте и на предприятии в целом.

В этих условиях значительно усиливается ответственность работодателя и повышается роль профсоюзной ячейки (представительного органа работников) и социального партнерства в обеспечении безопасных условий труда и соблюдении трудовых прав работников в новых экономических условиях в каждом трудовом коллективе.

В Омской области система социального партнерства действует с 1992 г. и представлена на всех уровнях (региональном, территориальном, отраслевом и локальном).

Региональный уровень системы социального партнерства представлен:

- Законом Омской области от 31 октября 2017 г. № 2004-ОЗ «О реализации отдельных положений Трудового кодекса РФ на территории Омской области»;
- Законом Омской области от 29 мая 2003 г. № 452-ОЗ «О деятельности трехсторонних комиссий по регулированию социально-трудовых отношений на территории Омской области»;
- Соглашением о социальном партнерстве на 2022-2024 гг. между Правительством Омской области, Омским областным союзом организаций профсоюзов «Федерация омских профсоюзов», Союзом «Омское региональное объединение работодателей»;
- Региональным соглашением о минимальной заработной плате в Омской области.

Сформированная законодательная база регулирует вопросы деятельности областной и территориальных комиссий. В 2020 г. по предложению сторон регионального соглашения были законодательно закреплены положения о том, что руководитель уполномоченного органа исполнительной власти Омской области имеет право после опубликования регионального Соглашения предложить работодателям, не участвовавшим в заключении данного соглашения, присоединиться к нему.

По обозначенным в Соглашении приоритетным целям были разработаны государственные программы, реализованы региональные проекты и планы мероприятий, в том числе разработана региональная программа снижения уровня бедности, в которой предусмотрена комплексная работа по созданию условий для роста реальной заработной платы работ-

ников, оказанию мер социальной поддержки малоимущих граждан, поддержке малого и среднего предпринимательства.

На региональном уровне регулярно проводится детальный анализ выполнения принятых обязательств. Необходимо отметить, что основы для повышения социальной ответственности закладываются уже на стадии работы с Соглашениями. Так, в новое Соглашение на 2022–2024 гг. включено 253 обязательства сторон – на 15 обязательств больше, чем в Соглашении на 2019–2021 гг. и на 61 обязательство больше, чем в Соглашении на 2016–2018 гг. Возросло и число совместных обязательств сторон – с 87 в Соглашении на 2016–2018 гг. до 114 обязательств в действующем Соглашении (рис. 1).

	2016 — 2018	2019 — 2021	2022 — 2024
	56	54	61
	18	25	24
	31	49	54
- совместные обязательства сторон	87	110	114
ВСЕГО	192	238	253

Рисунок 1 – Обязательства сторон социального партнерства региональных Соглашений о социальном партнерстве между Правительством Омской области, профсоюзами и работодателями.

Оценка выполнения сторонами обязательств осуществляется на основе четких критериев, установленных по каждому разделу регионального Соглашения. Это позволяет проанализировать результаты, определить влияние каждого мероприятия, повысить ответственность каждой стороны за конкретный результат. Документы, разработанные и принятые на региональном уровне социального партнерства, становятся основой для формирования взаимоотношения сторон на территориальном и отраслевом уровнях. Основными органами системы социального партнерства в регионе являются постоянно действующие областная и территориальные трехсторонние комиссии, действующие во всех муниципальных районах Омской области и в городе Омске. С обязательным участием представителей Регионального объединения работодателей и Федерации омских профсоюзов сформированы и работают областная и отраслевые межведомственные комиссии по защите трудовых прав граждан, областная комиссия по вопросам привлечения и использования иностранной рабочей силы, Координационный совет по кадровой политике, областной координационный комитет содействия занятости населения.

Приоритетными в работе данных комиссий являются вопросы формирования и развития рынка труда, защиты трудовых прав работников, вовлечения работодателей в систему социального партнерства, повышения их социальной ответственности. Вопросы развития социального партнерства (проблемы, перспективы, результаты) регулярно рассматриваются на заседаниях Областной трехсторонней комиссии с участием как представителей территориального уровня социального партнерства, так и непосредственно работодателей.

Сегодня на территории Омской области действуют территориальное Соглашение о регулировании социально-трудовых отношений и связанных с ними экономических отношений на территории города Омска на 2022–2024 гг. и 32 территориальных соглашения о социальном партнерстве между Координационными советами профсоюзов муниципальных

районов области, Администрациями районов и районными объединениями работодателей, а также 65 двух и трехсторонних отраслевых соглашений, 2 460 коллективных договоров. Коллективно-договорными отношениями охвачено более 200 тыс. работников (рис. 2).

Рисунок 2 – Система социального партнерства в Омской области.

На территории муниципальных районов сформированы и действуют экспертные рабочие группы по оказанию содействия разработке и анализу проектов коллективных договоров, в состав которых включены представители координационных советов профсоюзов, территориальных объединений работодателей, территориальных органов Министерства труда и социального развития Омской области. В 2021 г. рабочими группами рассмотрено 646 проектов коллективных договоров (более 70% коллективных договоров, прошедших уведомительную регистрацию в 2021 г.). Это позволяет значительно повысить качество коллективных договоров и не допустить включение в них положений, ухудшающих положение работников.

В целях оценки эффективности функционирования территориального уровня системы социального партнерства, повышения социальной ответственности работодателей на уровне муниципальных образований Омской области, начиная с 2010 г., ежеквартально формируется рейтинговая оценка развития системы социального партнерства в муниципальных районах Омской области [1].

Методика рейтинговой оценки разработана Министерством труда и социального развития Омской области совместно с Омским областным союзом организаций профсоюзов «Федерация омских профсоюзов», Союзом «Омское Региональное объединение работодателей». В основу методики положены четыре группы показателей (всего 18 показателей):

- Первая группа показателей характеризует деятельность территориальных трехсторонних комиссий по регулированию социально-трудовых отношений.
- Вторая группа показателей (показатели организационной структуры) характеризует степень формирования системы социального партнерства как со стороны работодателей, так и профсоюзов.
- Третья группа оценивает состояние коллективно-договорных отношений в районе.

– Показателями четвертой группы оцениваются результаты района по таким вопросам, как оплата труда, занятость населения и охрана труда.

Сначала формируется промежуточный рейтинг по каждому показателю отдельно, затем сводный – по четырем группам. По полученным баллам составляется рейтинг муниципальных районов Омской области с ранжированием мест от 1 до 32.

В целом рейтинг позволяет: сопоставить результаты деятельности муниципальных районов; выявить и провести анализ лучших практик; обеспечить руководителей сторон социального партнерства информацией для принятия управленческих решений по повышению эффективности системы социального партнерства на муниципальном уровне; усилить мотивацию и ответственность руководителей сторон социального партнерства территориального уровня за результаты работы.

Начиная с 2013 г., в регионе ежегодно заключаются региональные соглашения о минимальной заработной плате – региональном аналоге МРОТа [1]. Для работодателей реального сектора экономики устанавливается повышенный размер гарантированной заработной платы.

После подписания очередного регионального соглашения о минимальной заработной плате в Омской области в течение года его действия активно проводится работа по информированию населения и работодателей региона о принятых размерах минимальной заработной платы. В частности территориальными органами Министерства труда и социального развития Омской области и органами местного самоуправления Омской области на постоянной основе проводится информационно-разъяснительная работа с работодателями и работниками, действует постоянная «горячая линия», размещаются статьи в районных газетах. Значимым результатом повышения социальной ответственности работодателей является низкий уровень отказов работодателей от присоединения к данному региональному соглашению, при этом количество таких отказов год от года снижается.

Министерством труда и социального развития Омской области при участии других органов исполнительной власти и органов местного самоуправления Омской области, Государственной инспекции труда в Омской области, сторон социального партнерства ежегодно организуется и проводится более 700 мероприятий по охране труда и социально-трудовым отношениям с числом участников около 8 тыс. человек. В 2021 г. с учетом ограничительных мер организовано и проведено более 550 мероприятий, в которых приняли участие более 7,5 тыс. человек. В ходе мероприятий рассматривались актуальные вопросы профилактики производственного травматизма как в целом, так и в отдельных отраслях экономики, снижения неформальной занятости, оформления трудовых отношений в организациях Омской области и др.

В целях стимулирования работодателей к повышению уровня социальной ответственности региональным Соглашением о социальном партнерстве предусмотрено проведение областных конкурсов и региональных этапов федеральных конкурсов в сфере социально-трудовых отношений. В широком смысле общей целью организации и проведения данных конкурсов является формирование и укрепление положительного имиджа работодателей на рынке труда, выявление и распространение лучших социальных практик работодателей. Такая система социального партнерства позволяет обеспечить взаимосвязь процессов на региональном уровне и на уровне муниципальных образований, определить направления действий и конкретные мероприятия для решения задач, которые определили стороны социального партнерства, как регионального масштаба, так и на муниципальном уровне, а также оценить эффективность совместных действий на основе конкретных показателей развития экономики и повышения качества жизни граждан.

В развитии социального партнерства в 2022 г. в регионе в качестве актуальных направлений, которые также способствуют повышению социальной ответственности работодателей на уровне муниципальных образований Омской области, можно выделить:

1) вовлечение работодателей в коллективно-договорные отношения, совместное проведение мероприятий для работодателей с участием всех сторон социального партнерства;

2) качественная подготовка и своевременное заключение территориальных соглашений о социальном партнерстве и коллективных договоров;

3) тщательная работа с проектами коллективных договоров до момента их подписания – в рамках работы экспертных рабочих групп с участием сторон социального партнерства;

4) инициатива и участие в проверках соблюдения работодателями условий коллективных договоров совместно Государственной инспекцией труда в Омской области, районной прокуратурой и координационными советами профсоюзов муниципальных районов Омской области.

Мы считаем, что такая работа будет способствовать укреплению основ социального партнерства в регионе и повышению социальной ответственности работодателей.

Библиографический список

1. Рейтинговая оценка системы социального партнерства на муниципальном уровне // Министерство труда и социального развития Омской области. – URL: <https://mtsr.omskportal.ru/oiv/mtsr/otrasl/trudovye-otnosheniy/Partnerstvo/Reiting>.
2. Региональное соглашение о минимальной заработной плате в Омской области // Министерство труда и социального развития Омской области. – URL: <https://mtsr.omskportal.ru/oiv/mtsr/otrasl/trudovye-otnosheniy/OplataTruda/MZP>.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА В СФЕРЕ ТРУДА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Минкина Н.И.

*Алтайский филиал РАНХиГС
Россия, г. Барнаул*

Аннотация. В статье представлен обзор некоторых основных тенденций развития социального партнерства в сфере труда в России. Автор отмечает необходимость пересмотра МРОТ на федеральном и региональном уровне, периодической индексации оплаты труда работников согласно действующим нормам Трудового кодекса Российской Федерации с учетом инфляционных процессов, а также подготовки региональных рынков труда к возможной технологической безработице по мере развития искусственного интеллекта.

Ключевые слова: социальное партнерство, законодательство, оплата труда, индексация, цифровизация, рынок труда.

Более 30 лет прошло с того момента, как впервые в нашей стране на основании Указа Президента РСФСР от 15.11.1991 «О социальном партнерстве и разрешении трудовых споров (конфликтов)» был введен принципиально новый социальный и правовой институт, направленный на зарождение и поэтапное развитие диалога между трудящимися, работодателями (предпринимателями) и органами власти. Со временем по разным регионам нашей страны обозначенный опыт стал находить свое отражение в отдельных нормативных правовых актах на субъектовом уровне, преимущественно в форме региональных законов, издание которых в основном приходилось на 1995–1999 гг.

В действующем законодательстве социальное партнерство на федеральном уровне закреплено уже в отдельном разделе Трудового кодекса. С учетом поправок в Конституцию в 2020 г. роль социального партнерства значительно повысилась [3, с. 163]. Впервые на уровне Основного закона в ст. 75.1 употребляется буквально термин «социальное партнерство», наряду с экономической, политической и социальной солидарностью, сбалансированностью

прав и обязанностей граждан, обеспечиваемыми на территории нашей страны. Более того, теперь гарантируется уважение человека труда, т.е. уважение труда граждан, уважение интересов сторон трудовых отношений, которые также должны отражаться в содержательной части социального партнерства.

Таким образом, эволюционный путь социального партнерства за последнее время демонстрирует переход от количества к качеству, глубине содержания коллективных договоров и соглашений. Важное значение имеет комплекс мероприятий в актах социального партнерства, направленных на экономическую политику, охрану заработной платы, дохода и достойного уровня жизни населения, развитие рынка труда и содействие занятости населения, социальную защиту и развитие социальной сферы в целом, охрану труда и т.д., как обозначено в Генеральном соглашении между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством Российской Федерации на 2021–2023 гг. [1].

В целом эффективное развитие рыночной экономики невозможно без развитого социального партнерства как такового. Все эти обстоятельства, понятно, учитываются при развитии региональных моделей социального партнерства. При этом в разных субъектах неравные возможности работодателей, разные экономические показатели развития, включая темпы экономического развития, средний размер заработной платы и уровень безработицы, что наглядно можно проследить на сайте «Работа в России». По этой причине, думается, уровень развития социального партнерства закономерно отличается и будет отличаться между регионами. Но для этого и дано право субъектам Российской Федерации за счет регионального законодательства согласно ст. 72 Основного закона регулировать трудовые отношения с учетом с территориальных особенностей. И в этом случае речь должна идти не о конкуренции между регионами, а об их сотрудничестве на «горизонтальном» уровне, взаимообмене опытом – это тоже есть проявление социального диалога между партнерами одного уровня.

На сегодняшний день во всех регионах страны, в т.ч. в Алтайском крае, наблюдаются определенные тенденции по изменению трудовых отношений, законодательства и практики, что влияет на социальное партнерство, вектор его последующего развития. Остановимся подробнее на основных таких направлениях.

Во-первых, это вопросы оплаты труда, нарушения которых по-прежнему многочисленны, в том числе и в Алтайском крае. Измененные расчеты МРОТ на федеральном уровне с 01.01.2022, повышение региональных МРОТ с этого периода, к примеру, в Алтайском крае на 28% – это, вне всякого сомнения, значимый шаг в части повышения уровня жизни населения до достойного. Право на оплату труда (в полном размере и своевременно) в настоящее время – одно из важных социальных и конституционных прав, обеспечивающих одновременно право на жизнь не только самого работника, но и, как правило, членов его семьи, зачастую – детей. Однако появляются новые глобальные изменения и вызовы времени, например, введение санкций против России, что привело к инфляционным процессам. Сегодня люди опасаются еще большей инфляции и потери заработка. По этой причине недавно Президент нашей страны и премьер-министр анонсировали пересмотр МРОТ наряду с иными социальными выплатами на федеральном уровне (пока ведется подсчет показателей, предварительно озвучено, что ожидать изменения можно в мае 2022 г.). Когда это состоится, аналогичным изменениям по мере возможности следует вновь подвергнуть и региональные значения МРОТ.

Но вместе с тем в свете последних событий актуализируется и другой вопрос – о необходимости индексации оплаты труда. И вызывает удивление ее отсутствие на практике, несмотря на то, что это гарантировано ст.ст. 130 и 134 Трудового кодекса Российской Федерации. Еще к 2010 г., благодаря правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации и Роструда, были расставлены акценты на том, что индексировать оплату труда – это не право, а обязанность работодателей. Но законодатель опрометчиво не указал в ст. 134 механизм такой индексации, а также поставил это для внебюджетных организаций в зависимость от положений коллективного договора. Но, как мы знаем, наличие последнего не обязательно. В

настоящее время, к сожалению, даже при наличии коллективных договоров редко можно встретить положения, подробно предусматривающие порядок индексации оплаты труда [2, с. 69-70]. А без них как таковых ст. 134 остается, к сожалению, декларативной, а работники в условиях инфляции продолжают работать с тем же уровнем заработной платы, без доплат. Принимая во внимание, что в нашем секторе экономики ведущую роль играет малый бизнес, в том числе микропредприятия, им удобнее отказаться от ведения локальной документации в порядке гл. 48.1 Трудового кодекса.

В этой связи на первый план выходят региональные соглашения, в которых, как кажется, нужно уделять особое внимание обязанности работодателей по индексации оплаты труда, с ее отражением в трудовых договорах с работниками и определением разумных конкретных правил индексирования, без ущерба правам работников в данном случае. При этом предпочтение по закреплению данного вопроса, представляется, нужно отдавать именно форме региональных соглашений, где работодатели по договоренности возьмут на себя выполнение определенных правил по индексации заработной платы и будут их придерживаться и соблюдать, в отличие от методических рекомендаций, которые могут быть ими проигнорированы.

Во-вторых, говоря о тенденции цифровизации социально-трудовых отношений явно предполагается развитие электронного взаимодействия профсоюзов, объединений работодателей и органов государственной власти даже в условиях цифрового неравенства территорий, что предстоит выравнивать. В этом случае можно продумать и создать специальные онлайн- и офлайн-площадки для обсуждения вопросов развития социального партнерства, возможно реализации модели цифрового профсоюза и других мер с учетом применения развивающегося цифрового пространства в современной России.

В-третьих, нельзя обойти своим вниманием вопросы развития искусственного интеллекта в нашей стране. С одной стороны, это появление новых сервисов, как например, на сайте «Работа в России» (с автоматическим сопоставлением вакансий и резюме). Но, с другой стороны, это серьезные вопросы профессиональной и трудовой мобильности граждан и обеспечения занятости населения в ближайшие несколько лет, что будет стоять остро при уходе одних вакансий и профессий, появлении новых (и по этому вопросу понадобится плотное сотрудничество с образовательными организациями), процессах автоматизации и роботизации производства при замене человеческого труда «умными» машинами или переходе части трудовой функции интеллектуальной системе. Яркий тому пример из Сколково и Иннополиса: пока в других регионах пользовалась популярностью вакансия курьера, особенно в период пандемии, в названных городах их заменили роботы – роверы, собранные по технологии беспилотных автомобилей. На сегодняшний день роверы также экспериментально используются в Москве и Санкт-Петербурге для передачи документов между зданиями и доставки посылок из почтовых отделений. По экспертным оценкам ожидаются соответствующие изменения на рынке роботодоставки. Уже сегодня трудовики обсуждают возможный рост безработицы, к которому, если можно так сказать, в силах подготовиться и минимизировать негативные последствия для жителей региона за счет продуманной политики, обозначенной в содержании регионального соглашения.

Целесообразно уже сейчас прорабатывать вопрос о дополнительных гарантиях при переводе в организациях части труда в машинную сферу, принимая во внимание реальные возможности и усиленные обязанности работодателей. Так, например, в дополнение к обязанности работодателя предлагать вакантные рабочие места во Франции составляется план адаптации работников к предстоящим изменениям, включая мероприятия по их переобучению [4, с. 71].

Кроме того, пока не урегулирован вопрос в Трудовом кодексе Российской Федерации, актуально с целью сохранения рабочих мест для людей установление некоей квоты по рабочим местам, которые может занять человек, и соответственно работам, которые может выполнять искусственный интеллект по решению работодателя. Этот сдерживающий механизм будет выполнять защитную роль. При этом сегодня затруднительно говорить о конкретных цифрах

такой квоты. Это должно зависеть от процессов разрабатываемых новых технологий, интенсивности их внедрения по разным сферам и отраслям. Заметим, что эта новелла не будет ограничивать исключительное право работодателя в кадровой расстановке, но такое правило направлено на ограничение использования машинного труда вместо человеческого, что позволит сдерживать потоки увольнения работников и сокращений штата или численности работников организаций и индивидуальных предпринимателей.

С учетом особенностей развития регионов страны, производства на их территории и предпринимательской деятельности, региональным органам власти следует осуществлять мониторинг по переходу ситуации на машинный труд (его охват, сферы труда, профессии и должности, подлежащие исключению из штатных расписаний организаций и предпринимателей и т.д.). На этом основании целесообразна разработка программ и стратегий развития регионов, обеспечивающих переобучение, обучение, повышение квалификации граждан и иные мероприятия, направленные на сохранение рабочих мест и обеспечение трудоустройства высвобожденным и высвобождаемым работникам. Иными словами, региональные рынки труда должны быть готовы к возможной технологической безработице в условиях, когда одни профессии потеряют свою актуальность и на смену им придут другие.

В завершении, хотелось бы отметить, что в настоящей работе представлен неполный перечень происходящих и грядущих тенденций по изменениям, внимание было уделено самым значимым вопросам в дискуссионном ключе, на которые нужно чутко и своевременно отреагировать государственным органам и социальным партнерам.

Библиографический список

1. Генеральное соглашение между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством Российской Федерации на 2021–2023 гг. // Доступ из Справ.-прав. системы Консультант Плюс.
2. Минкина Н.И. Индексация заработной платы: проблемы толкования законодательства и практика применения // Современное право. – 2019. – № 1. – С. 67-73.
3. Минкина Н.И. Социальное партнерство в сфере труда: история и перспективы развития в России // Алтайский юридический вестник. – 2021. – № 3 (35). – С. 162-166.
4. Филипова И.А. Трансформация правового регулирования труда в цифровом обществе. Искусственный интеллект и трудовое право: научное издание. – Нижний Новгород, 2019. – 89 с.

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО ДЛЯ ПРОФСОЮЗОВ КАК СПОСОБ КОНСТРУКТИВНОГО РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ В СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВОЙ СФЕРЕ

Панов И.Е.

*Алтайский краевой союз организаций профсоюзов
Россия, г. Барнаул*

Аннотация. В нынешних условиях только партнерская позиция работодателей и наемных работников гарантирует устойчивость ведения хозяйственной деятельности, позволяет избежать крупных социальных потрясений. В статье приведена практика Алтайского крайсовпрофа по конструктивному решению вопросов в сфере труда. Особый акцент сделан на проблеме повышения уровня заработной платы.

Ключевые слова: социальное партнерство, региональное соглашение, коллективный договор, трехсторонняя комиссия, профсоюзы, работодатель, минимальная заработная плата.

В год 85-летнего юбилея образования Алтайского края мы отмечаем 30-летие создания в регионе института социального партнерства. Следует отметить, что краевая трехсторонняя комиссия по регулированию социально-трудовых отношений была создана в далеком 1992 г. совместным постановлением Администрации Алтайского края и президиума Алтайского крайсовпрофа. Считаю, что за прошедший период институт социального партнерства, как таковой, показал свою востребованность и эффективность. В результате реализации его механизмов в крае положительно решается ряд сложнейших вопросов, в том числе, связанных с постепенной стабилизацией социально-трудовых отношений, преодолением задолженности по заработной плате, приведением ее уровня к социально приемлемой норме. В целом хотелось бы сказать, что реализация механизмов социального партнерства позволила избежать крупных социальных потрясений как в крае, так и в муниципалитетах.

Сегодня система социального партнерства Алтайского края включает в себя целый спектр правовых актов, в которых фиксируются договоренности сторон по различным аспектам социально-трудовых и связанных с ними экономических отношений. Конечно же, основным документом является Региональное соглашение между Алтайским краевым Союзом организаций профсоюзов, краевыми объединениями работодателей и Правительством Алтайского края [1].

За последнее время мы продвинулись в конкретизации наших отношений. В прошлом году мы подписали новое региональное соглашение по минимальной заработной плате, которое предполагает ее увеличение сразу на 28%. Мы говорим о базовом минимуме без учета выплат за работу в местностях с особыми климатическими условиями и иных компенсационных выплат, предоставляемых в соответствии с действующим законодательством, соглашениями и коллективными договорами. Считаю, что это ощутимый результат нашей совместной работы, на котором мы, конечно же, останавливаться не будем. Понятно, что нынешний темп инфляционных процессов не позволяет успокаиваться, цены растут. Но, с другой стороны, этот шаг позволил снизить остроту ситуации, ведь до этого три года зарплаты не повышались.

Мы, как профсоюзная сторона, понимаем, что вопрос зарплат для края всегда был достаточно сложным. В этом аспекте на фоне других регионов страны и даже Сибирского федерального округа Алтайский край выглядит не самым лучшим образом. Поэтому считаем необходимым поддержать инициативу председателя Федерации Независимых Профсоюзов России Михаила Викторовича Шмакова, который предлагает пересматривать МРОТ несколько раз в год. К сожалению, пока что действующее законодательство нам это не позволяет сделать. Поэтому региональный минимум оплаты труда для реального сектора экономики останется прежним – 16638 руб. Повторюсь, конечно, сегодняшняя ситуация с инфляцией требует от нас принятия мер. С начала текущего года она ускорилась и составляет 17,7%. Это не может не беспокоить трудящихся, краевое профсоюзное объединение.

Понимаем, что будем выходить на переговоры в конце этого года и, вероятно, они будут непростыми. Потому что, с одной стороны, мы видим падение реальных доходов граждан, с другой – те предприятия и организации, которые работают на территории Алтайского края, так или иначе попадают под влияние западных санкций. И не всё всегда зависит от желания или нежелания руководителя повышать зарплату. Одновременно мы понимаем, что это его ответственность и обязанность – повышать и платить достойную заработную плату, просчитывать ситуацию на шаг вперед.

Если говорить о партнерстве в отношениях работодателя и наемного работника, то в нынешних условиях только партнерская позиция может гарантировать стабильность и устойчивость ведения хозяйственной и предпринимательской деятельности. Считаю, что это справедливо, когда работодатель не только использует труд человека, но и вкладывает в развитие своего работника, повышает его профессиональный уровень, улучшает условия работы, создает условия для жизни. Теперь социальная ответственность бизнеса является одним из приоритетных условий для получения государственной поддержки в нашем

регионе. И такая позиция властей приносит свои положительные результаты. На сегодняшний день сотни работодателей не только развивают свой бизнес, но и вкладывают в людей, в свои трудовые коллективы. В регионе десятки предприятий имеют статус социально ответственных.

Тем не менее, сегодня наша страна находится в сложной ситуации. Внешние санкции, которые иностранные государства вводят в отношении отраслей промышленности, банков, не могут не сказаться на экономике, на уровне жизни людей. В профсоюзах видят необходимость предпринять серьезные шаги, чтобы смягчить внешний удар.

Уверен, что нужны действия, защищающие работников, граждан страны от социальных опасностей санкций. Это означает, что собственники должны быть ограничены в возможностях закрытия предприятий, увольнений. Чтобы компенсировать рост инфляции и цен, необходимы скоординированные меры по обеспечению роста зарплат. Должен быть остановлен рост тарифов на жилищно-коммунальные услуги, транспорт. Цены на основные товары нужно поставить под жесткий контроль государства. В свою очередь, мы, профсоюзная сторона, намерены заниматься нашей прямой обязанностью – будем следить за исполнением тех договоренностей и соглашений, которые уже достигнуты, в том числе коллективных договоров. В каждой конкретной организации, на предприятии, в каждом муниципалитете. Нам успокаиваться рано.

Если коротко, то действия профсоюзов в рамках реализации и развития механизмов социального партнерства должны быть направлены на рост заработной платы, обеспечение безопасности труда, усиление контроля за соблюдением работодателями прав и законных интересов членов профсоюза и трудового законодательства, в том числе через участие в нормотворческой деятельности.

Библиографический список

1. Региональное соглашение между Алтайским краевым союзом организаций профсоюзов, краевыми объединениями работодателей и Правительством Алтайского края на 2021-2023 гг. (Заключено в г. Барнауле 18.12.2020) (ред. от 25.11.2021) // КонсультантПлюс.
2. Региональное соглашение о размере минимальной заработной платы в Алтайском крае на 2022-2024 гг. (Заключено в г. Барнауле 25.11.2021 № 142-с) // КонсультантПлюс.

О ДЕЙСТВИЯХ СОЮЗА ПРОМЫШЛЕННИКОВ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ КАДРОВОЙ ПОТРЕБНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Мещеряков В.А.

*Союз промышленников Регионального объединения работодателей Алтайского края
Россия, г. Барнаул*

Аннотация. Важным элементом преодоления кризисных явлений в промышленном комплексе является обеспечение кадровых потребностей производства. В статье анализируются причины дефицита кадров на предприятиях обрабатывающих производств, представлены примеры содействия предприятиям в обеспечении их квалифицированными кадрами.

Ключевые слова: *промышленность, кадровая потребность, квалифицированные кадры, подготовка специалистов, взаимодействие.*

За последние годы наши предприятия начали ощущать государственные меры поддержки, начали инвестировать и даже показывать значительный рост производства и прибыли. В последние три года объем инвестиций остается самым высоким за десятилетний период и держится на уровне 13-15 млрд. руб. Прибыль в обрабатывающих производствах по сравнению с

2019 г. увеличилась в 2,9 раза. Работодатели начали вкладываться в модернизацию производства, покупать современное высокопроизводительное оборудование и технику, внедрять новые технологии. Именно поэтому стал более явным и актуальным вопрос обеспечения квалифицированными кадрами, так как их нехватка в ряде случаев является препятствием для реализации инвестиционных проектов и выполнения государственных контрактов.

Потребность в квалифицированных рабочих и специалистах в традиционных отраслях промышленности края оценивается более 1300 чел., из них инженерно-технических работников – более 270 чел. Наибольшим спросом пользуются рабочие профессии машиностроительного профиля: токарь, электромонтер, слесарь-ремонтник, фрезеровщик, наладчик оборудования, руководители среднего звена и инженерно-технические работники.

Одним из приоритетных направлений деятельности Союза промышленников Алтайского края на протяжении многих лет была организация взаимодействия предприятий и образовательных организаций высшего и среднего профессионального образования, центров опережающей профессиональной подготовки специалистов, востребованных на рынке труда.

Поиск, подбор, подготовка и развитие кадров требуют вложения значительных средств со стороны работодателей. Вопросы подготовки квалифицированных кадров, качество обучения, соответствие программ обучения реальным запросам работодателей стоят в центре внимания исполнительной дирекции Союза промышленников и неоднократно рассматривались на собраниях Правления Союза промышленников, в управлении Алтайского края по труду и занятости населения, площадках Алтайского государственного технического университета. По инициативе руководителей промышленных предприятий Союза промышленников был проведен круглый стол по теме «Проблемы и перспективы подготовки квалифицированных кадров».

На базе Барнаульского завода автоформованных термостойких изделий с участием представителей Правительства Алтайского края, образовательных организаций, Национального агентства развития квалификаций организован круглый стол по теме «Национальная система квалификаций как вектор развития кадрового потенциала в Алтайском крае». Цель проведения круглого стола – консолидация действий участников рынка труда по обеспечению потребности экономики края в квалифицированных кадрах.

На базе Центра опережающей профессиональной подготовки с участием руководителей кадровых служб предприятий, Центра занятости населения г. Барнаула, Управления Алтайского края по труду и занятости населения состоялся семинар: «Обеспечение потребности квалифицированных кадров для предприятий Алтайского края». По результатам мероприятий было отмечено, что жители Алтайского края не очень охотно идут трудоустраиваться на заводы.

В пандемийный 2020 г. промышленность потеряла более 5,5 тыс. работников, и численность продолжает снижаться при наличии стабильного дефицита рабочих кадров. Причем снижение численности на одном предприятии не компенсируется увеличением числа работающих на другом. Люди уходят в другие сферы занятости: оказание услуг, торговлю [1].

Таблица 1. – Дефицит кадров на основных промышленных предприятиях, по данным на апрель 2022 г.

предприятие	Основные рабочие	Инженерно-технические работники
АО «АПЗ «Ротор»	90	25
ООО «Сибэнергомаш-БКЗ»	50	20
АО «Барнаултрансмаш»	10	4
ООО «Завод механических прессов»	60	20
АО «Барнаульский вагоноремонтный завод»	47	4
ООО УК «АЗПИ»	50	21
ОАО «Барнаульский пивоваренный завод»	113	11
ООО «Коротоякский элеватор»	15	6
ООО «Третьяковский элеватор»	12	3

И дело здесь не в уровне заработной платы, как принято это объяснять. Заработная плата квалифицированных рабочих на основных промышленных предприятиях составляет 50-100 тыс. руб. Снижение численности по видам экономической деятельности в обрабатывающей промышленности от одной до двух тысяч человек произошло в производстве готовых металлических изделий, производстве транспортных средств, производстве пищевых продуктов. Кроме этого, произошло снижение численности работников в растениеводстве и животноводстве, предоставлении услуг в этих областях, в строительстве.

Решению проблем закрепления квалифицированных кадров на предприятиях было посвящено расширенное заседание Правления Союза промышленников Алтайского края с участием министра образования и науки Алтайского края, министра промышленности и энергетики Алтайского края, директоров профессиональных образовательных организаций. Было принято решение об усилении информационной работы по популяризации рабочих и инженерных профессий у подрастающего поколения, увеличении бюджетных мест на инженерно-технические специальности. С целью привлечения квалифицированных кадров на предприятия необходимо проведение целенаправленной социальной политики, направленной на улучшение условий труда и быта, формирование «моды» на здоровый образ жизни и условий для его соблюдения, создание стимулирующих условий для работы.

Понимая это, работодателями были приняты дополнительные обязательства при согласовании Регионального трехстороннего Соглашения на 2021–2023 гг. в части развития социальной сферы, предоставления гарантий и компенсаций работникам, в области молодежной политики, в создании благоприятных и безопасных условий труда [2]. Необходимо кардинально поменять представление о промышленности у молодежи. А сделать это, в первую очередь, возможно путем проведения модернизации производства и замены устаревшего оборудования.

С целью популяризации рабочих профессий, ознакомления школьников с современными условиями труда на предприятиях Союза промышленников, патриотического воспитания молодежи, было заключено соглашение между Союзом промышленников, Фондом Героя России В.А. Шаманова «Защитники Отечества», Центром занятости г. Барнаула. В соответствии с соглашением было организовано посещение учениками 9-х классов образовательных организаций г. Барнаула предприятий: ООО Управляющая компания «Алтайский завод прецизионных изделий», ООО «Завод механических прессов», ОАО «Барнаульский пивоваренный завод» и др.

Для частичного решения кадровой проблемы в 2020 г. Союз промышленников Алтайского края выступил с инициативой организации краевой программы переподготовки инженерных кадров, которую поддержало Правительство Алтайского края. На реализацию программы из краевого бюджета выделено 5 млн. руб. В 2021 г. была проведена большая работа, и, как итог, 63 специалиста промышленных предприятий из г. Бийска, Рубцовска, Барнаула получили дипломы о прохождении обучения по Губернаторской программе переподготовки инженерных кадров. В 2022 г. вновь был объявлен конкурс на участие в прохождении обучения по Губернаторской программе [3]. Конкурс вызвал большой интерес среди инженерно-технических работников предприятий. Работники 42 организаций направили 182 заявки на участие в конкурсе, одобрено 66 кандидатов.

Одно из перспективных направлений – взаимодействие с образовательными организациями среднего профессионального и высшего образования с целью расширения практики заключения договоров о целевом обучении с гражданами, поступающими на обучение в образовательные организации. В 2021 г. Союз промышленников заключил Соглашения о сотрудничестве в области подготовки кадров для промышленных предприятий Алтайского края с Алтайским государственным техническим университетом, Алтайским государственным университетом, Алтайским филиалом РАНХиГС, Министерством образования и науки Алтайского края и Алтайским политехническим техникумом.

Проводимая работа позволит организовать более тесное взаимодействие между работодателями и образовательными организациями в плане подготовки и обеспечения промышленных предприятий квалифицированными кадрами.

Библиографический список

1. Краткосрочные экономические показатели Алтайского края // Алтайкрайстат. – URL: <https://akstat.gks.ru/folder/33439>.
- Сайт Министерства промышленности и энергетики Алтайского края. – URL: <http://www.alt-prom.ru>.
2. Интерактивный портал управления Алтайского края по труду и занятости населения. – URL: https://portal.22trud.ru/content/%D1%80%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D1%81%D0%BE%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F.
3. Управление по предпринимательству и рыночной инфраструктуры Алтайского края. – URL: <https://xn--80aaaabldn0cxaafocokddcnsq10a.xn--22-9kcqjffxf3b.xn--p1ai>.

О ДЕЙСТВИЯХ АО «АПЗ «РОТОР» ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ КАДРОВОЙ ПОТРЕБНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ

Цомаева И.В., Угарова Ю.В., Сеченова Л.П.

АО АПЗ «РОТОР»
Россия, г. Барнаул

Аннотация. В современных экономических условиях на рынке труда наблюдается дисбаланс спроса и предложения. Острую потребность в специалистах инженерных и рабочих профессий испытывают промышленные предприятия. В статье обозначены экономические, структурные и институциональные факторы, объясняющие сложившуюся ситуацию. Перечислены инструменты, применяемые АО АПЗ «РОТОР» для решения кадровых вопросов.

Ключевые слова: персонал, кадровая потребность, факторы, подготовка специалистов, взаимодействие.

По данным государственной статистики, ситуация на регистрируемом рынке труда Алтайского края в 2022 г. характеризуется высоким уровнем спроса. По официальным данным службы занятости, потребность в кадрах на 01.01.2022 составила 21,9 тыс. вакансий. Коэффициент напряженности составлял 8 незанятых граждан на 10 вакантных рабочих мест. По состоянию на 01.03.2022 количество вакансий заметно уменьшилось и составило 17,5 тыс. На одного незанятого гражданина приходится одно вакантное рабочее место (рис. 1).

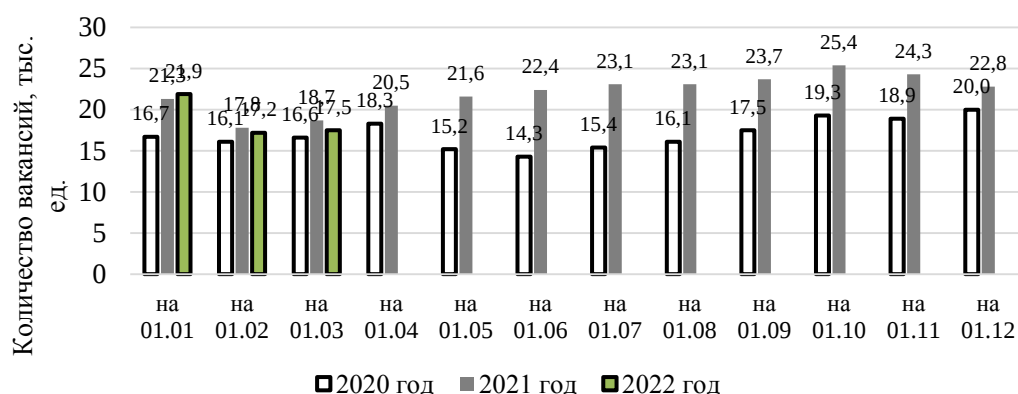

Рисунок 1. – Динамика потребность в кадрах в Алтайском крае [1].

В свою очередь, по данным hh.ru, картина несколько иная – на 1 вакансию приходится 4 кандидата. Это свидетельствует об умеренном уровне конкуренции в пользу соискателя на рынке труда Алтайского края (рис. 2).

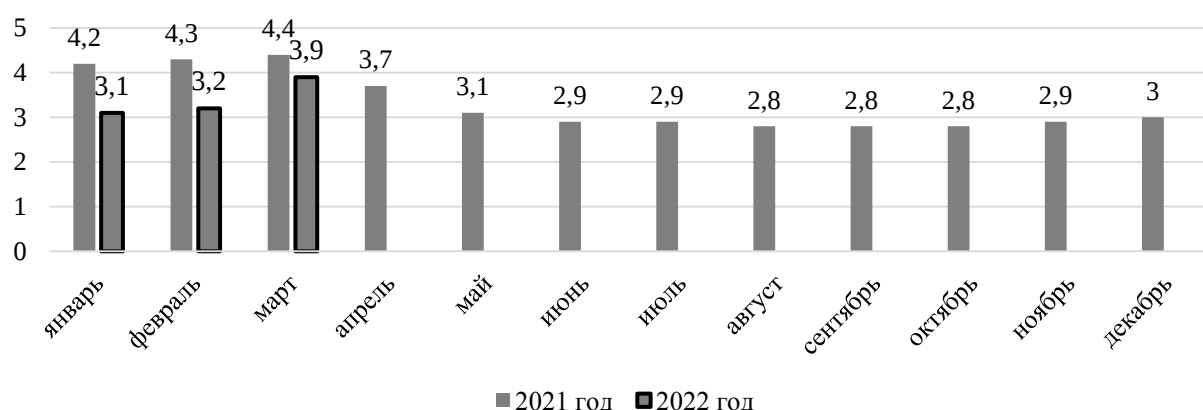

Рисунок 2. – Динамика hh-индекса – отношения количества активных резюме к вакансиям по всем профобластям в Алтайском крае [2].

Однако, в профобласти «Производство» ситуация остается напряженной. НН.индекс составляет 1,5 (на 1 вакансию приходится 1,5 кандидата). Это объясняется дисбалансом спроса и предложения на региональном рынке труда. По оценкам крупных промышленных предприятий Алтайского края текущая потребность в персонале составляет от 60 до 80 чел., в среднем 10-15% от общей численности, уже на протяжении нескольких лет. Между промышленными предприятиями региона наблюдается высокая конкуренция за квалифицированные кадры, а по некоторым рабочим профессиям ощущается дефицит (рис. 3).

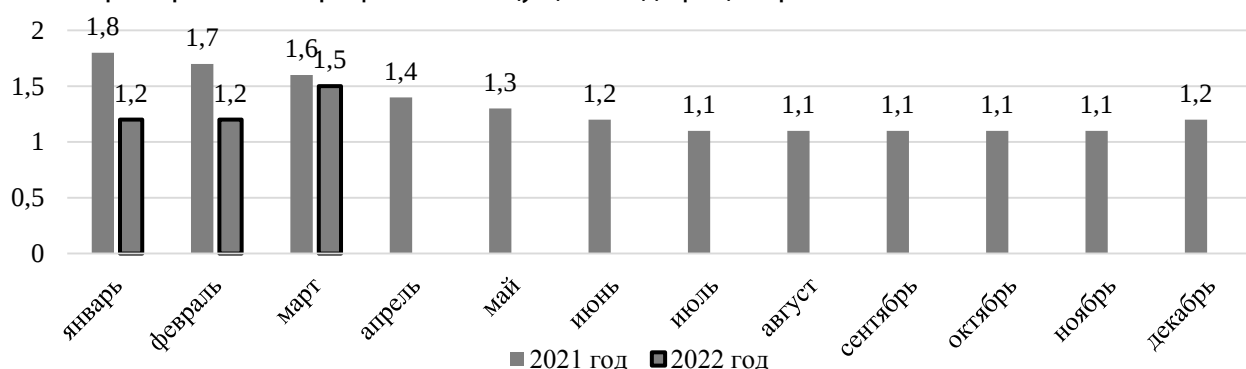

Рисунок 3. – Динамика hh-индекса – отношения количества активных резюме к вакансиям по профобласти «Производство» в Алтайском крае [2].

На сложившуюся ситуацию оказали влияние демографические, институциональные и другие факторы.

1) Естественная убыль населения, начиная с 1995 г. и по настоящее время. В 2020 г. естественная убыль населения в Алтайском крае составила 18,2 тыс. чел., а в 2021 г. – 22,1 тыс.чел. За январь-февраль 2022 г. – около 2,0 тыс. чел. (1 965 чел.).

2) Низкая привлекательность региона для проживания и труда. Дефицит на рынке труда объясняется оттоком населения в другие регионы и за рубеж. Миграционный отток в 2020 г., по данным государственной статистики, в Алтайском крае составил 2,6 тыс. чел., в 2021 (январь-ноябрь 2021 г.) – 3,5 тыс. чел. В январе 2022 г. миграционный отток в Алтайском крае составил – 807 чел. В то время как в аналогичном периоде 2021 г. – 274 чел. (в 3 раза больше).

Одной из причин является размер оплаты труда. По оценкам специалистов, средняя предлагаемая работодателями заработная плата в Алтайском крае составляет 40224 руб., что

на 24% ниже, чем в целом по России. Общая убыль населения в 2020 г. в Алтайском крае составила – 20,8 тыс. чел., в 2021 г. – 25,6 тыс. чел., в начале 2022 г. – около 3 тыс. чел. (рис. 4).

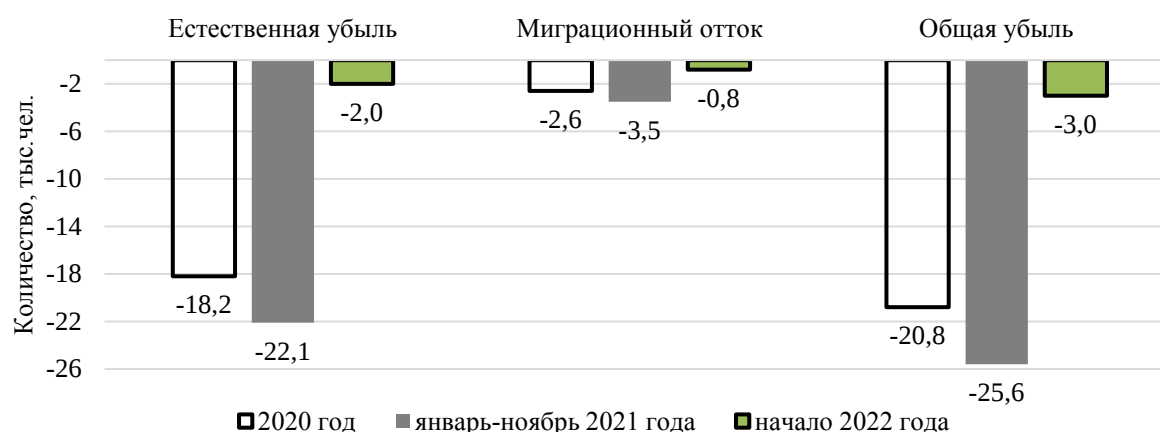

Рисунок 4. – Динамика убыли населения в Алтайском крае

По итогам 2021 г. численность трудоспособного населения в Алтайском крае меньше средней численности трудоспособного населения за 20 лет примерно на 100 тыс. чел. (среднее за 2002-2021 гг. – 1 206,9 тыс. чел., в 2021 г. – 1 109,8 тыс. чел.) [3].

3) Дефицит кадров в сфере промышленного производства – это последствия институциональных и экономических реформ 90-х гг. В период конверсии оборонной промышленности, и, в целом, спада промышленного производства в конце 90-х – начале 2000-х гг. снизились престиж работы в промышленной сфере и популярность рабочих профессий. Компетентные специалисты ушли из производственной сферы, вышли на пенсию, не передав опыт молодежи. Нарушилась преемственность, система наставничества и передача опыта.

4) Реформа системы образования в Российской Федерации оказала влияние на качество подготовки специалистов и структуру предложения на рынке труда.

В сфере высшего образования приоритеты сместились в пользу подготовки специалистов гуманитарного профиля. Снизилось количество выпускников технического профиля. Образовательные организации стали специализироваться на подготовке специалистов для сферы услуг. Простота освоения, низкая стоимость образовательной услуги, короткие сроки освоения и быстрая окупаемость затрат на обучение формирует повышенный интерес у потребителей. Для образовательной организации такие образовательные программы не требуют серьезной материально-технической базы и высокой квалификации преподавателей. И, как следствие, контрольные цифры приема не учитывают потребность промышленных предприятий. Сокращению специалистов рабочих профессий способствует доступность высшего образования. Даже с невысокими экзаменационными оценками в школе большинство выпускников могут поступить в вуз. В результате снижается и общий уровень подготовки инженерных кадров, и количество абитуриентов, желающих обучаться в организациях среднего профессионального образования по рабочим специальностям.

Переход на двухуровневую систему высшего образования способствовал изменению подходов к образованию. В процессе подготовки бакалавров сократились сроки обучения до 4 лет, сократилось количество академических часов контактной работы (работы с преподавателем) в пользу увеличения времени на самостоятельную работу студента, образовательные программы стали универсальными. Это повлияло на качество не столько образовательного процесса, сколько на качество конечного результата – уровень компетенций выпускника. Сегодня «бакалавр» в реальном секторе экономики воспринимается как выпускник, имеющий неполное высшее образование и не вполне готовый к работе.

Наличие опыта и стажа работы, желательно по специальности, на сегодняшний день является одним из существенных требований к кандидатам на рынке труда. Современные обра-

зовательные программы должны быть практикоориентированы. Это предполагает консолидацию усилий образовательной организации и потенциального работодателя через формализованную систему взаимодействия, которой в Алтайском крае пока нет. Образовательная организация формирует у специалиста универсальные компетенции, но их недостаточно для выполнения трудовых функций и решения производственных задач. Работодатель пока в должной мере не интегрирован в образовательный процесс.

Проблемы дефицита педагогических кадров, материально-технической базы характерны и для самой системы образования. Темпы развития образовательных технологий не соответствуют темпам развития промышленных технологий. Полученные специалистом в процессе подготовки знания не соответствуют требованиям, предъявляемым современными производственными предприятиями.

5) Очевидна и проблема «образование – армия – рынок». Молодые люди по завершении обучения в образовательной организации идут служить в армию. При прохождении военной службы они теряют квалификацию, а после возвращения не имеют возможности ее восстановить. В результате рынок труда теряет квалифицированных специалистов. Кроме того, уровень заработной платы в армии сравнительно выше, чем в реальном секторе экономики. Поэтому некоторые молодые люди отдают предпочтение контрактной военной службе работе в промышленности. Служба в армии зачастую проходит в других регионах страны, провоцируя дополнительную трудовую миграцию.

6) Жилищные и бытовые вопросы сдерживают трудовую миграцию. Для обеспечения прироста в результате трудовой миграции в регионе должны быть созданы условия, включая жилищно-бытовые и социально-инфраструктурные. Заработная плата работника должна учитывать расходы на его переезд и переезд членов его семьи, найм жилья. Но работодатель, на практике, не может компенсировать все эти затраты в связи с объективными экономическими причинами.

7) Кадровый голод порождает нездоровую конкуренцию на рынке труда, основным конкурентным преимуществом в которой становится уровень заработной платы. Это приводит к необоснованному росту уровня заработных плат и увеличению налоговой нагрузки на предприятия, но не решает проблему промышленности региона.

8) Теневой рынок труда усложняет кадровый вопрос. Крупные промышленные предприятия обеспечивают социальные гарантии своим работникам в полном объеме, в соответствии с законодательством РФ в отличие от малых предприятий теневого сектора экономики. Поэтому уровень заработной платы на крупных промышленных предприятиях неконкурентоспособен по сравнению с уровнем заработной платы в теневом секторе экономики на величину налогов и сборов, которые предприятия уплачивают за своих работников.

9) Пандемия обострила ситуацию на рынке труда. С одной стороны, произошло высвобождение персонала. С другой, возникло «социальное иждивенство»: безработный отказывается от имеющейся трудовой вакансии, предпочитая получать материальное пособие.

10) Беспрецедентный объем санкций со стороны Запада, сбой цепочек поставок, а также обвал рубля в I квартале 2022 г. и инфляция, радикально повлияли на экономику Алтайского края. Пока официальной информации о высвобождении, сокращении работников, а также о переводе на неполное рабочее время от предприятий нет. Но показатели рынка труда свидетельствуют об обратном, хоть и незначительном сокращении дефицита.

Списочная численность персонала АО АПЗ «Ротор» на 01.04.2022 составляет 923 чел. В связи с увеличением объемов производства завод готов трудоустроить дополнительно до 120 чел. при сохранении текущей списочной численности.

Для удовлетворения текущей потребности завод использует разнообразные инструменты привлечения персонала, включая:

– рекрутинг с помощью рекламных сообщений о вакансиях в СМИ, рекламных объявлений в интернете на специализированных площадках;

– прелиминаринг (привлечение через производственную практику и стажировки перспективных молодых специалистов (студентов и выпускников вузов)) путем взаимодействия с образовательными организациями города;

– прямой целенаправленный поиск (exclusive search) персонала высшего и среднего управленческого звена и узких специалистов.

Это в большей степени тактические мероприятия, направленные на решение текущих задач. Сложившаяся на рынке труда ситуации требует системного подхода.

Существенную поддержку в вопросах кадрового обеспечения завода оказывает Управление Алтайского края по труду и занятости населения и Кадровый центр «Работа России». АО АПЗ «Ротор» активно пользуется общероссийской базой вакансий «Работа в России» по подбору кадров. Вакансии завода регулярно пополняют эту базу. При содействии Кадрового центра наиболее острые вакансии интенсивно продвигаются на информационных платформах центра «Работа России». Перечисленные активности имеют хороший отклик у кандидатов на вакантные должности.

Поэтому в качестве перспективного направления развития сотрудничества с Управлением Алтайского края по труду и занятости населения и Кадровым центром «Работа России» АО АПЗ «Ротор» видит в содействии профессиональному обучению и дополнительному профессиональному образованию по приоритетным и остродефицитным для завода профессиям (токарь, фрезеровщик, наладчик и др.). Это стало бы существенным содействием в решении кадровых задач АО АПЗ «Ротор».

Значимо в сложившейся ситуации тесное партнёрское взаимодействие с образовательными организациями как высшего, так и среднего профессионального звена по подготовке специалистов: Алтайским государственным техническим университетом им. И.И. Ползунова, Алтайским государственным университетом, Алтайским политехническим техникумом, Алтайским государственным колледжем и т.д. В 2020 г. по договорам о целевом обучении по образовательной программе высшего образования поступили в вузы 7 чел., а в 2021 г. – 15. На этапе обучения в образовательной организации АО АПЗ «РОТОР» оказывает всестороннюю поддержку своим «целевикам»: выплачивает стипендии по результатам экзаменационной сессии, предоставляет возможность пройти практику, назначает наставника на время практики. Помимо «целевиков» и другие студенты образовательных организаций проходят практику на заводе. Всего в 2020 г. 95 студентов образовательных организаций прошли практику на АО АПЗ «РОТОР», в 2021 г. – 112 чел., включая студентов Томских и Санкт-Петербургских вузов.

Для решения кадрового вопроса на заводе ведется активная работа по повышению квалификации и профессиональной переподготовке в различных центрах повышения квалификации и образовательных организациях сотрудников завода. Существенной статьей затрат для АО АПЗ «РОТОР» является подготовка рабочих по приоритетным рабочим профессиям на рабочем месте. В 2020 г. было заключено 88 ученических договоров на практическую подготовку и профессиональное обучение, в 2021 г. – 51. Доля «учеников», имеющих перед началом освоения рабочей профессии на Роторе профильное или «околопрофильное» образование, в 2021 г. выросла по сравнению с 2020 г. (25% против 21%) (рис. 5). Сейчас на заводе «обучаются» 14 чел. Это потребовало переосмысление подходов к профподготовке на рабочем месте. В отличие от предыдущего опыта у группы учеников теперь есть куратор, у каждого ученика – наставник. В учебном классе завода проводятся занятия и срезы знаний по основам теории резанья, чтения машиностроительных чертежей, основам допусков и посадок, основам технических измерений и основам спецтехнологий. На рабочем месте осуществляется формирование навыков работы за металлорежущими станками.

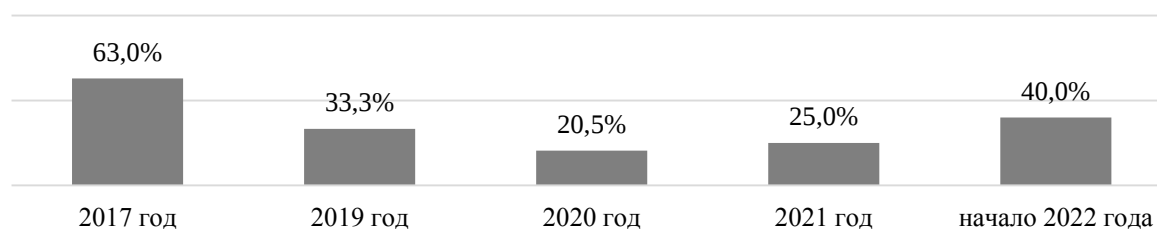

Рисунок 5. – Доля рабочих, имеющих профильное или «околопрофильное» образование перед началом практической подготовки или обучением на АО АПЗ «РОТОР»

Для повышения квалификации мастеров производственных участков на заводе организована «Школа мастеров». Объем курса – 32 ч. Занятия разделены по тематическим блокам: охрана труда, организация сменных действий мастера, повышение эффективности действий участка, нормирование труда, работа с кадрами и адаптация сотрудников, основы бережливого производства и цифровые технологии производства и учета.

АО АПЗ «Ротор» с 2016 г. является социальным партнером WorldSkillsRussia. На его базе проводятся чемпионаты по компетенциям «Токарные работы на станках с ЧПУ» и «Фрезерные работы на станках с ЧПУ». В Алтайском крае только данный завод имеет площадку, полностью соответствующие стандартам чемпионата. Регулярно на заводе проводятся экскурсии. В 2020 г. посетили завод 48 чел. в связи с ограничительными мерами по недопущению распространения коронавирусной инфекции. В 2021 г. – 193 чел., в 2022 г. – 68 чел.

Как было отмечено ранее, на «Роторе» открыто около 120 вакансий. К сожалению, базы кандидатов расширяются не так быстро, как хотелось, поэтому перспективы удовлетворения кадровой потребности мы видим в следующем:

- ранняя профориентация. На наш взгляд, приоритетно взаимодействие с сельскими школами. Мы рассматриваем возможность создания классов Союза машиностроителей России на базе общеобразовательных организаций при содействии Алтайского регионального отделения Союза.

- усиление взаимодействия с организациями среднего профессионального образования в части подготовки студентов по целевым договорам.

- усиление взаимодействия с УЦЗН по вопросу подбора персонала, трудоустройства временно высвобожденного персонала и подготовки кадров по рабочим профессиям.

- развитие партнерства с промышленными предприятиями в части укрепления положительного имиджа (HR-бренда) промышленных предприятий и рабочих и инженерных профессий.

- взаимодействие с профильными министерствами в рамках реализации целевых программ поддержки бизнеса.

Библиографический список

1. Рынок труда в Алтайском крае // Официальный сайт Алтайского края. – URL: <https://www.altairegion22.ru/territory/trud>.
2. Статистика по России. Сибирский федеральный округ. Алтайский край // HeadHunter. – URL: https://stats.hh.ru/altai_krai.
3. Численность рабочей силы. – URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/34061>.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1. Разработка и реализация стратегий социально-экономического развития территорий: методологическое и нормативное обеспечение, актуальные проблемы моделирования, прогнозирования, мониторинга.

Селиверстов В.Е.

Эволюция регионального стратегирования в России и Сибири: отвечая на вызовы времен. 3

Троцкий А.Я., Перекаренко Ю.А.

Популизм в стратегировании: истоки, формы и последствия 9

Сабына Е.Н. Стратегия социально-экономического развития:

важные аспекты разработки и реализации 13

Малов В.Ю.

Региональные стратегии: пороги на пути от разработки до реализации 16

Мелентьев Б.В.

Переход к оценкам прогнозов развития экономики отдельных регионов

с учётом внешних связей на основе системы межотраслевых инструментов 21

Ермина И.А.

Методологические подходы по формированию

комплексных проектов развития территории 26

Кириловский Р.В.

Стратегическое планирование как инструмент развития территорий 31

Чаленко А.В., Казиева Б.А.

Социальный аспект стратегии регионального развития 35

Ретивых И.В.

Форсайт-проектирование – современный этап эволюции технологий

стратегического управления территориальным развитием 41

Ступникова Е.А.

Экономико-математическое моделирование реализации

стратегии социально-экономического развития региона 44

Ветров Р.В.

Прикладной системный анализ как технология повышения качества и

результативности управления социально-экономическим развитием региона 41

Селютина Л.Г., Алексеева Т.П.

Современные направления концептуального обеспечения развития

цифровых платформ в отраслях региональной экономики 51

Коновалова Л.Г.

Парламентаризм как правовая концепция, способная повысить эффективность

решения задач устойчивого развития и стратегического планирования 55

Раздел 2. Опыт разработки и реализации стратегий социально-экономического развития субъектов Российской Федерации и муниципальных образований.

Ши Цзясинь

Цифровая энергетика и цифровизация энергетической отрасли в Китае 61

Ельчанинова Е.Р.

Прогнозирование и мониторинг социально-экономического развития Новой Аквитании

с применением современных статистических и стратегических технологий 65

<i>Гарибова Ф.М.</i>	
Социально-экономическое развитие Республики Таджикистан	69
<i>Крюков Я.В.</i>	
Энергетическая стратегия Якутии до 2032 г.: роль нефтегазового сектора	73
<i>Рожков Е.В.</i>	
Проблемы разработки стратегии социально-экономического развития Пермского края...	78
<i>Воробьева А.С.</i>	
Развитие бюджетообразующих стандартов регионального уровня (на примере Калужской области)	80
<i>Шишкина М.Р.</i>	
Проблема снижения углеродного следа в мегаполисах (на примере города Москва)	86
<i>Ждан Г.В., Сумская Т.В.</i>	
Опыт разработки сценариев развития в стратегии социально-экономического развития города (на примере г. Бердска Новосибирской области)	87
<i>Лякишева В.Г.</i>	
Об опыте стратегического планирования развития муниципальных образований: история и современность (на примере г. Барнаула)	92

Раздел 3. Ресурсное обеспечение и отраслевые проблемы реализации стратегий социально-экономического развития регионов

<i>Бурматова О.П.</i>	
Экологическая программа в стратегии развития региона	98
<i>Игнатенко М.Н., Куликова А.А., Третьякова О.С.</i>	
Особенности реализации Стратегии развития туризма в Российской Федерации на региональном уровне	101
<i>Краморенко С.В.</i>	
Трансформация (формирование) концепции «геопарка» как якорного объекта туристического кластера Алтайского края, в рамках перспективного направления устойчивого развития региона	104
<i>Попов Р.А.</i>	
Регион: плюсы и минусы миграционных процессов	109
<i>Ростовская Т.К.</i>	
Корпоративная демографическая политика как составная часть социальной ответственности российских организаций	113
<i>Жибуляк Е.С.</i>	
Реализация государственной политики в образовании	115
<i>Щетинина И.В., Деревянко Ю.О.</i>	
Кадровое обеспечение стратегии инновационного развития аграрной экономики	117
<i>Фомичев А.Н.</i>	
Адаптация системы обучения персонала к условиям глобальной цифровизации мировой экономики	121
<i>Воробьев С.П., Гончарова Н.П.</i>	
Ресурсное обеспечение и доступность оказания медицинской помощи населению России в условиях пандемии COVID-19	124
<i>Мищенко В.В., Мищенко И.К.</i>	
Роль транспортной инфраструктуры в стратегическом развитии Алтайского края	127

Арцибашев А.И.

Потребность в социальном жилье как новый фактор
социально-экономического развития региона 131

Наумов А.Н., Ружицкая И.В.

Низкий уровень вовлечения бизнеса как одна из проблем взаимодействия
органов власти и бизнес-структур при разработке стратегий
социально-экономического развития регионов 134

Исабагандова П.Г. Совершенствование отношений частного бизнеса
и государства как резерв положительной динамики регионального развития 138

Лушников М.С.

Антикоррупционная составляющая силовых структур на современном
этапе развития Российской Федерации 143

Кондратьев В.П.

Социологический мониторинг государственной гражданской службы
как инструмент повышения качества управления развитием территорий 147

Бекмуратов К.А.

Совершенствование инструментов нормативно-правового
регулирования современного правопорядка 150

Заигралова С.В.

Стратегические задачи муниципальной политики в сфере развития
малого и среднего предпринимательства (на примере МО «Город Саратов») 153

Раздел 4. Социальное партнерство как инструмент развития экономики и повышения качества жизни граждан

Капура Н.А.

Социальное партнерство в сфере труда как механизм реализации
трудовых прав граждан в Алтайском крае 156

Солнцева И.В.

О развитии законодательства Алтайского края в сфере труда и занятости населения 160

Грузных С.Н.

Органы власти и профсоюзные организации: вектор взаимодействия 162

Варнаевская И.П.

Повышение социальной ответственности работодателей на уровне
муниципальных образований Омской области 165

Минкина Н.И.

Основные тенденции развития социального партнерства
в сфере труда в Российской Федерации 169

Панов И.Е.

Социальное партнерство для профсоюзов как способ
конструктивного решения проблем в социально-трудовой сфере 172

Мещеряков В.А.

О действиях Союза промышленников по обеспечению
кадровой потребности предприятий Алтайского края 174

Цомаева И.В., Угарова Ю.В., Сеченова Л.П.

О действиях АО «АПЗ «Ротор» по обеспечению кадровой потребности предприятия 177

Подписано в печать 01.09.2022.
Формат 60х84/8. Бумага офсетная.
Усл. п.л. – 13,5. Заказ 902. Тираж 500 экз.
Отпечатано в типографии «Графикс»
Лицензия ПД №12-0150 от 14 ноября 2001 г.
г. Барнаул, Ползунова 45б/Красноармейский, 15
т./ф. 63-77-02, 63-93-23, 65-98-14,
e-mail: graphxd@yandex.ru
www.graph-x.ru